

ISSN 2587-9340

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
SCIENTIFIC-PRACTICAL
LEGAL JOURNAL

ТАМБОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Том 4

№ 16

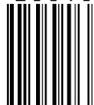
2020

CURRENT
ISSUES
OF THE STATE
AND LAW

ISSN 2587-9340

20016 >

9 772587 934009

Том 4. № 16. 2020

Научно-практический
юридический журнал
Основан в феврале 2017 г.
Выходит 4 раза в год

Vol. 4, no. 16, 2020

Scientific-practical
legal journal
Established in February, 2017
Issued 4 times a year

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный
университет имени
Г.Р. Державина»
(392000, Тамбовская обл.,
г. Тамбов, ул. Интернациональная,
д. 33)

The establisher and publisher:
Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education
“Derzhavin Tambov State University”
(33 Internatsionalnaya St.,
Tambov 392000, Tambov Region,
Russian Federation)

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2020. Все права защищены
© Редакционная коллегия журнала «Актуальные проблемы государства и права», 2020
© Редакция журнала «Актуальные проблемы государства и права», 2020
При перепечатке, а также при цитировании материалов ссылка на журнал обязательна. Ответственность за содержание публикаций несет автор.

© FSBEI of HE “Derzhavin Tambov State University”, 2020. All rights reserved
© Editorial board of the journal “Current Issues of the State and Law”, 2020
© Editorial of the journal “Current Issues of the State and Law”, 2020
The reference is obligatory while reprinting and citation of materials.
The responsibility for the content rests for the author

Bd. 4. Nr. 16. 2020

Wissenschaftspraktische

Rechtszeitschrift

Gegründet am Februar 2017

Ausgegeben viermal pro Jahr

2020年 第4卷 第16期

科学实践法律杂志

创刊于2017年2月

每年发行4次

AKTUELLE FRAGEN DES STAATES UND RECHTS

国家和法律的现实问题

Gründer und Verleger:

Föderale staatliche

haushaltsplangebundene

Bildungseinrichtung für

Hochschulbildung “Derschawin

Staatliche Universität Tambow”

(392000, Gebiet Tambow,

Tambow, Internatsionalnaya Str., 33)

创办与发行单位:

俄联邦国家预算高等教育机构 “坦波夫杰尔查文国立大学”

(392000, 坦波夫州, 坦波夫市,
国际大街 33 号)

© FSHBH “Derschawin Staatliche Universität Tambow”, 2020. Alle Rechte vorbehalten

© Editorial der Zeitschrift “Aktuelle Fragen des Staates und Rechts”, 2020

© Redaktion der Zeitschrift “Aktuelle Fragen des Staates und Rechts”, 2020

Bei Nachdruck und Zitieren des Materials Verweisung an der Zeitschrift ist obligatorisch.

Der Autor ist verantwortlich für Publikationsinhalt.

© 俄联邦国家预算高等教育机构 “坦波夫杰尔查文国立大学”, 2020年, 《一切权利都受保护》

© 杂志《国家和法律的现实问题》编委会, 2020年

© 杂志社《国家和法律的现实问题》, 2020年再版或援引时务必要有杂志引用出处。

刊物内容的责任由作者承担。

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Стромов Владимир Юрьевич – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), ректор

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Шуняева Вера Анатольевна – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), директор Института права и национальной безопасности

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Зелепукин Роман Валерьевич – к.ю.н. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), заместитель директора по научной работе Института права и национальной безопасности

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА:

Андряшко Марина Васильевна – к.ю.н., доцент. Барановичский государственный университет (г. Барановичи, Республика Беларусь), доцент кафедры общеправовых дисциплин и государственного управления

Афанасьев Сергей Федорович – д.ю.н., профессор. Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, РФ), заведующий кафедрой арбитражного процесса

Блинкова Елена Викторовна – д.ю.н., профессор. Российская государственная академия интеллектуальной собственности (г. Москва, РФ), факультет управления интеллектуальной собственностью, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права

Воронов Александр Федорович – д.ю.н., профессор. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, юридический факультет (г. Москва, РФ), профессор кафедры гражданского процесса

Ельцов Николай Сергеевич – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), заведующий кафедрой теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности

Золотухин Александр Дмитриевич – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), заведующий кафедрой гражданского и арбитражного процесса Института права и национальной безопасности

Иванова Нелли Александровна – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), заведующий кафедрой гражданского права Института права и национальной безопасности

Илиевски Александр – д.ю.н., профессор. Международный славянский университет «Г.Р. Державин» (г. Свети Николь-Битола, Республика Македония), декан юридического факультета, профессор

Камышанский Владимир Павлович – д.ю.н., профессор. Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (г. Краснодар, РФ), заведующий кафедрой гражданского права, профессор кафедры гражданского и международного частного права

Клименко Таужан Михайловна – д.ю.н., профессор. Чеченский государственный университет (г. Грозный, РФ), профессор кафедры уголовного права и криминологии

Комаров Сергей Александрович – д.ю.н., профессор. ЧОУ ВО «Юридический институт» (г. Санкт-Петербург, РФ), научный руководитель; Межрегиональная общественная организация «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права» (г. Москва, РФ), президент; член научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации В.И. Матвиенко

Кочетков Александр Викторович – к.ю.н., доцент. Арбитражный суд Воронежской области (г. Воронеж, РФ), председатель суда

Лагутин Игорь Борисович – д.ю.н., доцент. Юго-Западный государственный университет (г. Курск, РФ), заведующий кафедрой финансового права, конституционного, гражданского и административного судопроизводства

Лопашенко Наталья Александровна – д.ю.н., профессор. Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, РФ), профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права; Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции (г. Саратов, РФ), директор

Осокин Роман Борисович – д.ю.н., профессор. Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (г. Москва, РФ), начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров

Панько Кирилл Константинович – д.ю.н., доцент. Воронежский государственный университет (г. Воронеж, РФ), профессор кафедры уголовного права

Полищук Николай Иванович – д.ю.н., профессор. Академия ФСИН России (г. Рязань, РФ), профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права

Рыбакова Светлана Викторовна – д.ю.н., доцент. Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, РФ), профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой

Соловьева Виктория Викторовна – д.ю.н., профессор. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал (г. Липецк, РФ), профессор кафедры теории и истории государства и права

Трофимов Василий Владиславович – д.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права

Тычинин Сергей Владимирович – д.ю.н., профессор. Белгородский государственный национальный исследовательский университет (г. Белгород, РФ), заведующий кафедрой гражданского права и процесса

Юдин Андрей Владимирович – д.ю.н., доцент. Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (г. Самара, РФ), и.о. заведующего кафедрой гражданского процессуального и предпринимательского права юридического факультета, профессор

EDITOR-IN-CHIEF:

Candidate of Jurisprudence, Associate Professor, Rector V.Y. Stromov (Tambov, RF)

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL:

Candidate of Jurisprudence, Associate Professor V.A. Chunyaeva (Deputy Editor-in-Chief) (Tambov, RF), Candidate of Jurisprudence R.V. Zelepukin (Executive Secretary) (Tambov, RF), Candidate of Jurisprudence, Associate Professor M.V. Andriyashka (Baranavichy, Republic of Belarus), Doctor of Jurisprudence, Professor S.F. Afanasev (Saratov, RF), Doctor of Jurisprudence, Professor E.V. Blinkova (Moscow, RF), Doctor of Jurisprudence, Professor A.F. Voronov (Moscow, RF), Candidate of Jurisprudence, Associate Professor N.S. Eltsov (Tambov, RF), Candidate of Jurisprudence, Associate Professor A.D. Zolotukhin (Tambov, RF), Candidate of Jurisprudence, Associate Professor N.A. Ivanova (Tambov, RF), Doctor of Jurisprudence, Professor A. Iievski (Sveti Nikole, Republic of Macedonia), Doctor of Jurisprudence, Professor V.P. Kamyshanskiy (Krasnodar, RF), Doctor of Jurisprudence, Professor T.M. Klimenko (Grozny, RF), Doctor of Jurisprudence, Professor S.A. Komarov (St. Petersburg, Moscow, RF), Candidate of Jurisprudence, Associate Professor A.V. Kochetkov (Voronezh, RF), Doctor of Jurisprudence, Associate Professor I.B. Lagutin (Kursk, RF), Doctor of Jurisprudence, Professor N.A. Lopashenko (Saratov, RF), Doctor of Jurisprudence, Professor R.B. Osokin (Moscow, RF), Doctor of Jurisprudence, Associate Professor K.K. Panko (Voronezh, RF), Doctor of Jurisprudence, Professor N.I. Polishchuk (Ryazan, RF), Doctor of Jurisprudence, Associate Professor S.V. Rybakova (Saratov, RF), Doctor of Jurisprudence, Professor V.V. Solovyeva (Lipetsk, RF), Doctor of Jurisprudence, Associate Professor V.V. Trofimov (Tambov, RF), Doctor of Jurisprudence, Professor S.V. Tytschinin (Belgorod, RF), Doctor of Jurisprudence, Associate Professor A.V. Yudin (Samara, RF)

CHEFREDAKTEUR:

Kandidat der Rechte, Dozent, Rektor V.Y. Stromov (Tambow, RF)

EDITORIAL DER ZEITSCHRIFT:

Kandidatin der Rechte, Dozentin V.A. Chunyaeva (stellvertretende Chefredakteurin) (Tambow, RF), Kandidat der Rechte R.V. Zelepukin (verantwortlicher Sekretär) (Tambow, RF), Kandidatin der Rechte, Dozentin M.V. Andriyashka (Baranawitschy, Republik Belarus), Doktor der Rechte, Professor S.F. Afanasev (Saratov, RF), Doktorin der Rechte, Professorin E.V. Blinkova (Moskau, RF), Doktor der Rechte, Professor A.F. Voronov (Moskau, RF), Kandidat der Rechte, Dozent N.S. Eltsov (Tambow, RF), Kandidat der Rechte, Dozent A.D. Zolotukhin (Tambow, RF), Kandidatin der Rechte, Dozentin N.A. Ivanova (Tambow, RF), Doktor der Rechte, Professor A. Ilievski (Sveti Nikole, Republik Mazedonien), Doktor der Rechte, Professor V.P. Kamyschanski (Krasnodar, RF), Doktorin der Rechte, Professorin T.M. Klimentko (Grosny, RF), Doktor der Rechte, Professor S.A. Komarov (St. Petersburg, Moskau, RF), Kandidat der Rechte, Dozent A.V. Kochetkov (Woronesch, RF), Doktor der Rechte, Dozent I.B. Lagutin (Kursk, RF), Doktor der Rechte, Professor N.A. Lopashenko (Saratov, RF), Doktor der Rechte, Professor R.B. Osokin (Moskau, RF), Doktor der Rechte, Dozent K.K. Panko (Woronesch, RF), Doktor der Rechte, Professor N.I. Polishchuk (Riazan, RF), Doktorin der Rechte, Dozentin S.V. Rybakova (Saratov, RF), Doktor der Rechte, Professorin V.V. Solovyeva (Lipezk, RF), Doktor der Rechte, Dozent V.V. Trofimov (Tambow, RF), Doktor der Rechte, Professor S.V. Tytschinin (Belgorod, RF), Doktor der Rechte, Dozent A.V. Yudin (Samara, RF)

总编辑:

斯特罗莫夫·弗拉基米尔·尤里耶维奇—总编辑, 法学副博士, 副教授, 坦波夫杰尔查文国立大学校长 (俄罗斯, 坦波夫市)

杂志编委会:

舒尼亚叶娃·薇拉·阿纳托利耶夫娜—副总编辑, 法学副博士, 副教授, 坦波夫杰尔查文国立大学法律与国家安全学院代理院长 (俄罗斯, 坦波夫市)

泽列普金·罗曼·瓦列利耶维奇——法学副博士, 坦波夫杰尔查文国立大学法律与国家安全学院代理副院长 (主管科研) (俄罗斯, 坦波夫市)

安德丽亚什克·玛丽娜·瓦西里耶夫娜—法学副博士, 副教授, 巴拉诺维奇国立大学经济与法律系通用法律学科与国家管理教研室主任 (白俄罗斯, 巴拉诺维奇市)

阿法纳西耶夫·谢尔盖·菲奥多罗维奇—法学博士, 教授, 萨拉托夫国立司法学院仲裁程序教研室主任 (俄罗斯, 萨拉托夫市)

布琳科娃·叶莲娜·维克托罗夫娜—法学博士, 教授, 俄罗斯国家知识产权研究院知识产权管理系民法与企业法教研室教授 (俄罗斯, 莫斯科)

沃罗诺夫·亚历山大·费奥多罗维奇, 法学博士, 教授, 莫斯科国立罗蒙诺索夫大学法学院民事诉讼教研室教授(莫斯科, 俄罗斯联邦)

叶利措夫·尼古拉·谢尔盖耶维奇—法学副博士, 副教授, 坦波夫杰尔查文国立大学法律与国家安全学院国家和法律的理论与历史教研室主任, 坦波夫州联邦国家登记、地籍和制图局主任 (俄罗斯, 坦波夫市)

佐洛图欣·亚历山大·德米特里耶维奇—法学副博士, 副教授, 坦波夫杰尔查文国立大学法律与国家安全学院民事诉讼程序和仲裁程序教研室主任 (俄罗斯, 坦波夫市)

伊万诺娃·内莉·亚历山大罗夫娜—法学副博士, 副教授, 坦波夫杰尔查文国立大学法律与国家安全学院民法教研室主任 (俄罗斯, 坦波夫市)

伊利耶夫斯基·亚历山大——法律博士, 教授, 国际斯拉夫杰尔查文大学法律系主任 (马其顿, 斯维季尼克列市)

卡梅尚斯基·弗拉基米尔·巴甫洛维奇，法学博士，教授，库班国立农业大学民法教研室主任（克拉斯诺达尔,俄罗斯联邦）

克利缅科·塔季扬娜·米哈依诺夫娜——法律博士，教授，坦波夫杰尔查文国立大学法律与国家安全学院刑法与刑事诉讼程序教研室教授（俄罗斯，格罗兹尼）

科马罗夫·谢尔盖·亚历山德罗维奇—法学博士，教授，莫斯科国际大学大城市管理、商业与法律学院国家和法律的理论与历史教研室主任（俄罗斯，莫斯科）

科切特科夫·亚历山大·维克托罗维奇—法学副博士，副教授，沃罗涅日州仲裁法院院长（俄罗斯，沃罗涅日市）

拉古京·伊戈尔·鲍里索维奇—法学博士，副教授，西南国立大学财政法、宪法、民事和行政诉讼程序教研室主任（俄罗斯，库尔斯克市）

洛帕申科·娜塔莉亚·亚历山大罗夫娜—法学博士，教授，萨拉托夫国立司法学院刑法和刑事改造法教研室教授，萨拉托夫组织犯罪和贪腐问题研究中心主任（俄罗斯，萨拉托夫市）

奥索金·罗曼·鲍里索维奇——法学博士，教授，莫斯科俄罗斯内务部基科季大学科研教学和科研干部培训系主任，法学博士，副教授（职称）（俄罗斯，莫斯科）

潘科·基里尔·康斯坦丁诺维奇，法学博士，教授，俄罗斯联邦沃罗涅日国立大学法学院刑法系教研室教授（沃罗涅日，俄罗斯联邦）

波利修克·尼古拉·伊万诺维奇—法学博士，教授，俄联邦处罚执行局研究院国家与法律理论、国际法与欧洲法教研室教授（俄罗斯，梁赞市）

列温·瓦列里·彼德罗维奇—法学博士，教授，俄联邦功勋科学家，俄罗斯自然科学院院士，坦波夫杰尔查文国立大学法律与国家安全学院刑法与刑事诉讼程序教研室教授（俄罗斯，坦波夫市）

雷巴科娃·斯维特拉娜·维克托罗夫娜—法学博士，副教授（学位），萨拉托夫国立司法研究院财政法、银行法和海关法教研室教授（职称）（俄罗斯，萨拉托夫市）

索洛维约娃·维多利亚·维克托罗夫娜—历史学博士，教授，俄罗斯联邦总统国民经济与国家行政学院利佩茨克分院国家和法律的理论与历史教研室教授（俄罗斯，利佩茨克市）

特罗菲莫夫·瓦西里·弗拉基斯拉沃维奇—法学博士，副教授，坦波夫杰尔查文国立大学国家法研究科学研究所所长（俄罗斯，坦波夫市）

特钦娜·谢尔盖·弗拉基米罗维奇，法学博士，教授，俄罗斯别尔哥罗德国立研究大学法学院民法和法律程序教研室主任（别尔哥罗德,俄罗斯联邦）

尤金·安德烈·弗拉基米罗维奇，法学博士，教授，萨马拉国立研究大学法学院民事诉讼和商业法教研室主任，(萨马拉，俄罗斯联邦)

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

<i>Лапаева А.В.</i> Идея социальных прав человека в трактовке представителей школы возрожденного естественного права России конца XIX – начала XX в.	417
<i>Гольцман Е.В.</i> Общая характеристика правового статуса судебного пристава в Российской империи и Российской Федерации (сравнительно-правовой аспект)	426
<i>Парамонов А.В.</i> Практическое значение конституционных принципов права	435
<i>Липунцова А.В.</i> Теоретические и практические аспекты правового эксперимента (на примере эксперимента нового порядка досудебного обжалования решений контрольного (надзорного) органа)	442
<i>Варнавский А.П.</i> Эффективность правового регулирования административной ответственности служащих государственного аппарата	455
<i>Городницкий П.С.</i> Институт муниципальной службы на современном этапе: сравнительно-правовой аспект	463

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Демичев А.А.</i> Наследственный договор в системе наследственного права Российской Федерации: дискуссионные проблемы	477
---	-----

CONTENTS

GENERAL THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE

<i>Lapayeva A.V.</i> The idea of social human rights as interpreted by representatives of the school of revived natural law in Russia at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries	417
<i>Goltsman E.V.</i> General characteristics of a bailiff's legal status in the Russian Empire and the Russian Federation (comparative legal aspect)	426
<i>Paramonov A.V.</i> Practical significance of law constitutional principles	435
<i>Lipuntsova A.V.</i> Theoretical and practical aspects of a legal experiment (on the example of a new procedure experiment for pre-trial appeal against decisions of a control (supervisory) body)	442
<i>Varnavskiy A.P.</i> Legal regulation effectiveness of administrative liability of civil servants	455
<i>Gorodnitskiy P.S.</i> Municipal service Institute at the present stage: a comparative and legal aspect	463

SUBSTANTIVE LAW

<i>Demichev A.A.</i> Inheritance contract in the system of inheritance law of the Russian Federation: controversial issues	477
--	-----

<i>Огнерубов Н.А.</i> К вопросу об уголовной ответственности за ятрогенный вред на фоне пандемии COVID-19	485	<i>Ognerubov N.A.</i> On the issue of criminal liability for iatrogenic harm amid the COVID-19 pandemic	485
<i>Бибаров-Государев А.П.</i> Баланс частных и публичных интересов в сфере предпринимательской деятельности в период принятия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения	495	<i>Bibarov-Gosudarev A.P.</i> Balance of private and public interests in the field of entrepreneurial activity during the period of taking measures to ensure the sanitary and epidemiological welfare of the population	495
<i>Рыженков Н.Н.</i> О соответствии предписаний статьи 185.4 УК РФ закономерностям корпоративного управления	503	<i>Ryzenkov N.N.</i> On the compliance of the provisions of Article 185.4 of the Criminal Code of the Russian Federation with the laws of corporate governance	503

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

PROCEDURAL LAW

<i>Илюхина В.А.</i> Принципы гражданского процессуального права России: позитивистский подход	515	<i>Iliukhina V.A.</i> Principles of Russian civil procedure law: positivist approach	515
<i>Усич Л.А.</i> Значение, понятие и сущность апелляционного производства по гражданским делам	523	<i>Usich L.A.</i> The value, concept and essence of appeal proceedings in civil cases	523
<i>Жуйкова А.А.</i> Процессуальные особенности электронных текстовых доказательств как средств доказывания по гражданским делам, связанных с защитой интеллектуальных прав	530	<i>Zhuikova A.A.</i> Procedural features of electronic text evidence as sources of evidence in civil cases related to the protection of intellectual rights	530

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

NATIONAL SECURITY

<i>Плотникова Т.В., Парамонов А.В.</i> Особенности некоторых мер по противодействию коррупции в России в рамках безопасности общества и государства	541	<i>Plotnikova T.V., Paramonov A.V.</i> Specifics of some anti-corruption measures in Russia within the framework of public and state security	541
---	-----	---	-----

DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-417-425

УДК 340

Шифр научной специальности 12.00.01

**ИДЕЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В ТРАКТОВКЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ШКОЛЫ
ВОЗРОЖДЕННОГО ЕСТЕСТВЕННОГО
ПРАВА РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.**

А.В. Лапаева

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9430-5344>, e-mail: anlapaeva@gmail.com

Аннотация. Проанализированы взгляды представителей школы возрожденного естественного права на проблему социальных прав человека. Констатировано, что ключевой вехой государственно-правовых преобразований России начала XX столетия явилось закрепление за российскими подданными гражданских прав и свобод. Установлено, что представителями школы возрожденного естественного права была разработана теория прав и свобод личности в контексте взаимосвязи правового государства с проблемами этики и морали. Доктринально обосновано, что социальные права, наравне с политическими, занимали важное место в каталоге классификации прав человека, разработанном учеными, ввиду того, что с ними были связаны такие ценности, как социальная справедливость и социальное равенство. Предложены аргументы, указывающие на то, что представители школы возрожденного естественного права считали источником возникновения социальных прав право на достойное человеческое существование, которые являлись предпосылкой к социальному раскрепощению личности и попыткой трансформации сословного общества в гражданское.

Ключевые слова: естественное право; школа возрожденного естественного права; человек; общество; правовое государство; гражданское общество; свобода; права человека; социальные права; право на достойное человеческое существование; уровень жизни

В фокусе современной юридической науки находится проблема прав человека, которая не ограничивается исключительно отдельными странами и регионами, а приобретает все более глобальные масштабы. В статье 17 Конституции Российской Федерации 1993 г. нашла свое отражение концепция естественных, неотчуждаемых прав человека, что указывает на примат прав человека, закрепляет тенденцию отчуж-

дения позитивистского подхода в пользу естественно-правового. Права человека являются первичными по отношению к возможности осуществления функций государственной власти. В политико-правовой науке под естественными правами понимается система гражданских, политических, экономических и культурных прав личности.

Концепция прав человека активно разрабатывалась на рубеже XIX – начала XX века, в том числе представителями школы возрожденного естественного права, в контексте правового государства, его взаимосвязи с проблемами этики и морали. Социальные права, наравне с политическими, занимали ключевое место в представленной учеными классификации. Социальная справедливость и социальное равенство считались главными ценностями.

П.И. Новгородцев подчеркивал важность свободы в целях улучшения социального существования [1, с. 272]. В своей работе «О праве на существование» ученый отмечал, что в современных декларациях должно быть обязательно закреплено право на достойное существование человека. Указанное право предоставляло возможность для того, чтобы дарованная свобода могла быть действительно реализована практически. По мнению государствоведа, несмотря на юридическое закрепление свободы, она могла и не возыметь должного воплощения в результате дефицита материальных средств [2, с. 6].

П.И. Новгородцев уделял особое внимание исследованию государственно-правовых явлений и процессов в сравнительно-правовом аспекте. В данном контексте идея свободы и ее реализация казались ученому наиболее оправданными в концепции английского либерализма, представители которого отстаивали необходимость оказания содействия нуждающемуся [1, с. 272].

По мнению П.И. Новгородцева, категория достойной человеческой жизни представлялась неопределенной в связи с тем, что открывала возможности, с одной стороны, для бесконечных требований, с другой стороны, установления границы недопустимой крайности [3, с. 321].

В учении правоведа содержание права на достойное существование структурно состояло из права на труд и отдых, социальное обеспечение в случае неспособности к труду, болезни, старости, право на образование и здоровье. Особое внимание ученый уделял развитию профессиональных союзов, способных отстаивать интересы трудящихся, но в то же время не превращающихся в крупные образования, способные конкурировать с государством, поэтому важным считалось, чтобы интересы профсоюзов и государства совпадали. Фабричное законода-

тельство должно было закрепить свободы в отношении урегулирования санитарных условий труда, признания за каждым трудящимся его субъективных прав [4, с. 104]. С позиции правоведа особое значение уделялось обязанности государства по поддержке беспомощных людей, не способных к труду [2, с. 17].

Поддерживая идеи П.И. Новгородцева относительно морально-этического смысла социальных прав, И.А. Покровский указывал на нравственное значение в отношении принципа определения размера социальной помощи [2, с. 26].

В концепции российских конституционалистов начала XX века (В.М. Гессен, Б.А. Кистяковский, С.А. Котляревский) субъективные публичные права подразделялись на несколько групп. Во-первых, это права свободы (негативные права), во-вторых, положительные публичные права (права позитивного статуса), в-третьих, политические права [5, с. 32]. В представленном каталоге прав особое внимание правоведа уделяли необходимости обязательного законодательного закрепления прав на положительные действия в интересах индивида (судебная защита, общественное призвание и др.) [6, с. 24].

По мнению С.А. Котляревского, движение права должно осуществляться в направлении совершенствования таких нравственных ценностей, как справедливость, которая наравне со свободой и равенством считалась ядром, центром права [7, с. 118].

Правовым В.М. Гессен считал такое государство, которое в своей деятельности было связано и ограничено правом, стояло под правом, а не вне и над ним [6, с. 11]. По мнению государствоведа, права человека являлись ценностями, стоящими над национальным правом, они приобретали значение вечных этических норм. Под субъективным публичным правом В.М. Гессен понимал «право, которому соответствует обязанность государственной власти» [8, с. 10]. Существовали тонкие границы в отношении вмешательства государства в частную жизнь индивида и, наоборот, индивида в деятельность государства. В случае нарушения указанных пределов вмешательства предоставлялась возможность защиты нарушенных прав в административном и судебном порядке [9, с. 17].

Б.А. Кистяковский считал государством будущего социалистическое государство, поддерживавшее солидарные интересы индивидов и общее благо, выделял права личности на положительные услуги со стороны государства. По мнению ученого, наиболее близко к соотношению рационального и иррационального в праве подошла именно со-

циологическая юриспруденция, указывающая на то, что субъективное право логически не совпадает с объективным правом. Несомненно, что с позиции Б.А. Кистяковского право – это явление социальное. Именно в науке о праве существует множество различных подходов к пониманию и выдвигению теорий, зачастую противоречащих друг другу, о сущности права. Цитируя И. Канта, Б.А. Кистяковский отмечал, что «право есть совокупность норм, устанавливающих и разграничивающих свободу» [10, с. 15].

Б.А. Кистяковский отстаивал социологическое понимание природы права, являлся сторонником правового государства. Правовед делал акцент на том, что в действующих современных его периоду времени декларациях прав и свобод обязательно должны быть зафиксированы социальные права наравне с политическими и гражданскими. Именно социальные права даруют возможность требовать от государства справедливых условий для экономического, духовного существования и развития [10, с. 14].

По мнению Б.А. Кистяковского, истинное существование права заключается не в формальном нормативизме, а в сознании всего общества, что, несомненно, влияет на расширительное познание права как социального явления, «справедливого права». По мнению ученого, право на достойное человеческое существование должно быть гарантировано каждому человеку [11, с. 33].

В концепции Б.А. Кистяковского к социальным правам относились право на труд, отдых, на участие в материальных и духовных благах, которые были объединены единой категорией права на достойное существование [11, с. 590]. С позиции ученого, именно государство должно было гарантировать данные права, подчеркивая, таким образом, их значимость.

В современной интерпретации право на достойное человеческое существование следует отнести к социально-экономическим правам (правам «второго поколения»), которые должны способствовать обеспечению человеку достойного уровня жизни [12].

Обеспечение прав личности являлось в концепции теоретиков возрожденного естественного права признаком правового характера государства, находя свое отражение в законе. В абсолютном же государстве бесправный подданный мог просить только милости, а не требовать права, тем более права на достойное человеческое существование. Важной гарантией обеспечения субъективных прав личности праведы считали такой признак, как разделение властей, контроль (админи-

стративный, финансовый, парламентский), ответственность министров перед парламентом, судебную защиту, материальные гарантии. Особое значение представители теории возрожденного естественного права придавали институту административной юстиции (В.М. Гессен) – контроль суда за законностью актов, судебный контроль, право жалобы в суд на действия администрации.

Правоведы разработали классификации прав и свобод личности, к которым относились помимо таких основных фундаментальных прав, как гражданские, политические, также социально-экономические права. Система гарантий включала политические, социальные, материальные, правовые гарантии [13].

Подводя итоги, отметим, что в конце XIX – начале XX века выдающимися правоведами была разработана концепция прав и свобод человека. Представители естественно-правовой школы рассматривали идею прав и свобод личности в контексте взаимосвязи правового государства с проблемами этики и морали. Социальные права, наравне с политическими, занимали важное место в каталоге классификации прав человека ввиду того, что с ними были связаны такие ценности, как социальная справедливость и социальное равенство. В концепции теоретиков возрожденного естественного права к социальным правам относились право на труд, отдых, социальное обеспечение в связи с неспособностью к труду по старости и болезни, право на определенный уровень жизни, здоровье, образование, право на участие в материальных и духовных благах, которые были объединены единой категорией права на достойное существование. Государство должно было действовать в интересах свободы, устраняя необоснованные препятствия к ее реализации и создавая при этом необходимые возможности для ее проявления. Рассматривая идею о дифференциации субъективных прав на частные и публичные, правоведы указывали на активное участие государства в социальной жизни.

Список литературы

1. *Новгородцев П.И.* Введение в философию права. Кризис современного правосознания. СПб.: Лань, 2000. 347 с.
2. *Новгородцев П.И., Покровский И.А.* О праве на существование. М.: Т-во М.О. Вольф, 1911. 48 с.
3. *Новгородцев П.И.* Право на достойное человеческое существование. М.: Лань, 1995. 446 с.
4. *Туманова А.С., Киселев Р.В.* Права человека в правовой мысли и законодательстве Российской империи второй половины XIX – начала XX века. М.: Изд-во Дом высшей школы экономики, 2011. 279 с.

5. *Лапаева А.В.* Идея естественного права в трудах российских конституционалистов конца XIX – начала XX в. // История государства и права. 2013. № 5. С. 30-33.
6. *Гессен В.М.* О правовом государстве. СПб.: Изд-во Н. Глаголева, 1906. 62 с.
7. *Котляревский С.А.* Власть и право. Проблема правового государства. М.: Изд-во Г.А. Лемана, С.И. Сахарова, 1915. 417 с.
8. *Гессен В.М.* Основы конституционного права. Пг.: Изд. юрид. кн. склада «Право», 1917. 439 с.
9. *Гессен В.М.* Подданство, его установление и прекращение. СПб.: Изд-во тип. «Правда», 1909. 458 с.
10. *Кистяковский Б.А.* Право как социальное явление. М.: Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1911. 17 с.
11. *Кистяковский Б.А.* Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М.: Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1916. 708 с.
12. *Лапаева А.В.* Право на социальное обеспечение в российской правовой мысли конца XIX – начала XX века // Гражданское общество в России и за рубежом. 2020. № 1. С. 32-34.
13. *Моисеева О.В.* Реализация правового статуса Европейского суда по правам человека в области защиты прав и свобод человека // Современные вопросы государства, права, юридического образования: сб. науч. тр. по материалам 14 Международ. науч.-практ. конф. / отв. ред. О.В. Белянская. Тамбов, 2019. С. 325-330.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00252.

Поступила в редакцию 02.10.2020 г.

Поступила после рецензирования 18.11.2020 г.

Принята к публикации 27.11.2020 г.

Информация об авторе

Лапаева Ангелина Вячеславовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9430-5344>, e-mail: anlapaeva@gmail.com

Для цитирования

Лапаева А.В. Идея социальных прав человека в трактовке представителей школы возрожденного естественного права России конца XIX – начала XX в. // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 16. С. 417-425. DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-417-425

DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-417-425

THE IDEA OF SOCIAL HUMAN RIGHTS AS INTERPRETED BY REPRESENTATIVES OF THE SCHOOL OF REVIVED NATURAL LAW IN RUSSIA AT THE END OF THE 19TH – BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES

A.V. Lapayeva

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9430-5344>, e-mail: anlapayeva@gmail.com

Abstract. We analyze the representatives' views of the school of revived natural law on the social human rights problem. We note that a key milestone in the state and legal transformations of Russia at the beginning of the 20th century was the consolidation of civil rights and freedoms for Russian citizens. We establish that representatives of the school of revived natural law developed a theory of individual rights and freedoms in the context of the relationship between the constitutional state with the ethics and morality problems. We doctrinally justify that social rights, along with political rights, occupied an important place in the catalog of human rights classification developed by scientists, due to the fact that they were associated with values such as social justice and social equality. We offer arguments indicating that representatives of the school of revived natural law considered the right to a dignified human existence as the source of social rights emergence, which were a prerequisite for the individual's social emancipation and an attempt to transform the estate society into a civil one.

Keywords: natural law; school of revived natural law; human; society; constitutional state; civil society; freedom; human rights; social rights; right to a dignified human existence; living standard

References

1. Novgorodtsev P.I. *Vvedeniye v filosofiyu prava. Krizis sovremennogo pravosoznaniya* [Introduction to the Philosophy of Law. The Crisis of Modern Justice]. St. Petersburg, Lan Publ., 2000, 347 p. (In Russian).
2. Novgorodtsev P.I., Pokrovskiy I.A. *O prave na sushchestvovaniye* [About the Right for Existence]. Moscow, M.O. Wolf Partnership, 1911, 48 p. (In Russian).
3. Novgorodtsev P.I. *Pravo na dostoynoye chelovecheskoye sushchestvovaniye* [The Right to a Dignified Human Existence]. Moscow, Lan Publ., 1995, 446 p. (In Russian).
4. Tumanova A.S., Kiselev R.V. *Prava cheloveka v pravovoy mysli i zakonotvorchestve Rossiyskoy imperii vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka* [Human Rights in Legal Thought and Lawmaking of the Russian Empire in the Second Half of the 19th – early 20th centuries]. Moscow, HSE Publishing House, 2011, 279 p. (In Russian).
5. Lapayeva A.V. *Ideya estestvennogo prava v trudakh rossiyskikh konstitutsionalistov kontsa XIX – nachala XX v.* [The idea of natural law in the works of Russian constitu-

- tionalists of the late 19th - early 20th centuries.]. *Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law*, 2013, no. 5, pp. 30-33. (In Russian).
6. Gessen V.M. *O pravovom gosudarstve* [About the Rule of Law]. St. Petersburg, N. Glagolev Publishing House, 1906, 62 p. (In Russian).
 7. Kotlyarevskiy S.A. *Vlast' i pravo. Problema pravovogo gosudarstva* [Power and Law: The Issue of the Jural State]. Moscow, Publishing House of G.A. Leman and S.I. Sakharov, 1915, 417 p. (In Russian).
 8. Gessen V.M. *Osnovy konstitutsionnogo prava* [Fundamentals of Constitutional Law]. Petrograd, Publication of the Legal Book Warehouse “Law”, 1917, 439 p. (In Russian)
 9. Gessen V.M. *Poddanstvo, ego ustanovleniye i prekrashcheniye* [Citizenship, its Establishment and Termination]. St. Peterburg, Publishing and Printing House “Pravda”, 1909, 458 p. (In Russian).
 10. Kistyakovskiy B.A. *Pravo kak sotsial'noye yavleniye* [Law as a Social Phenomenon]. Moscow, Typolithography of Kushnerev I.N. and Co Partnership, 1911, 17 p. (In Russian).
 11. Kistyakovskiy B.A. *Sotsial'nyye nauki i pravo. Ocherki po metodologii sotsial'nykh nauk i obshchey teorii prava* [Social Sciences and Law. Essays on the Methodology of the Social Sciences and the General Theory of Law]. Moscow, Typolithography of Kushnerev I.N. and Co Partnership, 1916, 708 p. (In Russian).
 12. Lapayeva A.V. Pravo na sotsial'noye obespecheniye v rossiyskoy pravovoy mysli kontsa XIX – nachala XX veka [The right to social security in the Russian legal thought from the late XIX to the early XX century]. *Grazhdanskoye obshchestvo i pravovoye gosudarstvo – Civil Society in Russia and Abroad*, 2020, no. 1, pp. 32-34. (In Russian).
 13. Moiseyeva O.V. Realizatsiya pravovogo statusa Evropeyskogo suda po pravam cheloveka v oblasti zashchity prav i svobod cheloveka [Realization of the legal status of the European court of human rights in the field of protection of the rights and freedoms of human]. *Sbornik nauchnykh trudov po materialam 14 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Sovremennyye voprosy gosudarstva, prava, yuridicheskogo obrazovaniya»* [Collection of Scientific Works Based on the Proceedings of the 14th International Research and Practical Conference “Modern Issues of State, Law, Legal Education”]. Tambov, 2019, pp. 325-330. (In Russian).

Acknowledgment: The study is funded by Russian Foundation for Basic Research according to the research project no. 20-011-00252.

Received 2 October 2020

Reviewed 18 November 2020

Accepted for press 27 November 2020

Information about the author

Lapayeva Angelina Vyacheslavovna – Candidate of Jurisprudence, Associate Professor of Theory and History of State and Law Department of Law and National Security Institute. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9430-5344>, e-mail: anlapaeva@gmail.com

For citation

Lapayeva A.V. Ideya sotsial'nykh prav cheloveka v traktovke predstaviteley shkoly vozrozhdenogo estestvennogo prava Rossii kontsa XIX – nachala XX v. [The idea of social human rights as interpreted by representatives of the school of revived natural law in Russia at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2020, vol. 4, no. 16, pp. 417-425. DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-417-425 (In Russian, Abstr. in Engl.)

DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-426-434

УДК 347.964.1

Шифр научной специальности 12.00.01

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВОВОГО СТАТУСА СУДЕБНОГО ПРИСТАВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Е.В. Гольцман

Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации
603950, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1293-7373>, e-mail: ev12345@mail.ru

Аннотация. На основе методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения выявлен сравнительный потенциал правового статуса судебных приставов в Российской империи и Российской Федерации. До недавнего времени в Российской Федерации законодательство не давало ясного представления о правовом положении судебных приставов в системе государственной службы. Автор считает, что, говоря о правовом статусе судебного пристава и сравнивая нормативную базу, его регламентирующую, необходимо определить, какие элементы составляют правовой статус судебного пристава; провести сопоставление сравнимых, условно сравнимых и несравнимых элементов этого статуса. В настоящее время данный вопрос является более определенным и разработанным по сравнению с дореволюционным периодом. Сравнение конкретных элементов правового статуса в разные исторические периоды может привести к выработке практических рекомендаций по совершенствованию действующего законодательства, регулирующего устройство и деятельность института судебных приставов. Обозначены шесть элементов правового статуса судебных приставов, являющихся принципиально сопоставимыми применительно к Российской империи и Российской Федерации. Вместе с этим отмечена необходимость учета конкретно-исторической ситуации в изучаемые периоды, специфики политического, экономического, социального устройства, особенностей правосознания и менталитета.

Ключевые слова: судебные приставы; правовой статус; хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение

Институт судебных приставов появился впервые в нашей стране еще в период Российской империи. Произошло это во время проведения реформ императором Александром II, а именно: в ходе судебной

реформы 1864 г. Судебные приставы достаточно успешно функционировали, тем не менее, они были упразднены в 1917 г. вместе со всей дореволюционной судебной системой в качестве одного из ее элементов. Возрождение института судебных приставов произошло в 1997 г., то есть через 81 год после его упразднения. Как справедливо отмечается в научной литературе, институт судебных приставов представляет собой российский хронодискретный судебный институт, то есть институт, в истории которого имел место временной разрыв, приведший к прерыванию исторической традиции [1, с. 2].

Естественно, судебные приставы не являются единственным хронодискретным институтом, кроме них в позиции научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения успешно изучаются не только такие судебные институты, как прокуратура [2], адвокатура [3], мировой суд [4], суд присяжных [5], апелляция [6], но и Государственная Дума [7], частноправовые институты [8], явления [9], идеи и концепции [10], принципы права [11] и многое другое. Анализируя хронодискретные институты, нужно четко представлять, что, несмотря на хронодискретную паузу в их истории, имеется правовая преемственность [12, с. 161].

В рамках сравнительно-правового изучения отечественного института судебных приставов особый интерес (не только теоретический, но и практический) представляет сравнение правового статуса судебного пристава. В своем исследовании мы охарактеризуем правовой статус судебного пристава в изучаемые хронологические периоды.

По нашему мнению, говоря о правовом статусе судебного пристава, в первую очередь, нужно вести речь о нормативной базе, его регламентирующей. Во-вторых, необходимо определить, какие элементы составляют правовой статус судебного пристава. В-третьих, провести сопоставление сравнимых, условно сравнимых и несравнимых элементов этого статуса.

Нормативная основа института судебных приставов в Российской империи и Российской Федерации нами уже рассматривалась ранее [13]. Однако за это время в действующем законодательстве произошли существенные изменения. Обратим внимание на то, что правовой статус судебного пристава в Российской империи регламентировался Судебными уставами 20 ноября 1864 г. В трех из четырех Судебных уставов Александра II регламентировалась организация и деятельность российских судебных приставов. Соответствующие нормы содержались в Учреждении судебных установлений и двух процессуальных

кодексах – Уставе уголовного судопроизводства и Уставе гражданского судопроизводства.

Современная основа института судебных приставов значительно шире. Причем совсем недавно эта нормативная основа подверглась существенной корректировке. Основным законом, регулирующим правовой статус судебных приставов, является федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ (ред. от 27 декабря 2019 г.) «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации». До 1 января 2020 г. этот нормативный акт носил название «О судебных приставах». Другим федеральным законом в данной сфере является федеральный закон от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Процессуальные права и обязанности судебного пристава закреплены в настоящее время в четырех процессуальных кодексах: ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ и УПК РФ.

Категория правового статуса уже много десятилетий разрабатывается как в рамках теории государства и права, так и в рамках отраслевых юридических наук. При этом не сформировано единого мнения, какие именно элементы составляют правовой статус различных категорий государственных служащих, в том числе и судебных приставов.

Элементами правового статуса судебного пристава, по нашему мнению, являются:

во-первых, комплекс требований, предъявляемых к судебным приставам;

во-вторых, механизм формирования корпуса судебных приставов;

в-третьих, комплекс прав и обязанностей судебных приставов;

в-четвертых, функции, возложенные на судебных приставов;

в-пятых, юридическая ответственность судебных приставов;

и, наконец, в-шестых, гарантии реализации прав и обязанностей судебных приставов, включая их материальное содержание.

Также большое значение имеет определение статуса судебных приставов в рамках системы государственной службы. Место судебных приставов в судебной системе Российской империи было закреплено в статьях 11 и 297 Учреждения судебных установлений¹. Статья 11 гласила: «При судебных местах находятся:

1) канцелярии;

¹ Учреждение судебных установлений. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3450/> (дата обращения: 30.05.2020).

- 2) судебные пристава;
- 3) присяжные поверенные;
- 4) кандидаты на должности по судебному ведомству;
- 5) нотариусы».

А статья 297 устанавливала: «Судебные пристава состоят при кассационных департаментах Правительствующего сената, при судебных палатах и при окружных судах для исполнения действий, возлагаемых на них уставами уголовного и гражданского судопроизводства и настоящим Учреждением».

Нормативное закрепление того, что судебные приставы находятся при судебных местах, вызывало и продолжает вызывать дискуссии о месте судебных приставов в системе государственной службы. На указанной проблеме в рамках данной статьи мы останавливаться не будем, так как она уже рассматривалась в научной литературе [14, с. 60-62]. Однако отметим, что четкости в определении правового положения судебного пристава в Российской империи не было.

До недавнего времени и в Российской Федерации законодательство не давало ясного представления о правовом положении судебных приставов в системе государственной службы. Дискуссионным являлся вопрос, следует ли относить Федеральную службу судебных приставов России к правоохранительным органам. С 1 января 2020 г. этот вопрос перестал быть спорным – Федеральная служба судебных приставов и ее территориальные органы являются органами принудительного исполнения Российской Федерации. Федеральный закон от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»² установил специальные звания, порядок прохождения службы, льготы и гарантии, аналогичные другим правоохранительным органам.

По нашему мнению, все шесть названных нами элементов правового статуса судебных приставов являются принципиально сопоставимыми применительно к Российской империи и Российской Федерации. Естественно, при этом надо учитывать разницу в государственном и общественном строе, уровне развития законодательства и законодательной техники, правосознания населения.

² О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 01.10.2019 № 328-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. 2019. № 40. Ст. 5488.

В.М. Большакова полагает, что «условно сопоставимым в изучаемые исторические периоды, так же как и касательно мировых судей, присяжных заседателей, адвокатов и прокуроров, является материальное содержание судебных приставов, а несопоставимым – их половой, социальный и образовательный состав» [14, с. 58]. Со второй частью утверждения названного автора можно согласиться. Действительно, с учетом того, что все государственные и общественные должности (кроме должностей в женских благотворительных учреждениях) в Российской империи могли занимать только мужчины, сравнение полового состава судебных приставов в дореволюционный и современный периоды не только некорректно, но и бессмысленно. В силу разницы социального строя Российской империи и Российской Федерации нецелесообразным представляется сравнение социального состава судебных приставов. А по причине совершенно разных систем образования, наличия конституционных гарантий получения образования в настоящее время и ряда других факторов несравнимым является образовательный уровень судебных приставов в соответствующие периоды.

Что касается утверждения В.М. Большаковой, что материальное содержание судебных приставов является условно сопоставимым, представляется нам дискуссионным. Мы полагаем, что материальное содержание – это важная составляющая гарантий реализации прав и обязанностей судебных приставов. Если сравнивать уровень дохода судебных приставов в дореволюционный и современный период, покупательскую способность денег, то это, хотя и технически сложно подсчитать, но вполне реально. Еще более сравнимой является структура материального содержания судебных приставов.

Итак, говоря об общей характеристике правового статуса судебного пристава в Российской империи и Российской Федерации, мы приходим к выводу, что в настоящее время данный вопрос является более определенным и разработанным по сравнению с дореволюционным периодом. Тем не менее, сравнение конкретных элементов правового статуса в разные исторические периоды может иметь следствие в виде разработки рекомендаций по совершенствованию действующего законодательства, регулирующего устройство и деятельность института судебных приставов.

Список литературы

1. Демичев А.А. Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение как направление современной юридической науки // История государства и права. 2010. № 16. С. 2-7.

2. *Большакова В.М.* Прокуратура как хронодискретный российский институт // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 6А. С. 12-18.
3. *Черепанов С.И.* Институт присяжных поверенных в Российской империи по судебной реформе 1864 года и институт адвокатуры в Российской Федерации (хронодискретное исследование). М.: Юрлитинформ, 2020. 160 с.
4. *Илюхина В.А., Волосатых Е.А.* Гарантии реализации прав и обязанностей мировых судей в Российской империи и Российской Федерации (хронодискретный анализ) // Мировой судья. 2019. № 7. С. 16-21.
5. *Илюхин А.В.* Процесс становления суда присяжных в России с позиции методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сб. науч. тр. по материалам Первой Всерос. науч. конф. / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. С. 95-107.
6. *Крайнова Е.Р.* Хронодискретное общеправовое исследование института апелляции в Российской империи и Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2016. 197 с.
7. *Леонов А.П.* Государственная Дума в России как хронодискретный институт // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 1 (37). С. 126-130.
8. *Демичев К.А.* Частноправовые исследования в контексте методологических основ научной школы ХМСП // Ученые записки. Т. 16. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. С. 38-44.
9. *Демичев А.А.* Пути формирования гражданского общества в России: история и современность // Гражданское общество в России и за рубежом. 2018. № 2. С. 22-26.
10. *Демичев К.А.* Идея и концепция как объект изучения хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 3. С. 13-15.
11. *Илюхина В.А.* Принципы права как предмет хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сб. науч. тр. по материалам Второй Всерос. науч. конф. / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2019. С. 39-47.
12. *Демичев А.А.* Проблемы изучения правовой преемственности в хронодискретных моногеографических исследованиях // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 160-165.
13. *Гольцман Е.В.* Нормативно-правовая основа функционирования института судебных приставов в Российской империи и Российской Федерации (хронодискретный анализ) // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2019. № 3. С. 95-107.
14. *Большакова В.М.* Российские хронодискретные судебные институты. М.: Русайнс, 2019. 180 с.

Поступила в редакцию 29.10.2020 г.

Поступила после рецензирования 25.11.2020 г.

Принята к публикации 27.11.2020 г.

Информация об авторе

Гольцман Елена Валериевна – преподаватель кафедры управления. Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Нижний Новгород, Российская Федерация.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1293-7373>, e-mail: ev12345@mail.ru

Для цитирования

Гольцман Е.В. Общая характеристика правового статуса судебного пристава в Российской империи и Российской Федерации (сравнительно-правовой аспект) // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 16. С. 426-434. DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-426-434

DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-426-434

GENERAL CHARACTERISTICS OF A BAILIFF'S LEGAL STATUS IN THE RUSSIAN EMPIRE AND THE RUSSIAN FEDERATION (COMPARATIVE LEGAL ASPECT)

E.V. Goltzman

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

3 Ankudinovskoe Hwy., Nizhny Novgorod 603950, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1293-7373>, e-mail: ev12345@mail.ru

Abstract. Based on the methodology of chrono-discrete monogeographic comparative law, we identify the comparative potential of bailiffs' legal status in the Russian Empire and the Russian Federation. Until recently, the legislation of the Russian Federation did not give a clear idea of bailiffs' legal position in the civil service. We believe that, speaking about a bailiff's legal status and comparing the regulatory framework that regulates it, it is necessary to determine what elements constitute a bailiff's legal status; to compare comparable, conditionally comparable and incomparable elements of this status. At present, this issue is more definite and developed in comparison with the pre-revolutionary period. Comparison of specific elements of legal status in different historical periods may lead to the development of practical recommendations for improving the current legislation governing the structure and activities of the institution of bailiffs. We designate six elements of bailiffs' legal status, which are fundamentally comparable in relation to the Russian Empire and the Russian Federation. We also note the need to take into account the specific historical situation in the studied periods, the specifics of the political, economic, and social structure, and the peculiarities of legal awareness and mentality.

Keywords: bailiffs; legal status; chrono-discrete monogeography comparative law

References

1. Demichev A.A. Khronodiskretnoye monogeograficheskoye sravnitel'noye pravovedeniye kak napravleniye sovremennoy yuridicheskoy nauki [Chronodiscrete monogeographic comparative jurisprudence as a direction of modern legal science]. *Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law*, 2010, no. 16, pp. 2-7. (In Russian).
2. Bolshakova V.M. Prokuratura kak khronodiskretnyy rossiyskiy institut [The public prosecutor's office as a chrono-discrete Russian institution]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava – Matters of Russian and International Law*, 2018, vol. 8, no. 6A, pp. 12-18. (In Russian).
3. Cherepanov S.I. *Institut prisyazhnykh poverennykh v Rossiyskoy imperii po sudebnoy reforme 1864 goda i institut advokatury v Rossiyskoy Federatsii (khronodiskretnoye issledovaniye)* [Institute of Attorneys at Law in the Russian Empire on Judicial Reform of 1864 and the Institute of the Bar in the Russian Federation (Chrono-Discrete Research)]. Moscow, Urlitinform Publ., 2020, 160 p. (In Russian).
4. Ilyukhina V.A., Volosat'ykh E.A. Garantii realizatsii prav i obyazannostey mirovykh sudey v Rossiyskoy imperii i Rossiyskoy Federatsii (khronodiskretnyy analiz) [Guarantees of exercising of rights and obligations of justices of the peace in the Russian Empire and the Russian Federation (a chrono-discrete analysis)]. *Mirovoy sud'ya – Magistrate Judge*, 2019, no. 7, pp. 16-21. (In Russian).
5. Ilyukhin A.V. Protsess stanovleniya suda prisyazhnykh v Rossii s pozitsii metodologii khronodiskretnogo monogeograficheskogo sravnitel'nogo pravovedeniya [The process of formation of the jury in Russia from the standpoint of the methodology of chrono-discrete monogeographic comparative jurisprudence]. *Sbornik nauchnykh trudov po materialam Pervoy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii «Aktual'nyye problemy i perspektivy razvitiya nauchnoy shkoly Khronodiskretnogo monogeograficheskogo sravnitel'nogo pravovedeniya»* [Collection of Scientific Works based on the Materials of the First All-Russian Scientific Conference “Current Issues and Development Prospects of the Scientific School of Chrono-Discrete Monogeographic Comparative Jurisprudence”]. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Institute of Management, Branch of RANEPa Publ., 2018, pp. 95-107. (In Russian).
6. Kraynova E.R. *Khronodiskretnoye obshchepravovoye issledovaniye instituta apellyatsii v Rossiyskoy imperii i Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Chronodiscrete General Legal Study of the Institution of Appeal in the Russian Empire and the Russian Federation. Cand. jurid. sci. diss.]. Vladimir, 2016, 197 p. (In Russian).
7. Leonov A.P. Gosudarstvennaya Duma v Rossii kak khronodiskretnyy institut [The State Duma in Russia as chrono-discrete institute]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii – Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 1 (37), pp. 126-130. (In Russian).
8. Demichev K.A. Chastnopravovyye issledovaniya v kontekste metodologicheskikh osnov nauchnoy shkoly KHMSP [Private law research in the context of the methodological foundations of the scientific school of chrono-discrete monogeography comparative law]. *Uchenyye zapiski* [Scientists Notes]. Vol. 16. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Institute of Management, Branch of RANEPa Publ., 2018, pp. 38-44. (In Russian).
9. Demichev A.A. Puti formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v Rossii: istoriya i sovremennost' [Ways of civil society establishment in Russia: history and the modern

- times]. *Grazhdanskoye obshchestvo v Rossii i za rubezhom – Civil Society in Russia and Abroad*, 2018, no. 2, pp. 22-26. (In Russian).
10. Demichev K.A. Ideya i kontseptsiya kak ob"yekt izucheniya khronodiskretnogo monogeograficheskogo sravnitel'nogo pravovedeniya [Idea and conception as object of studying of chrono-discrete mono-geography comparative jurisprudence]. *Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy – Russian Journal of Legal Studies*, 2017, no. 3, pp. 13-15. (In Russian).
 11. Ilyukhina V.A. Printsipy prava kak predmet khronodiskretnogo monogeograficheskogo sravnitel'nogo pravovedeniya [Principles of law as a subject of chrono-discrete monogeographic comparative law]. *Sbornik nauchnykh trudov po materialam Vtoroy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii «Aktual'nyye problemy i perspektivy razvitiya nauchnoy shkoly Khronodiskretnogo monogeograficheskogo sravnitel'nogo pravovedeniya»* [Collection of Scientific Works based on the Materials of the Second All-Russian Scientific Conference "Current Issues and Development Prospects of the Scientific School of Chrono-Discrete Monogeographic Comparative Jurisprudence"]. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Institute of Management, Branch of RANEPA Publ., 2019, pp. 39-47. (In Russian).
 12. Demichev A.A. Problemy izucheniya pravovoy preymstvennosti v khronodiskretnykh monogeograficheskikh issledovaniyakh [Problems of studying legal continuity in chrono-discrete monogeographic studies]. *Yuridicheskaya tekhnika – Juridical Techniques*, 2011, no. 5, pp. 160-165. (In Russian).
 13. Goltsman E.V. Normativno-pravovaya osnova funktsionirovaniya instituta sudebnykh pristavov v Rossiyskoy imperii i Rossiyskoy Federatsii (khronodiskretnyy analiz) [Legal and regulatory framework for the functioning of the institution of bailiffs in the Russian Empire and the Russian Federation (chrono-discrete analysis)]. *Istoriko-pravovyye problemy: Novyy rakurs – Historical-Legal Problems: The New Viewpoint*, 2019, no. 3, pp. 95-107. (In Russian).
 14. Bolshakova V.M. *Rossiyskiye khronodiskretnyye sudebnyye instituty* [Russian Chrono-Discrete Judicial Institutions]. Moscow, RuScience Publ., 2019, 180 p. (In Russian).

Received 29 October 2020

Reviewed 25 November 2020

Accepted for press 27 November 2020

Information about the author

Goltsman Elena Valerievna – Lecturer of Management Department. Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1293-7373>, e-mail: ev12345@mail.ru

For citation

Goltsman E.V. Obshechaya kharakteristika pravovogo statusa sudebnogo pristava v Rossiyskoy imperii i Rossiyskoy Federatsii (sravnitel'no-pravovoy aspekt) [General characteristics of a bailiff's legal status in the Russian Empire and the Russian Federation (comparative legal aspect)]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2020, vol. 4, no. 16, pp. 426-434. DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-426-434 (In Russian, Abstr. in Engl.)

© Парамонов А.В., 2020

DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-435-441

УДК 342.41

Шифр научной специальности 12.00.01

ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ ПРАВА

А.В. Парамонов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

119571, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Вернадского, 82

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7230-2337>, e-mail: paramonov@dzh.ranepa.ru

Аннотация. Рассмотрены конституционные принципы российского права в рамках позитивистского правопонимания. Отмечена высшая ценность конституционных принципов права, как базовых идей, лежащих в основе отдельных отраслей права и всего правового регулирования. Сделан акцент на практическом значении конституционных принципов российского права. Отмечено, что в целях преодоления дефектов правосознания населения целесообразно дублировать принципы права, закрепленные в Конституции Российской Федерации, в отраслевом законодательстве. Подчеркнуто, что практическое значение конституционных принципов права проявляется не только в их прямой роли в правовом регулировании общественных отношений, но и в том, что в судебной практике они могут использоваться в случае применения аналогии права и аналогии закона. Обозначено, что данный юридико-технический инструмент применяется для устранения пробелов в правовом регулировании. Он используется во многих отраслях российского права: гражданском, гражданском процессуальном, арбитражном процессуальном, административном процессуальном, семейном и др. Таким образом, в проведенном исследовании показана положительная роль конституционных принципов права при принятии решений правоприменителем в случае отсутствия отраслевых правовых норм, применимых в конкретной ситуации.

Ключевые слова: конституционные принципы права; Конституция Российской Федерации; аналогия права

Конституция Российской Федерации является Основным законом, определяющим организацию и функционирование всех сфер жизни общества. Однако реальность динамична, соответственно, Конституция РФ также не является догмой – она должна меняться в соответствии с потребностями общества. Подтверждением этому является идущая

щий в настоящее время процесс изменения Конституции РФ путем внесения в нее поправок.

В основе любого нормативного правового акта (и конституционные акты здесь не исключение) всегда лежат определенные исходные, базовые, основополагающие идеи. Когда эти идеи получают нормативное закрепление, переходят с уровня правосознания и доктрины в текст нормативного правового акта, они становятся принципами права.

Уровень закрепления принципов права может быть разным, и в зависимости от него в научной литературе принято выделять три группы принципов права: 1) конституционные принципы, не продублированные в отраслевых кодексах; 2) конституционные принципы, продублированные в отраслевых кодексах; 3) отраслевые принципы, нашедшие отражение в кодексах [1, с. 7]. Такой подход конкретизирован в литературе применительно к различным отраслям права (причем не только российского): административному процессуальному [2], арбитражному процессуальному [3], гражданскому [4], гражданскому процессуальному [5], семейному [6], уголовно-процессуальному [7], уголовно-исполнительному [8] и др.

Данная классификация, основанная на позитивистском правопонимании, не противоречит устоявшейся в отечественной научной литературе классификации, в рамках которой принципы права делятся на общие, межотраслевые и отраслевые [9, с. 105-106]. Проблема соотношения двух приведенных классификаций принципов права еще требует своего специального осмысления. Пока мы ее не рассматриваем. Однако считаем необходимым обратить внимание на то, что именно конституционные принципы права лежат в основе всей системы правового регулирования в целом, определяют всю жизнь общества и государства.

Как справедливо отмечает В.А. Илюхина: «При выделении конституционных принципов права существует одна серьезная проблема, а именно: законодатель в тексте Конституции никак не номинировал положения, которые он считает принципами права» [10, с. 57]. Именно поэтому название конституционных принципов права является условным и по этой причине носит и будет носить условный характер. Если в отраслевом кодифицированном законодательстве принципы права закреплены в определенном месте нормативного правового акта [11], то в Конституции Российской Федерации (как и в конституции любого государства) они могут располагаться абсолютно в любом структурном элементе: преамбуле, любой главе, любой статье и даже в заключительных и переходных положениях.

Несмотря на указанную выше условность названия конституционных принципов права, вряд ли стоит подвергать сомнению сам факт, что в Конституции Российской Федерации закреплены основополагающие идеи – принципы права, имеющие существенное значение для правового регулирования.

Как известно, часть 1 статьи 15 Конституции РФ устанавливает, что «Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации». Во второй части той же статьи на органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностных лиц, граждан и их объединения возлагается обязанность соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы. Таким образом, мы видим прямое указание на действенность нормы Конституции РФ.

К сожалению, многие граждане России воспринимают Конституцию Российской Федерации в качестве декларативного документа. Очевидно, что в данном случае мы имеем дело с дефектом правосознания, который необходимо устранять. В первую очередь, это необходимо делать путем правового воспитания населения различными способами и на разных уровнях. Важным элементом этого правового воспитания является правовое информирование граждан через средства массовой информации, при получении образования и другими способами.

Конечно, правовое воспитание – это правильный, но длительный путь преодоления дефектов правосознания. Поэтому необходимо использовать и другие инструменты. Так, мы считаем необходимым продублировать все конституционные принципы права в отраслевом законодательстве. Это необходимо для того, чтобы у правоприменителя не было никаких сомнений в целесообразности и обязательности применения в конкретных случаях конституционных принципов права.

Практическое значение конституционных принципов права проявляется не только в их прямой роли в правовом регулировании общественных отношений, но и в том, что в судебной практике они могут использоваться в случае применения аналогии права и аналогии закона. Как известно, данный юридико-технический инструмент применяется для устранения пробелов в правовом регулировании. Он используется во многих отраслях российского права: гражданском, гражданском процессуальном, арбитражном процессуальном, административном процессуальном, семейном и др.

По нашему мнению, конституционные принципы права являются идеальным инструментом для того, чтобы, столкнувшись с конкретной жизненной ситуацией в рамках конкретной отрасли права и не найдя отраслевых правовых норм, применимых в данной ситуации, правоприменитель мог бы их использовать. При этом правоприменителю достаточно найти соответствующий принцип права, закрепленный в Конституции РФ, и сослаться на него при вынесении судебного или иного решения. Вряд ли вышестоящая инстанция при правильном применении аналогии права сможет отменить такое решение, так как именно конституционные нормы являются нормами, обладающими высшей юридической силой.

Список литературы

1. Демичев А.А. Позитивистская классификация принципов современного российского права // Государство и право. 2014. № 5. С. 5-13.
2. Demichev A., Iliukhina V. Positivist classification of the principles of administrative proceedings in Russia and Armenia – a comparative legal analysis // Kazan University Law Review. 2019. Т. 4. № 1. Р. 37-50.
3. Демичев А.А. К вопросу о принципах гражданского процессуального, арбитражного процессуального и исполнительного права // Вестник Российской правовой академии. 2005. № 2. С. 32-35.
4. Илюхина В.А. Принципы гражданского права Российской Федерации (позитивистский подход) // Конгресс цивилистов правоохранительных органов: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. М.: РУСАЙНС, 2019. С. 160-163.
5. Илюхина В.А. Принципы гражданского процессуального права Республики Армения // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 3. С. 57-60.
6. Илюхина В.А., Демичев А.А. Принципы семейного права Российской Федерации и Республики Армения (сравнительно-правовой анализ) // Семейное и жилищное право. 2016. № 4. С. 7-11.
7. Илюхина В.А. Принципы уголовного судопроизводства Российской Федерации и Республики Армения (сравнительно-правовой анализ) // Уголовное судопроизводство. 2018. № 2. С. 43-48.
8. Илюхина В.А. Принципы уголовно-исполнительного законодательства: опыт Республики Армения // 4 Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России): сб. тез. выступлений и докладов участников: в 10 т. Рязань: Академия ФСИН России, 2019. Т. 2: Материалы международных научно-практических конференций и «круглых столов». С. 88-91.
9. Алексеев С.С. Проблемы теории права: Основные вопросы общей теории социалистического права: Курс лекций: в 2 т. Свердловск, 1972. Т. 1. 396 с.
10. Илюхина В.А. Конституционные принципы процессуальных отраслей российского права // Тамбовские правовые чтения им. Ф.Н. Плевако: материалы 3 Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. / отв. ред. В.Ю. Стромов. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2019. Т. 1. С. 56-68.

11. Демичев А.А., Илюхина В.А. К вопросу о месте закрепления принципов права в нормативных правовых актах (сравнительный анализ российского и армянского опыта) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 2. С. 23-27.

Поступила в редакцию 02.10.2020 г.

Поступила после рецензирования 14.11.2020 г.

Принята к публикации 27.11.2020 г.

Информация об авторе

Парамонов Александр Васильевич – кандидат экономических наук, доцент, и.о. директора. Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Нижний Новгород, Российская Федерация.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7230-2337>, e-mail: paramonov@dzh.ranepa.ru

Для цитирования

Парамонов А.В. Практическое значение конституционных принципов права // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 16. С. 435-441. DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-435-441

DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-435-441

PRACTICAL SIGNIFICANCE OF LAW CONSTITUTIONAL PRINCIPLES

A.V. Paramonov

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
84 Vernadskogo Ave., Moscow 119571, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7230-2337>, e-mail: paramonov@dzh.ranepa.ru

Abstract. We consider the constitutional principles of Russian law in the framework of positivist legal consciousness. We note the highest value of the law constitutional principles, as the basic ideas that underlie individual branches of law and all legal regulation. We focus on the practical significance of the constitutional principles of Russian law. We point out that in order to overcome defects in the legal consciousness of the population, it is advisable to duplicate the law principles that enshrined in the Constitution of the Russian Federation and in sectoral legislation. We emphasize that the practical significance of the law constitutional principles is manifested not only in their direct role in the legal regulation of public relations, but also in the fact that in judicial practice they can be used in the case of applying the analogy of law and the analogy of legislation. We indicate that this legal and technical tool is used to fill gaps in legal regulation. It is used in many

branches of Russian law: civil, civil procedural, arbitration procedural, administrative procedural, family and others. Thus, the study shows the positive role of law constitutional principles in decision-making by a law enforcer in the absence of sectoral legal norms applicable in a particular situation.

Keywords: law constitutional principles; Constitution of the Russian Federation; analogy of law

References

1. Demichev A.A. Pozitivistskaya klassifikatsiya printsipov sovremennogo rossiyskogo prava [Positivist classification of principles of modern Russian law]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*, 2014, no. 5, pp. 5-13. (In Russian).
2. Demichev A., Ilyukhina V. Positivist classification of the principles of administrative proceedings in Russia and Armenia – a comparative legal analysis. *Kazan University Law Review*, 2019, vol. 4, no. 1, pp. 37-50. (In Russian).
3. Demichev A.A. K voprosu o printsipakh grazhdanskogo protsessual'nogo, arbitrazhnogo protsessual'nogo i ispolnitel'nogo prava [To the question of the principles of civil procedural, arbitration procedural and executive law]. *Vestnik Rossiyskoy pravovoy akademii – Bulletin of the Russian Law Academy*, 2005, no. 2, pp. 32-35. (In Russian).
4. Ilyukhina V.A. Printsipy grazhdanskogo prava Rossiyskoy Federatsii (pozitivistskiy podkhod) [Principles of civil law of the Russian Federation (positivist approach)]. *Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem «Kongress tsivilistov pravookhranitel'nykh organov»* [Proceedings of All-Russian Research and Practice Conference with international participation “Congress of Law Enforcement Civilists”]. Moscow, RuScience Publ., 2019, pp. 160-163. (In Russian).
5. Ilyukhina V.A. Printsipy grazhdanskogo protsessual'nogo prava Respubliki Armeniya [Principles of the Civil Procedure Law of the Republic of Armenia]. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess – Arbitrazh and Civil Procedure*, 2019, no. 3, pp. 57-60. (In Russian).
6. Ilyukhina V.A., Demichev A.A. Printsipy semeynogo prava Rossiyskoy Federatsii i Respubliki Armeniya (sravnitel'no-pravovoy analiz) [Principles of family law of the Russian Federation and the Republic of Armenia (comparative legal analysis)]. *Semeynoye i zhilishchnoye pravo – Family and Housing Law*, 2016, no. 4, pp. 7-11. (In Russian).
7. Ilyukhina V.A. Printsipy ugovnogo sudoproizvodstva Rossiyskoy Federatsii i Respubliki Armenii (sravnitel'no-pravovoy analiz) [Criminal proceedings principles of the Russian Federation and the Republic of Armenia (comparative law analysis)]. *Ugovnoye sudoproizvodstvo – Criminal Judicial Proceeding*, 2018, no. 2, pp. 43-48. (In Russian).
8. Ilyukhina V.A. Printsipy ugovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva: opyt Respubliki Armeniya [Principles of penal law: experience of the Republic of Armenia]. *Sbornik tezisev vystupleniy i dokladov uchastnikov: v 10 t. 4 Mezhdunarodnyy penitentsiarnyy forum «Prestupleniye, nakazaniye, ispravleniye» (k 140-letiyu ugovno-ispolnitel'noy sistemy Rossii i 85-letiyu Akademii FSIN Rossii)* [Collection of Theses of Speeches and Reports of Participants: in 10 vols. 4th International Penitentiary Forum “Crime, Punishment, Correction” (to the 140th Anniversary of the Russian Penal System and the 85th Anniversary of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia)]. Rya-

- zan, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia Publ., 2019, vol. 2: Proceedings of International Research and Practice Conferences and “Panel Discussion”, pp. 88-91. (In Russian).
9. Alekseyev S.S. *Problemy teorii prava: Osnovnyye voprosy obshchey teorii sotsialisticheskogo prava: Kurs lektsiy: v 2 t.* [Problems of the Theory of Law: Basic Questions of the General Theory of Socialist Law: Course of Lectures: in 2 vols.]. Sverdlovsk, 1972, vol. 1, 396 p. (In Russian).
 10. Ilyukhina V.A. Konstitutsionnyye printsipy protsessual'nykh otrasley rossiyskogo prava [Constitutional principles of the procedural branches of Russian law]. *Materialy 3 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 2 t. «Tambovskiy pravovyye chteniya im. F.N. Plevako»* [Proceedings of the 3rd International Research and Practice Conference: in 2 vols. “Tambov Legal Readings named after F.N. Plevako”]. Tambov, Publishing House “Derzhavinsky”, 2019, vol. 1, pp. 56-68. (In Russian).
 11. Demichev A.A., Ilyukhina V.A. K voprosu o meste zakrepleniya printsipov prava v normativnykh pravovykh aktakh (sravnitel'nyy analiz rossiyskogo i armyanskogo opyta) [On the issue of the place of consolidation of the principles of law in normative legal acts (a comparative analysis of the Russian and Armenian experience)]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii – Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 2, pp. 23-27. (In Russian).

Received 2 October 2020

Reviewed 14 November 2020

Accepted for press 27 November 2020

Information about the author

Paramonov Aleksandr Vasilyevich – Candidate of Economics, Associate Professor, Acting Director. Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Nizhny Novgorod, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7230-2337>, e-mail: paramonov@dzr.ranepa.ru

For citation

Paramonov A.V. Prakticheskoye znacheniye konstitutsionnykh printsipov prava [Practical significance of law constitutional principles]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2020, vol. 4, no. 16, pp. 435-441. DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-435-441 (In Russian, Abstr. in Engl.)

DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-442-454

УДК 342.5

Шифр научной специальности 12.00.01

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ПРАВОВОГО ЭКСПЕРИМЕНТА (НА ПРИМЕРЕ
ЭКСПЕРИМЕНТА НОВОГО ПОРЯДКА ДОСУДЕБНОГО
ОБЖАЛОВАНИЯ РЕШЕНИЙ КОНТРОЛЬНОГО
(НАДЗОРНОГО) ОРГАНА)**

А.В. Липунцова

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8242-0305>, e-mail: anna-lipuncova@yandex.ru

Аннотация. Подняты вопросы, связанные с теоретическими и практическими аспектами реализации правового эксперимента в Российской Федерации. Целью исследования является рассмотрение проблемы проведения эксперимента по досудебному обжалованию решений контрольного (надзорного) органа, действий (бездействия) его должностных лиц, который реализуется с 17 августа 2020 г. по 30 июня 2021 г. Изучение данной темы имеет особую актуальность в свете проведения реформы государственного контроля и надзора посредством внедрения механизма «регуляторной гильотины». Проанализированы подходы к сущности правового эксперимента, сложившиеся в науке, рассмотрены ранее проводившиеся в стране эксперименты, охарактеризовано положение, определяющее порядок проведения правового эксперимента в сфере досудебного обжалования решений контрольных (надзорных) органов, представлены позиции практикующих юристов по реализации данного эксперимента. Сделан вывод, что реализация на практике правового эксперимента носит положительный характер, поскольку способствует развитию правового регулирования в той или иной области, а использование данного института в сфере контрольно-надзорных отношений позволит продолжить эффективное реформирование системы государственного контроля и надзора.

Ключевые слова: правовой эксперимент; государственный контроль; государственный надзор; контрольный (надзорный) орган; досудебное обжалование; регуляторная гильотина; обязательные требования; риск-ориентированный подход

На протяжении нескольких лет в Российской Федерации реализуется масштабная реформа в сфере государственного контроля и надзо-

ра. В основу ее осуществления положен принцип «регуляторной гильотины», который предполагает отмену устаревших и не отвечающих современным реалиям требований законодательства. Важнейшей целью проводимых преобразований является снижение административной нагрузки на субъекты предпринимательской деятельности путем построения новой системы обязательных требований с учетом риск-ориентированного подхода. Участниками данного проекта являются: более 50 органов государственной власти, осуществляющих нормативно-правовое регулирование и реализующих контрольно-надзорные функции, более 40 отраслевых рабочих групп, правительственная комиссия по проведению административной реформы. Немаловажная роль в данном вопросе отводится Проектному офису по реализации реформы контрольной и надзорной деятельности при Аналитическом центре при Правительстве РФ, деятельность которого направлена на экспертно-аналитическое сопровождение реформы контроля и надзора.

По словам заместителя Председателя Правительства РФ – руководителя Аппарата Правительства РФ Д.Ю. Григоренко «на данный момент из 11 тысяч актов более тысячи актов уже отменено, что составляет порядка 73 %. До конца года планируется завершить «регуляторную гильотину», для чего необходимо отменить около 3 тысяч актов и принять порядка 500 актов нового регулирования»¹. При этом на сегодняшний день принято два нормативных правовых акта, принципиально изменяющих существовавшую ранее систему контроля и надзора со стороны государства, – Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации»² и Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»³. Первый акт закрепляет на законодательном уровне принцип «регуляторной гильотины» и периодическую актуализацию обязательных требований. Второй определяет новый порядок проведения контрольных (надзорных) мероприятий, отдавая приоритет профилактическим мерам.

¹ Дмитрий Григоренко рассказал о совершенствовании контрольной и надзорной деятельности // Регуляторная гильотина. URL: <https://knd.ac.gov.ru/2789/> (дата обращения: 27.09.2020).

² Об обязательных требованиях в Российской Федерации: федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5007.

³ О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5007.

Отметим статистику, представленную на основе отчета Министерства экономического развития Российской Федерации. «Контрольно-надзорные органы в сумме провели 332 тыс. проверок за первые полгода 2020-го, годом ранее – 612 тыс. При этом федеральные структуры «сбавили обороты» менее существенно, чем муниципальные. Первые провели 252 тыс. инспекций, что на 42 % ниже, чем годом ранее. Вторые проверили бизнес 70 тыс. раз, что на 53 % меньше, чем за первую половину 2019-го. Наиболее активные проверяющие – МЧС, Роспотребнадзор, Роструд и Ростехнадзор, следует из отчета Минэка. В общей сложности за первые шесть месяцев 2020 г. они провели 324 тыс. мероприятий – 97 % от общего количества. МЧС инспектировало организации на 53 % реже по сравнению с январем–июнем 2019-го, Роспотребнадзор – на 48 %, Роструд – на 33 % и Ростехнадзор – на 41 %. Главная причина снижения частоты проверок – мораторий на их проведение, сообщается в обзоре Минэка. При этом в министерстве подчеркнули, что ослабление контроля не привело к учащению инцидентов в организациях, что должно простимулировать органы реформировать подходы к проверкам: переходить преимущественно к профилактической работе, а также к бесконтактным методам контроля»⁴.

Вместе с тем стоит подчеркнуть, что активной отменой устаревших актов, принятием новых федеральных законов и подзаконных нормативных актов по отраслям реформирование данной сферы не ограничивается. Так, в ноябре 2020 г. планируется внести в Государственную Думу Российской Федерации проект закона, который регламентирует особенности надзора по отраслям и формализует все существующие виды проверок в одно единое требование.

С 17 августа 2020 г. реализуется проект по новому механизму обжалования решений органов, наделенных контрольно-надзорными функциями. Рассмотрим более подробно данный проект. Проведение на территории нашей страны эксперимента, дающего права на досудебное обжалование решений контрольного (надзорного) органа, а также действий (бездействия) его должностных лиц, определяется Постановлением Правительства РФ от 24 июля 2020 г. № 1108 (далее –

⁴ Кто ходит в гости в карантин: власти признали неэффективность проверок бизнеса // Известия. URL: <https://iz.ru/1044950/dmitrii-grinkevich/kto-khodit-v-gosti-v-karantin-vlasti-priznali-neeffectivnost-proverok-biznesa> (дата обращения: 17.08.2020).

Постановление Правительства № 1108)⁵. Срок реализации проекта установлен до 30 июня 2021 г.

На данный момент в эксперименте задействованы три органа исполнительной власти – Министерство РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения, Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору. В связи с этим определены сферы, в рамках которых осуществляется эксперимент, а именно: федеральный государственный пожарный и энергетический надзор, федеральный государственный надзор в сфере обращения лекарственных средств, в области промышленной безопасности, безопасности гидротехнических сооружений, государственный контроль качества и безопасности медицинской деятельности, а также за обращением медицинских изделий.

Согласно Постановлению Правительства РФ № 1108 данный эксперимент преследует следующие цели: «создание и апробация механизма защиты прав контролируемых лиц при взаимодействии с контрольными (надзорными) органами в рамках осуществления государственного контроля (надзора)»⁶. Подать жалобу может определенный круг лиц, считающих, что решением государственного органа или действием (бездействием) должностного лица были нарушены их права и законные интересы: юридическое лицо, индивидуальный предприниматель, либо гражданин, который не осуществляет предпринимательскую деятельность.

Данный механизм предполагает подачу жалобы контролируемым лицом в добровольном порядке через личный кабинет Единого портала государственных и муниципальных услуг (функций). Жалоба может быть подана на: решения о назначении плановой или внеплановой проверки; предписания об устранении выявленных нарушений; меры по недопущению причинения вреда или прекращению его причинения, принятые в соответствии с действующим законодательством; действия (бездействия) должностных лиц. В пунктах 6–7 Постановления Правительства РФ № 1108 определяются обязательные требования к пода-

⁵ О проведении на территории Российской Федерации эксперимента по досудебному обжалованию решений контрольного (надзорного) органа, действий (бездействия) его должностных лиц (вместе с Положением о проведении на территории Российской Федерации эксперимента по досудебному обжалованию решений контрольного (надзорного) органа, действий (бездействия) его должностных лиц): постановление Правительства РФ от 24.07.2020 № 1108 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. 2). Ст. 5186.

⁶ Там же.

ваемой жалобе. После регистрации жалобы, в течение двух рабочих дней, орган должен принять одно из двух решений: либо приостановить исполнение обжалуемого решения или отказать в этом.

По итогам рассмотрения контрольный орган принимает решение об оставлении жалобы без удовлетворения; отмене решения контрольного (надзорного) органа полностью или частично; отмене решения контрольного (надзорного) органа полностью и принятии нового решения; признании действия (бездействия) должностных лиц контрольных (надзорных) органов незаконными и вынесении решения по существу, в том числе об осуществлении при необходимости определенных действий.

Следует подчеркнуть, что институт эксперимента не нов для российской правовой системы. Рассмотрение проблем правового эксперимента получило широкое распространение в научной литературе с середины XX века. Современные исследователи также не обходят стороной данную тему. В исследовании, посвященном проблемам эффективности правового эксперимента в современной России, В.Н. Ельцов дает следующее определение данному институту: «организованная компетентным правотворческим органом апробация предполагаемых законодательных нововведений в ограниченном масштабе для проверки эффективности, полезности и экономичности экспериментальных правовых норм и отработки оптимальных вариантов будущих правотворческих решений общего действия» [1, с. 20].

А.П. Анисимов считает, что «правовой эксперимент – это проводимая компетентным органом публичной власти на локальной территории (субъект федерации, муниципалитет или его часть) апробация законодательных нововведений в целях выяснения их ценности и полезности для территории остальной страны, осуществляемая по заранее определенному плану с учетом побочных эффектов и с предварительным уведомлением местных жителей» [2, с. 8].

Г.Г. Загайнова под правовым экспериментом понимает «научно поставленный опыт, наблюдение за эффективностью правотворческой и правоприменительной деятельности в условиях, позволяющих следить за ходом явления и воссоздать его при повторении этих условий» [3, с. 44].

И.В. Фатьянов следующим образом определяет правотворческий эксперимент: «организованное компетентными органами государства, органами государственных образований и органами муниципальных образований испытание предполагаемых правовых нововведений в ог-

раниченной области применения, проводимое с целью проверки предположения правового характера по заранее разработанной программе, состоящее из подготовки, проведения и подведения итогов эксперимента» [4, с. 48].

И.Б. Чагин отмечает: «правовой эксперимент можно рассматривать как исключение в праве алеаторного характера, устанавливающее ограниченное в пространстве, во времени и по кругу лиц альтернативное правовое регулирование определенной сферы общественных отношений» [5, с. 57-58].

Анализ исследований представленной тематики позволяет сделать вывод о том, что большинство исследователей отмечают эффективность использования данного института в правовой практике, который способствует развитию и совершенствованию правового регулирования. Несмотря на различные определения теоретиков права категории «правовой эксперимент», можно выделить ряд присущих ему признаков: направлен на изменение существующего порядка правового регулирования той или иной сфере общественных отношений; имеет четко определенную цель, заключающуюся в возможности реализации той или иной гипотезы; выступает средством недопущения юридических ошибок; определяется строгим порядком на основании нормативного правового акта; имеет ограниченный характер (в пространстве, по времени и кругу лиц как отдельно, так и вместе взятых); реализуется государственным аппаратом; подлежит контролю в ходе его осуществления.

Правовые эксперименты реализовывались в нашей стране в различных сферах в: уголовно-исполнительной системе (применение новых форм исправления и адаптации осужденных в 1991–1993 гг.), сфере судопроизводства (создание суда присяжных в 1992–1993 гг.), области местного самоуправления (внедрение новой модели организации местного самоуправления в Пыталовском районе Псковской области в 1995 г.), образовании (введение единого государственного экзамена в 2001–2003 гг.), сфере защиты прав и свобод граждан (создание государственных юридических бюро, оказывающих бесплатную правовую помощь отдельным категориям граждан в 2006 г.), налоговой сфере (установление специального налогового режима в 2019–2028 гг.), избирательной системе (реализация дистанционного электронного голосования в г. Москве в 2020–2021 гг.), области цифровых технологий (создание необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в г. Москве в 2020–2025 гг.) и ряд других. Приведенные примеры свидетельствуют о достаточно активном ис-

пользовании правового эксперимента в истории современной России. Причем сегодня особую целесообразность приобретает поиск новых способов правового регулирования в сфере цифрового государственного управления, IT-технологий, информационной инфраструктуры и безопасности, где использование метода правового эксперимента является наиболее актуальным.

Согласимся с исследователями, которые отмечают, что «имеющийся опыт проведения правовых экспериментов в Российской Федерации показывает, что использование данного механизма позволяет избежать грубых и серьезных ошибок, связанных с неполным отражением интересов и мотивов отдельных слоев граждан, на поведение которых было рассчитано действие предлагаемых правовых норм, обеспечивает выявление и устранение рисков, возникающих в ходе реализации правовой модели закона» [6, с. 25]. Трудно переоценить положительную роль правовых экспериментов в совершенствовании законодательства, а также и правоприменения. Вместе с тем нельзя забывать о возможных негативных последствиях использования такого механизма, связанных, например, с серьезными финансовыми затратами, социальным неприятием новой модели правового регулирования, в том числе в связи с отступлением от принципов равенства, затягиванием принятия окончательного вопроса, в связи с которым вводился эксперимент. В связи с этим использование данной формы развития правового регулирования должно быть целесообразным и научно обоснованным, сбалансированным, своевременным и отвечающим современным запросам общества.

Отметим, что эксперимент по досудебному обжалованию, определяемый Постановлением Правительства РФ № 1108, вызвал неоднозначные экспертные мнения среди практикующих юристов, представителей бизнес-сообщества и некоммерческих объединений. Так, адвокат Адвокатской палаты г. Москвы О.А. Лисаев среди недостатков рассматриваемого института отмечает следующие: «Претензионный или иной досудебный порядок урегулирования спора является обязательным в случаях, предусмотренных законом или договором (часть 5 статьи 4 АПК РФ, пункт 3 статьи 132 ГПК РФ, часть 3 статьи 4 КАС РФ). Постановлением Правительства РФ не может быть установлен обязательный для подателя жалобы досудебный порядок (это прерогатива законодателя), а если таковой не обязателен для заявителя, то он не имеет смысла. Заявитель все равно пойдет сразу с жалобой в суд, а не в ведомство, чиновниками которого он недоволен. Рассмотрение жалобы

осуществляется с использованием государственной информационной системы «Типовое облачное решение по автоматизации контрольно-надзорной деятельности». Если это приведет к получению заявителем стандартной отписки вместо полноценной проверки и обоснованного решения, то эксперимент также теряет всякий смысл»⁷.

В аналогичном ключе рассматривается данный вопрос партнером Адвокатского бюро «КРП» Челябинской области В.В. Глушаковым, который, анализируя проект постановления, отмечает отсутствие ясности в том, кто будет осуществлять рассмотрение жалоб: «Полагаю, что, с точки зрения эффективности предложенного способа обжалования, данный вопрос является главным. Если речь идет о подаче жалобы на решение контролирующего органа в тот же орган, что принял решение, то эффективность подобного действия будет стремиться к нулю. Отмена собственного решения для любого надзорного органа – недопустимая ситуация, которая не будет применяться на практике, так как это будет трактоваться как демонстрация некомпетентности, и повлечет санкции для должностных лиц»⁸.

Есть и иные точки зрения. Партнер Адвокатского бюро г. Москвы «Щеглов и Партнеры» адвокат В.Д. Рыбалко считает, что «эксперимент поможет созданию в дальнейшем единого ресурса для досудебного обжалования действий контролирующих органов. Возможность приостановления исполнения, например, незаконного предписания или приостановления проведения незаконной внеплановой проверки, на мой взгляд, может защитить бизнес, в первую очередь малый и средний, от издержек, связанных с незаконными действиями органов власти, которые они сейчас вынуждены нести, пока не докажут незаконность этих действий как в досудебном, так и в судебном порядке»⁹.

Вице-президент Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «Опора России» М.А. Блудян считает, что «судебные тяжбы затратны по времени и финансам и самое главное – непродуктивны». По ее мнению, суд должен быть последней инстанцией, «поскольку в большинстве случаев он – дело

⁷ В России проведут эксперимент по досудебному обжалованию решений контрольно-надзорных органов // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/v-rossii-provedut-eksperiment-po-dosudebnomu-obzhalovaniyu-resheniy-kontrolno-nadzornymkh-organov/> (дата обращения: 27.09.2020).

⁸ Там же.

⁹ В России стартует эксперимент по досудебному обжалованию проверок бизнеса через портал Госуслуг // Адвокатское бюро «Щеглов и Партнеры». URL: http://advokats.ru/about/news/?ELEMENT_ID=1175 (дата обращения: 27.09.2020).

принципа из-за длительности процесса». Досудебные же механизмы, полагает М.А. Блудян, «позволят оперативно решить проблемы»¹⁰.

Проведенный нами анализ положений Постановления Правительства РФ № 1108 позволяет сделать вывод о том, что проведение эксперимента позволит опробовать новую процедуру досудебного обжалования. Несмотря на то, что в действующем законодательстве предусмотрена возможность защиты прав юридических лиц, индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора), муниципальный контроль осуществляется как в административном, так и в судебном порядке, в Федеральном законе от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» подробно не указаны основания и порядок досудебного обжалования¹¹. Несомненным плюсом, на наш взгляд, видится отсутствие государственной пошлины за подачу заявления, минимальный срок ее рассмотрения, а также автоматизированный процесс подачи жалобы. Безусловно, в современных реалиях дистанционный формат рассмотрения заявления приобретает особую актуальность и является наиболее приемлемым и соответствующим принципам законности, гласности, оперативности при осуществлении контрольных мероприятий. При успешной реализации данного проекта также возможно сокращение временных и финансовых издержек, снижение нагрузки на судебные органы при рассмотрении возникающих споров. В целом предлагаемый проект выступает еще одним элементом на пути построения новой модели контрольно-надзорной деятельности государства, приоритетом которой являются не карательные, а предупредительные механизмы, создание благоприятных условий для развития бизнеса с учетом развития современных технологий и цифровизации общества.

Вместе с тем стоит отметить и имеющиеся проблемы. На момент проведения данного исследования на сайтах органов, задействованных в проведении эксперимента, нет информации о новом подходе к досудебному обжалованию решений органов, обладающих контрольно-надзорными полномочиями, или действий (бездействий) их должност-

¹⁰ Белый дом готовит эксперимент по досудебному обжалованию решений контролеров // Газета Коммерсантъ. 2020. № 117. С. 1.

¹¹ О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ (ред. от 13.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6249.

ных лиц, хотя с момента объявления об эксперименте прошло более двух месяцев. Также в личном кабинете Единого портала государственных и муниципальных услуг (функций) отсутствует возможность подачи заявления в новом формате. Сложившаяся ситуация, на наш взгляд, может свидетельствовать о том, что органы – участники проекта не готовы в полной мере к его реализации.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что стоит согласиться с точкой зрения П.В. Тепляшина: «при реализации правового эксперимента крайне важна его исследовательская составляющая, строгое соблюдение основных начал его организации и проведения в целях выяснения экономической рентабельности, стратегического эффекта и результативности реализуемых экспериментальных правовых норм» [7, с. 154]. В целях успешной реализации эксперимента еще предстоит проделать серьезную работу: создать рабочую группу для координации и методического обеспечения процедур его проведения, организовать интеграцию ведомственных информационных систем с системой «Типовое облачное решение по автоматизации контрольно-надзорной деятельности», систематически подготавливать аналитические материалы о ходе эксперимента, сформировать правоприменительную практику и, пожалуй, одно из важнейших – определить четкие критерии эффективности проводимых преобразований. Согласно Постановлению Правительства РФ № 1108 до 1 марта 2021 г. Министерству экономического развития РФ поручено представить доклад о ходе эксперимента в высший орган исполнительной власти, что позволит сделать вывод о результатах эксперимента, его эффективности и возможности дальнейшего использования на практике при осуществлении других видов государственного контроля и надзора.

Список литературы

1. *Ельцов В.Н.* Правовой эксперимент в современной России: проблемы эффективности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. 23 с.
2. *Анисимов А.П.* Правовой эксперимент в земельном праве: вопросы теории // *Аграрное и земельное право*. 2016. № 10 (142). С. 4-10.
3. *Загайнова Г.Г.* Оказание бесплатной юридической помощи – вид конституционно-правового эксперимента в сфере прав человека // *Образование. Наука. Научные кадры*. 2018. № 3. С. 44-48.
4. *Фатьянов И.В.* Правотворческий эксперимент в правовом регулировании России: дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2015. 272 с.
5. *Чажин И.Б.* К вопросу о понимании правового эксперимента как исключения в праве // *Пролог: журнал о праве*. 2020. № 2 (26). С. 54-59.

6. Тихомиров Ю.А., Кичигин Н.В., Помазанский А.Е., Пуляева Е.В., Сидорова Е.В. Правовые модели и эксперимент в сфере культуры // Журнал российского права. 2015. № 10 (226). С. 19-29.
7. Тепляшин П.В. Правовой эксперимент в сфере исполнения уголовных наказаний: теоретические основы // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2018. № 4 (57). С. 150-155.

Поступила в редакцию 28.10.2020 г.

Поступила после рецензирования 22.11.2020 г.

Принята к публикации 27.11.2020 г.

Информация об авторе

Липунцова Анна Владимировна – доцент кафедры конституционного и международного права. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8242-0305>, e-mail: anna-lipuncova@yandex.ru

Для цитирования

Липунцова А.В. Теоретические и практические аспекты правового эксперимента (на примере эксперимента нового порядка досудебного обжалования решений контрольного (надзорного) органа) // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 16. С. 442-454. DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-442-454

DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-442-454

THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS OF A LEGAL EXPERIMENT (ON THE EXAMPLE OF A NEW PROCEDURE EXPERIMENT FOR PRE-TRIAL APPEAL AGAINST DECISIONS OF A CONTROL (SUPERVISORY) BODY)

A.V. Lipuntsova

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8242-0305>, e-mail: anna-lipuncova@yandex.ru

Abstract. We raise questions related to the theoretical and practical aspects of the implementation of a legal experiment in the Russian Federation. The purpose of the study is to consider the problem of conducting an experiment on pre-trial appeal against decisions of the control (supervisory) body, actions (inaction) of its officials, which is implemented from August 17, 2020 to June 30, 2021. The study of this topic is particularly relevant in the light of the state control and supervision reform through the introduction of the “regulatory guillotine” mechanism. We analyze the approaches to the essence of the legal experiment that have developed in science, consider the experi-

ments previously conducted in the country, characterize the position that determines the procedure for conducting a legal experiment in the field of pre-trial appeal against decisions of control (supervisory) bodies, present the positions of practicing lawyers on the implementation of this experiment. We conclude that the implementation of a legal experiment in practice is positive, since it contributes to the development of legal regulation in one area or another and the use of this institution in the field of control and supervisory relations will allow the continued effective reform of the state control and supervision system.

Keywords: legal experiment; state control; state supervision; control (supervisory) body; pre-trial appeal; regulatory guillotine; mandatory requirements; risk-based approach

References

1. Eltsov V.N. *Pravovoy eksperiment v sovremennoy Rossii: problemy effektivnosti: avtor-ref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Legal Experiment in Modern Russia: Problems of Efficiency. Cand. jurid. sci. diss. abstr.]. Tambov, 2009, 23 p. (In Russian).
2. Anisimov A.P. *Pravovoy eksperiment v zemel'nom prave: voprosy teorii* [Legal experiment in the land law: theory questions]. *Agrarnoye i zemel'noye pravo – Agrarian and Land Law*, 2016, no. 10 (142), pp. 4-10. (In Russian).
3. Zagaynova G.G. *Okazaniye besplatnoy yuridicheskoy pomoshchi – vid konstitutsionno-pravovogo eksperimenta v sfere prav cheloveka* [Provision of free legal aid – type of constitutional and legal experiment in the field of human rights]. *Obrazovaniye. Nauka. Nauchnyye kadry* [Education. Science. Academic Personnel], 2018, no. 3, pp. 44-48. (In Russian).
4. Fatyanov I.V. *Pravotvorcheskiy eksperiment v pravovom regulirovaniy Rossii: dis. ... kand. jurid. nauk* [Law-Making Experiment in Legal Regulation. Cand. jurid. sci. diss.]. Barnaul, 2015, 272 p. (In Russian).
5. Chagin I.B. *K voprosu o ponimaniy pravovogo eksperimenta kak isklyucheniya v prave* [To the issue of understanding the legal experiment as an exception in law]. *Prolog: zhurnal o prave – Prologue: Law Journal*, 2020, no. 2 (26), pp. 54-59. (In Russian).
6. Tikhomirov Y.A., Kichigin N.V., Pomazanskiy A.E., Pulyayeva E.V., Sidorova E.V. *Pravovyye modeli i eksperiment v sfere kul'tury* [Legal models and experiment in culture]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*, 2015, no. 10 (226), pp. 19-29. (In Russian).
7. Teplyashin P.V. *Pravovoy eksperiment v sfere ispolneniya ugovolnykh nakazaniy: teoreticheskiye osnovy* [Legal experiment in the sphere of execution of criminal penalties: theoretical basis]. *Vestnik OmGU. Seriya. Pravo – Herald of Omsk University. Series Law*, 2018, no. 4 (57), pp. 150-155. (In Russian).

Received 28 October 2020

Reviewed 22 November 2020

Accepted for press 27 November 2020

Information about the author

Lipuntsova Anna Vladimirovna – Associate Professor of Constitutional and International Law Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8242-0305>, e-mail: anna-lipuncova@yandex.ru

For citation

Lipuntsova A.V. Teoreticheskiye i prakticheskiye aspekty pravovogo eksperimenta (na primere eksperimenta novogo poryadka dosudebnogo obzhalovaniya resheniy kontrol'nogo (nadzornogo) organa) [Theoretical and practical aspects of a legal experiment (on the example of a new procedure experiment for pre-trial appeal against decisions of a control (supervisory) body)]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2020, vol. 4, no. 16, pp. 442-454. DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-442-454 (In Russian, Abstr. in Engl.)

© Варнавский А.П., 2020

DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-455-462

УДК 342.98

Шифр научной специальности 12.00.01

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СЛУЖАЩИХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА

А.П. Варнавский

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8888-0043>, e-mail: campos-daniel@mail.ru

Аннотация. На сегодняшний день довольно актуальными считаются проблема разграничения административной и дисциплинарной ответственности, а также проблема привлечения к ответственности государственных служащих. Целью данной работы является поиск возможных путей решения вышеперечисленных проблем. В исследовании задействованы следующие методы научного познания: конкретно-социологический, статистический, формально-логический и сравнительно-правовой метод. Сформировано мнение о том, что список видов административной ответственности, применяемой в отношении государственных служащих, является открытым и спорным. Выявлены обязательные и дополнительные признаки административного правонарушения и проведено разграничение между административным правонарушением и дисциплинарным проступком. Установлено, что обязательным основанием применения мер административной ответственности государственного служащего считается осуществление таковым административного деликта ввиду бездействия либо бездействия при осуществлении таковых профессиональных обязанностей по службе. Также сделан вывод о том, что государственных служащих следует привлекать к дисциплинарной ответственности по нарушениям, связанным с их служебной деятельностью, а к административной ответственности – наравне с гражданами на общих основаниях. Кроме того, институт административной ответственности нуждается в законодательной доработке и более интенсивном изучении в практике.

Ключевые слова: административная ответственность; дисциплинарная ответственность; государственная гражданская служба; государственные служащие

Административным деликтом считается посягательство на административный либо социальный порядок, имущество, права и свободы

субъектов, на закрепленный порядок управления, неправомерное, намеренное деяние, за которое нормативно-правовыми актами предусмотрены меры административной ответственности. Зачастую нарушение требований по службе параллельно засчитывается и как административный, и как дисциплинарный проступок, то есть признаки и части состава повторяются, как в случае с военными должностными лицами.

Разновидность и размер ущерба от административного деликта влияют на способ реализации и размер ответственности, но так или иначе умысел считается обязательным компонентом административного деликта государственного служащего. При отсутствии умысла отсутствует и административный деликт. Зачастую государственный служащий или знает об отрицательных последствиях собственных деяний, однако считает, что в силах ликвидировать их, или не знает о данных последствиях, в то время как он должен и мог знать об этом. Неосторожный умысел аналогично считается компонентом состава административного деликта. Это случай, когда государственный служащий не должен был и не мог знать об отрицательных последствиях собственных деяний, в таком случае в отношении него не применяются меры административной ответственности [1, с. 28].

Меры административной ответственности должностных лиц заключаются в применении к таковым административными структурами, государственными служащими и субъектами, представляющими исполнительную ветвь власти, административного взыскания за неисполнение обязанностей, предписанных законодательными актами. Государственных служащих подвергают мерам административной ответственности за административные деликты, вытекающие из неисполнения закрепленных за ними обязанностей, несоблюдение требований законодательства, контроль за которым включен в административный регламент таковых в области охраны администрирования, государственного и социального устройства, природных заповедников, жизни людей и прочих норм [2, с. 49].

Государственные служащие подлежат мерам административной ответственности в случае несоблюдения обязательных норм как собственными деяниями, так и при деликтах, возникающих вследствие халатности при исполнении должностных обязательств. Такая халатность может заключаться в отдаче подчиненным приказов, противоречащих нормам, которые распространяют свое действие на всех субъектов, и в бездействии, недопустимом при обеспечении данных норм подчинен-

ными государственными служащими, когда контроль за реализацией таковых относится к компетенции подлежащего мерам ответственности государственного служащего.

Ярко выражена проблема административной ответственности военнослужащих и государственных служащих – они подпадают под действие норм дисциплинарных регламентов. Данные группы должностных лиц подлежат мерам ответственности по дисциплинарным регламентам. Но за несоблюдение норм пограничных уставов Российской Федерации, уставов КПП границы Российской Федерации, норм транспортного перемещения и охраны природных заповедников, норм таможенного права, а равно за перемещение запрещенных грузов эти группы должностных лиц подлежат мерам административной ответственности на общих условиях. Должностные лица, которые подпадают под действие дисциплинарных регламентов либо специфических норм о дисциплине, в прецедентах, напрямую указанных таковыми, подлежат дисциплинарной ответственности за административные деликты, в остальном – мерам административной ответственности на общих условиях.

На сегодняшний день современные нормативно-правовые акты об административных деликтах составляют нормативно-правовые акты федерального и регионального уровней – фундаментальные формы, закрепляющие административную ответственность людей и организаций, нарушивших административное законодательство. В случае надобности таковое исчерпывается интерпретирующими нормативно-правовыми документами. Например, для создания унифицированного и справедливого механизма реализации нормативно-правовых актов и для оптимизации действующей практики после того, как 1 июля 2002 г. приняли КоАП РФ, взялись за разработку обязательных актов толкования в рамках конкретизации. Помимо этого, административные структуры, имеющие государственно-юрисдикционные правомочия, приняли организационные акты (приказы): о государственных служащих, имеющих право на фиксацию записей совершенных административных деликтов и производить административные аресты, определяющие формы процессуальных актов, закрепляющие последовательность реализации отдельных разновидностей административных санкций и использования средств обеспечения процессуального хода по разрешению административных споров [3, с. 30].

Административная ответственность в области гражданской службы представляет собой использование в закрепленной правовой последовательности для сохранения прав и свобод людей и организаций на-

деленными необходимыми правомочиями административными структурами и государственными служащими в рамках профессиональной сферы таковых, закрепленных федеральными и региональными нормативно-правовыми актами, средств административной ответственности за административные деликты.

Обязательным основанием применения мер административной ответственности государственного служащего считается осуществление таковым административного деликта ввиду бездействия либо бездействия при осуществлении таковым профессиональных обязанностей по службе [4, с. 37].

В науке права создаются абстрактно теоретические методы восприятия условий административной ответственности. Самой аргументированной признается точка зрения ученых, определяющих правовые, реальные и формальные условия данной ответственности. Особенность гражданской службы не создает необходимости обнаружения дополнительных условий привлечения к данной ответственности. Определение административного состава в деяниях государственных служащих, других виновных лиц по таким условиям дает возможность оптимально устранять подобные вопросы и обширно задействовать имеющийся на данный момент теоретико-прагматичный массив знаний.

В литературе административного права существенными признаками административного деликта считаются: незаконность, умысел и ответственность. Данные признаки крепко укоренились в настоящем законодательстве, а также они подробно описывают незаконные действия, осуществленные в областях и административной, и другой общественной службы, скажем местной.

Помимо этого, на сегодняшний день ученые предлагают рассмотреть и иные специфические черты административной ответственности в области гражданской службы. Например, В.А. Козбаненко, исследуя реальное условие административной ответственности должностных лиц, выдвигает гипотезу о том, что осуществленное таковыми незаконное действие способно параллельно быть квалифицировано и в качестве административного, и дисциплинарного деликта [5, с. 24]. К тому же, этот исследователь заявляет, что кроме административного и дисциплинарно-административного деликта условием административной ответственности способно выступить в определенных прецедентах и преступное деяние (бездействие, действие). Данное заявление считается дискуссионным. Легализация действия (бездействия), избавленного от признака причинения социального вреда, конкретно по такому

параметру будет условием для изъятия такового из группы преступных деяний в группу административных деликтов [6, с. 15]. Прецедент, с самого начала оцененный, как преступное деяние, ввиду весьма убедительных аргументов квалифицируется уже в качестве административного деликта – действие (бездействие), причиняющее вред социуму либо гражданину и, соответственно, достойное снижения мер ответственности. Но конкретно действие (бездействие) включает также и иные обязательные черты деликта (незаконность, умысел и ответственность) и требует внимания административных органов.

В науке права и юридической практике до сих пор не сформировалось унифицированного вида того, какие конкретно разновидности административных деликтов надо использовать в структуре государственной гражданской службы. Например, Ю.Н. Стариков говорил о том, что в отношении должностных лиц используются две разновидности административной ответственности: превенция и административное взыскание имущества [7, с. 31]. Ученые противоположной точки зрения считают, что в отношении должностных лиц, помимо зафиксированных мер ответственности, используется и лишение прав [8, с. 52].

Отрицательные стороны юридического регламентирования установления административной ответственности в области государственной гражданской службы, заниженная оптимальность таковой требуют преобразований в устоявшейся регулярно используемой практике в направлении регулярного использования высших нормативно-правовых актов и применения мер ответственности, предельно допустимых в рамках санкции юридической нормы, и обнаруживать иные способы устранения злоупотребления правомочиями должностных лиц, пренебрежением законными интересами людей и большинством иных отрицательных феноменов в области профессиональной гражданской деятельности [9, с. 135].

Исходя из всего вышесказанного можно сделать вывод, что интенсивно изучаемые меры административной ответственности в структуре гражданской службы в смысле формулирования правовых норм недостаточно развиты, расширенного использования в судебных процессах не имеют и в юридической литературе слабо проработаны. Мы считаем, что административную ответственность должностных лиц как специфических участников административного права правильнее было бы причислить к группе дисциплинарной ответственности и органично отстраивать конкретно данную группу правовых норм. В иных прецедентах должностные лица как обладатели общего правового статуса

обязаны привлекаться к административной ответственности аналогично гражданам. Данное понимание уже сейчас используется в отношении должностных лиц военных структур и прочих видов государственной службы, которые обладают наградами. Считается целесообразным данный подход применить и в отношении гражданских должностных лиц.

Список литературы

1. *Радько Т.Н.* Служебное право. М.: Проспект, 2007. 341 с.
2. *Куракин А.В.* Международные и зарубежные стандарты административно-правовых средств предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы. М.: Норма, 2009. 233 с.
3. *Черногор Н.Н.* Проблемы ответственности в теории муниципального права и практике местного самоуправления. М.: Вектор, 2011. 382 с.
4. *Ноздрачев А.Ф.* Государственная служба. М.: Норма, 2009. 499 с.
5. *Козбаненко В.А.* Теория функций права. М.: Проспект, 2014. 243 с.
6. *Ноздрачев А.Ф.* Муниципальная служба. М.: Статут, 1999. 344 с.
7. *Старилов Ю.Н.* Служебное право. М.: Синяя птица, 2003. 341 с.
8. *Граждан В.Д.* Государственная гражданская служба. М.: Норма, 2009. 490 с.
9. *Варнавский А.П.* Некоторые вопросы нормативно-правовой регламентации правового статуса государственного служащего // Тамбовские правовые чтения им. Ф.Н. Плевако: материалы 4 Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.Ю. Стромов. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2020. Т. 2. С. 131-135.

Поступила в редакцию 06.10.2020 г.

Поступила после рецензирования 19.11.2020 г.

Принята к публикации 27.11.2020 г.

Информация об авторе

Варнавский Алексей Павлович – магистрант Института права и национальной безопасности. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8888-0043>, e-mail: campos-daniel@mail.ru

Для цитирования

Варнавский А.П. Эффективность правового регулирования административной ответственности служащих государственного аппарата // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 16. С. 455-462. DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-455-462

DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-455-462

LEGAL REGULATION EFFECTIVENESS OF ADMINISTRATIVE LIABILITY OF CIVIL SERVANTS

A.P. Varnavskiy

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8888-0043>, e-mail: campos-daniel@mail.ru

Abstract. Currently, the problem of differentiating administrative and disciplinary liability, as well as the problem of bringing civil servants to justice, is considered quite relevant. The purpose of this work is to find possible solutions to the above problems. The research involves the following methods of scientific knowledge: concrete-sociological, statistical, formal-logical and comparative-legal methods. We form the opinion that the list of types of administrative liability applied to civil servants is open and controversial. We identify mandatory and additional signs of an administrative offense and distinguish between an administrative offense and a disciplinary offense. We establish that the mandatory basis for applying measures of administrative liability of a civil servant is the implementation of an administrative tort due to inaction or inaction in the exercise of such professional duties in the service. We also conclude that civil servants should be brought to disciplinary liability for violations related to their official activities, and to administrative liability – on an equal basis with citizens on a general basis. In addition, the institution of administrative liability needs legislative revision and more intensive study in practice.

Keywords: administrative liability; disciplinary liability; civil service; civil servants

References

1. Radko T.N. *Sluzhebnoye pravo* [Service Law]. Moscow, Prospekt Publ., 2007, 341 p. (In Russian).
2. Kurakin A.V. *Mezhdunarodnyye i zarubezhnyye standarty administrativno-pravovykh sredstv preduprezhdeniya i presecheniya korruptsii v sisteme gosudarstvennoy sluzhby* [International and Foreign Standards of Administrative and Legal Means of Preventing and Suppressing Corruption in the Civil Service System]. Moscow, Norma Publ., 2009, 233 p. (In Russian).
3. Chernogor N.N. *Problemy otvetstvennosti v teorii munitsipal'nogo prava i praktike mestnogo samoupravleniya* [Problems of Responsibility in the Theory of Municipal Law and Practice of Local Self-Government]. Moscow, Vektor Publ., 2011, 382 p. (In Russian).
4. Nozdrachev A.F. *Gosudarstvennaya sluzhba* [Civil Service]. Moscow, Norma Publ., 2009, 499 p. (In Russian).

5. Kozbanenko V.A. *Teoriya funktsiy prava* [Theory of Legal Functions]. Moscow, Prospekt Publ., 2014, 243 p. (In Russian).
6. Nozdrachev A.F. *Munitsipal'naya sluzhba* [Municipal Service]. Moscow, Statut Publ., 1999, 344 p. (In Russian).
7. Starilov Y.N. *Sluzhebnoye pravo* [Service Law]. Moscow, Blue Bird Publ., 2003, 341 p. (In Russian).
8. Grazhdan V.D. *Gosudarstvennaya grazhdanskaya sluzhba* [State Civil Service]. Moscow, Norma Publ., 2009, 490 p. (In Russian).
9. Varnavskiy A.P. Nekotoryye voprosy normativno-pravovoy reglamentatsii pravovogo statusa gosudarstvennogo sluzhashchego [Some issues of legal regulation of the legal status of a civil servant]. *Materialy 4 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Tambovskiy pravovyye chteniya im. F.N. Plevako»* [Proceedings of the 4 International Research and Practice Conference “Tambov Legal Readings named after F.N. Plevako”]. Tambov, Publishing House “Derzhavinsky”, 2020, vol. 2, pp. 131-135. (In Russian).

Received 6 October 2020

Reviewed 19 November 2020

Accepted for press 27 November 2020

Information about the author

Varnavskiy Aleksey Pavlovich – Master’s Degree Student of Law and National Security Institute. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8888-0043>, e-mail: campos-daniel@mail.ru

For citation

Varnavskiy A.P. Effektivnost’ pravovogo regulirovaniya administrativnoy otvetstvennosti sluzhashchikh gosudarstvennogo apparata [Legal regulation effectiveness of administrative liability of civil servants]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2020, vol. 4, no. 16, pp. 455-462. DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-455-462 (In Russian, Abstr. in Engl.)

© Городницкий П.С., 2020

DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-463-476

УДК 352

Шифр научной специальности 12.00.01

**ИНСТИТУТ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

П.С. Городницкий

Администрация поселения Сосенское г. Москвы

142700, Российская Федерация, г. Москва, поселение Сосенское,

п. Коммунарка, ул. Александры Монаховой, 30

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3227-5362>, e-mail: gorod2703@yandex.ru

Аннотация. В условиях динамичного реформирования системы местного самоуправления в России значительно возрастает роль муниципального служащего, повышаются требования не только к его профессиональному образованию, навыкам и умениям, но и этике, деловому поведению и отношению к службе. В отличие от западных стран, где принято рассматривать общий институт публичной службы, муниципальная служба в Российской Федерации четко обособлена от государственной гражданской службы. В контексте исследования проанализирован подход к регулированию вопросов этики и служебного поведения муниципальных служащих в европейской практике молодых демократий. Проведен широкий анализ положений кодексов этики и поведения служащих ряда бывших стран восточного блока: Эстонии, Латвии, Польши, Чехии, Болгарии, Македонии. Установлено, что отечественный и зарубежный подход весьма схожи друг с другом, а основной целью принятия соответствующих кодексов выступает стремление к прозрачности и искоренению устоев коммунистической эпохи. Сформированы выводы, согласно которым отечественный Типовой кодекс этики и служебного поведения может быть доработан до уровня развивающихся демократий Европы. На современном этапе от документа требуется гибкость и переход от формального к более неформальному и понятному для муниципального служащего.

Ключевые слова: муниципальная служба; публичная служба; муниципальный служащий; кодекс этики; опыт западных стран

Современная муниципальная служба представляет собой особое явление российской муниципальной практики, она не включена в систему государственной гражданской службы, а правовое регулирование

государственной гражданской службы и муниципальной службы осуществляется раздельно.

Вместе с тем В.И. Фадеев отмечает, что муниципальная служба «учреждается и функционирует в сфере публичной власти, носит публично-правовой характер, имеет специфические задачи, связанные с обеспечением полномочий местного самоуправления, и, наконец, имеет определенную преемственность с государственной службой» [1, с. 106-107].

Особое внимание хочется уделить тому, что муниципальная служба в западных странах как англо-саксонской, так и романо-германской правовой семьи зачастую вовсе не обособлена от государственной гражданской службы и входит в состав общей «публичной службы» – public/civil services, либо является ее подвидом. Так, исследование А.А. Мезенцевой подтверждает, что «в Германии, как и в ряде других стран, нет понятия «государственная служба», а после Первой мировой войны появилось понятие «публичная служба» [2]. О данной особенности говорит и Е.Е. Подкопаева, отдельно отмечая, что «в Европейском союзе под муниципальной службой обычно понимаются непосредственно муниципальные услуги и организация предоставления таких услуг, как их процессуальная сторона» [3, с. 142-143].

Стоит отметить, что регулирование публичной службы в западных странах на национальном уровне, помимо конституции, зачастую основывается на двух нормативно-правовых документах, а именно: законе о государственной службе или кодексе этики государственных служащих. Данное суждение подкреплено исследованием А.В. Пронина, где говорится, что «во исполнение Конституции в Австрийской Республике принят федеральный закон «О государственной службе» – единый закон, регулирующий отношения в сфере публичной службы, правоотношения, вытекающие из него в области муниципальной службы, распространяются лишь на порядок назначения некоторых должностных лиц местного самоуправления на должность (бургомистры и их заместители), ряд положений, связанных с отпуском и обучением, и в отличие от Российской Федерации здесь нет отдельного федерального закона, посвященного муниципальной службе, а все законодательство, за исключением порядка назначения служащих на должность, вынесено на уровень субъектов федерации – земель» [4, с. 150].

Довольно интересным представляется институт муниципальной службы в странах англо-саксонской правовой семьи, в особенности в

Великобритании. Так, ни Local Government Act 2000 г.¹, ни принятый в 2011 г. Localism Act² не устанавливают ни требований к муниципальным служащим, не определяют статус муниципального служащего, сам же термин «муниципальный служащий» фактически отсутствует, а с точки зрения отечественной практики относится скорее к лицу, предоставляющему муниципальные услуги, и представляется как “local government officer” (*служащий местных органов власти*), который, не являясь “civil servant” (*государственным служащим*), входит вместе с ним в более широкое понятие “public servant” (*публичный служащий*).

Муниципалитеты Великобритании наделены широкой автономией по вопросам муниципальной службы (в отечественном понимании) и вправе самостоятельно регулировать все вопросы, связанные с ее прохождением, за исключением порядка назначения служащих на должность, установленного в вышеназванных актах. Кроме того, служащий местных органов власти обязан соблюдать кодексы поведения и руководства, предназначенные для государственных служащих Короны, лишь в той мере, в которой это посчитает необходимым муниципалитет.

Несмотря на это, базовым кодексом по вопросам поведения муниципального служащего можно назвать национальный The Civil Service management code³. Данный нормативно-правовой акт хоть и распространяется на служащих Короны, но муниципалитетам предлагается учитывать его при разработке своих кодексов. Примечательным выступает то, что в нем предусмотрены уникальные запреты, такие как запрет на публикацию мемуаров, связанных с несением службы без предварительного одобрения, и запрет на получение непубличной информации, связанной распоряжениями и рекомендациями лица, ранее занимавшего данную должность, если это лицо придерживалось иной политической идеологии.

Интересным можно также считать то, что в Великобритании установлены универсальные принципы публичной службы The Seven Principles of Public Life, которые распространяются на всех без исклю-

¹ Local Government Act 2000. URL: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/env/pp/compliance/C2011-60_UK/Communication/Statutory_provisions/LocalGovernmentAct2000.pdf (accessed: 30.07.2020).

² Localism Act 2011. URL: <https://services.parliament.uk/bills/2010-11/localism.html> (accessed: 30.07.2020).

³ Civil Service management code. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/civil-servants-terms-and-conditions> (accessed: 30.07.2020).

чения служащих⁴. Они гласят следующее: самоотверженность – служба исключительно в интересах общества; целостность – не брать на себя никаких обязательств, которые могут ненадлежащим образом повлиять на службу; объективность – действовать и принимать решения беспристрастно, справедливо и по достоинству, без дискриминации или предвзятости; подотчетность – ответственность перед общественностью за свои решения и действия; открытость – действовать и принимать решения открыто и прозрачно; честность – все заявления должны быть правдивыми; руководство – активно пропагандировать и решительно поддерживать эти принципы и быть готовыми бросить вызов плохому поведению, где бы оно ни происходило.

Подход к пониманию муниципальной службы англо-саксонского толка вряд ли применим в Российской Федерации. Вместе с тем в контексте настоящего исследования следует согласиться с мнением А.В. Москалева, согласно которому качественного отличия между задачами муниципальных служащих и задачами государственных служащих в России не существует, «общей для них будет цель – улучшение благосостояния общества, удовлетворение общественных интересов» [5, с. 65].

Однако, учитывая различный подход к пониманию муниципальной службы в отечественной и западной практике, наиболее верным представляется провести анализ схожих явлений – кодексов этики публичных служащих наиболее близких к нам стран бывшего восточного блока: Эстонии, Латвии, Польши, Чехии, Болгарии, Македонии, и сравнить их с Типовым кодексом этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих⁵ в вопросах руководящих принципов, конфликта интересов и ответственности.

Стоит отметить, что в представленных странах муниципальная служба рассматривается как относительно самостоятельный подвид публичной службы, а на муниципальных служащих распространяются все нормы этики и служебного поведения публичных служащих.

⁴ The Seven Principles of Public Life. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/the-7-principles-of-public-life/the-7-principles-of-public-life-2> (accessed: 30.07.2020).

⁵ Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (одобрен решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23.12.2010) (протокол № 21) // Официальные документы в образовании: бюллетень. 2011. № 36.

Кодексы поведения публичных служащих в странах Восточной Европы – довольно новое явление. Новые демократические государства, как и Российская Федерация, строят свои административные системы, создают правовые рамки и административные традиции. Безразличие к обществу, высокомерное поведение и медлительность, которые были характерны для коммунистической эпохи, все еще часто встречаются в деятельности государственных служащих.

Изменения в вопросах этики и поведения публичных служащих произошли главным образом в результате внешнего давления, в частности процесса расширения Европейского союза, и растущих требований со стороны общественности. Этические аспекты поведения государственных служащих в рассматриваемых странах формально регулируются существующими законами, а неформально – с помощью кодексов поведения.

Так, эстонский Кодекс этики определяет следующие принципы: служение обществу, уважение конституции и закона, осуществление политической воли, стремление к более широкому участию общественности, политический нейтралитет, беспристрастность и объективность, предсказуемость и открытость, честность, ответственность, сознательность, доброжелательность в общении с людьми и индивидуальное развитие⁶.

Первая статья эстонского Кодекса отражает идею нового государственного управления и обеспечивает достаточно современное и демократическое восприятие публичного служащего: «должностное лицо – это гражданин, находящийся на службе у народа». Служение обществу рассматривается как приоритетная ценность, подчеркиваемая на протяжении всего документа.

Статья 8 отдельно провозглашает, что «должностное лицо должно быть готово принимать непопулярные решения в общественных интересах». Общее понимание и определение состоит в том, что государственный служащий является авторитетом или посредником между политиками и общественностью.

Латвийский Кодекс предусматривает широкие и более конкретные принципы этического поведения публичных служащих. Общие принципы направлены на повышение общественного доверия к публичному

⁶ Estonian Code of Ethics. URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/NISPAcee/UNPAN007216.pdf> (accessed: 30.07.2020).

служащему. Вместе с тем отмечается, что публичный служащий должен быть прежде всего лоялен правительству⁷.

Исключительное внимание в Кодексе уделено борьбе с коррупцией. Категорически сказано, что публичный служащий не имеет права действовать против закона, особенно если закон направлен на предупреждение коррупции.

Отдельная глава Кодекса определяет основные принципы поведения по отношению к другим служащим и общественности. Эти принципы включают в себя честность, предоставление достоверной и актуальной информации, использование законных полномочий для защиты интересов общества, не использование неосведомленности других людей, признание и исправление ошибок. В Кодексе отдельно подчеркивается, что «публичный служащий вежлив, любезен, услужлив и уважителен по отношению к другим служащим и общественности». В Кодексе предусмотрен четкий ответ, как обращаться с «трудными» гражданами и как решать возникающие проблемы. Кодекс подробно разъясняет каждый принцип, подчеркивая, что «служащий должен уметь анализировать не только закон, но и поведение человека».

Польский Кодекс этики подчеркивает пять основных принципов публичной службы: служение обществу, надежность, индивидуальное развитие, беспристрастность и политический нейтралитет⁸. Отмечается, что публичные служащие должны уважать права граждан, достоинство других и закон, способствовать повышению доверия граждан к государству и его органам, заботиться об имидже государственной службы, отдавать приоритет общественному благу над своими собственными и интересами окружающих. Надежность определяется сознательным трудом, стремлением к лучшим результатам, творческим и активным подходом, доброй волей, ответственностью за поведение, открытостью к критике, уважением к закону и процедурам, рациональным использованием государственной собственности и общественных ресурсов, подотчетностью, лояльностью к должности и своему начальству. В статье об индивидуальном развитии указываются профессиональные знания, осведомленность о правовых актах, использование компетенций экспертов, умение обосновывать решения или поведение, хорошие межличностные отношения при выполнении совместных ад-

⁷ Latvian Principles of Ethical Behavior of Civil Servants. URL: <http://www.likumi.lv/doc.php?id=1574> (accessed: 30.07.2020).

⁸ Civil Service Code of Ethics (Poland). URL: <http://www.osi.hu/lgi/publications/dp/html/08.html> (accessed: 30.07.2020).

министративных заданий, объективная аргументация и корректное поведение по отношению ко всем. Беспристрастность при исполнении поручений и обязанностей направлена на предотвращение любого конфликта интересов, иной занятости, лоббирования, принятия каких-либо материальных или личных преимуществ, подчеркивает честность, равное отношение ко всем вовлеченным сторонам, прозрачность государственного управления и конфиденциальность. Политический нейтралитет в Кодексе объясняется с точки зрения реализации стратегии и программы правительства лояльным и надежным способом предоставления начальству объективных советов и мнений «в соответствии с его наилучшей волей и знаниями», воздержания от политической активности, сохранения дистанции от любого политического влияния или давления.

Кодекс Чешской Республики определяет три основных принципа: служение обществу, правильное поведение по отношению к другим сотрудникам и объективность. Принцип политической нейтральности конкретизируется в отдельной статье, касающейся политической или общественной деятельности. Чешский документ также отдает приоритет служению обществу, а не лояльности по отношению к правительству. Служение обществу конкретизируется как постоянное индивидуальное развитие, доброта, понимание и готовность воздерживаться от любых предрассудков⁹.

Кодекс поведения Болгарского публичного служащего в преамбуле определяет следующие принципы: законность, лояльность, честность, непристрастность, политический нейтралитет, ответственность и подотчетность как перед общественностью, так и в служебной иерархии¹⁰.

В главе о профессиональном поведении упоминаются некоторые другие принципы, такие как: лояльность правительству, честность, компетентность и уважение к закону, бескорыстие, эффективность и результативность. Эти принципы объясняются через фундаментальные, понятные запреты – не вводить в заблуждение или сознательно вводить в заблуждение органы власти, не разглашать данные или факты в определенных ситуациях, не злоупотреблять служебным положением или информацией, не получать выгоды любого рода, не быть вовлеченным в финансовую зависимость или другие обязательства.

⁹ Code of Ethics of Public Servants (Czech Republic). URL: <http://www.oecd.org/puma/ethics/events.html> (accessed: 30.07.2020).

¹⁰ Bulgarian Law for the Civil Servant. URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/NISPAcee/UNPAN012623.pdf> (accessed: 30.07.2020).

В главе, посвященной отношениям с коллегами, подчеркиваются принципы лояльности, уважения и сотрудничества. Кодекс дает объяснение принципу горизонтальной лояльности – нарушение этого принципа может «понизить престиж или профессиональную деятельность коллеги». Государственный служащий, занимающий руководящую должность, должен дополнительно следовать и демонстрировать два других принципа: лидерство (образцовость) и ответственность: «должен подавать пример другим государственным служащим своим личным поведением и чувством ответственности».

Македонский Кодекс поведения публичных служащих также описывает основные принципы государственной службы. Этими принципами являются: соблюдение конституции, служение общественным интересам, равенство, высокий профессиональный уровень и индивидуальное развитие, эффективность, надлежащее поведение и забота о репутации¹¹.

Общаясь с гражданами и иными юридическими лицами, публичные служащие должны действовать в духе взаимного доверия и сотрудничества, вежливости, респектабельности и доброй воли. Помимо этих принципов в трех других статьях большое значение придается принципам беспристрастности, независимости, прозрачности и надлежащего использования служебного положения.

Анализируя кодекс, становится ясно, что беспристрастность важна для достижения определенных результатов, равного отношения к гражданам. Служащие должны избегать предубеждений, оценивающих фактическую ситуацию, реализацию амбиций по продвижению по службе, конфликт интересов, запугивание или угрозы, внешнюю занятость, нанесение ущерба другому лицу, группе лиц, органу или юридическому лицу. Реализация прав и законных интересов граждан или иных субъектов должна быть ориентиром для повседневной деятельности служащего.

Для публичного служащего весьма важны самостоятельность в принятии решений и объективность, без излишних проволочек действующая в установленном порядке и исполняющая свои служебные обязанности. В отдельной статье подчеркивается, что государственный служащий должен «исполнять служебные обязанности в пределах своей компетенции, особенно отвергая каждое давление».

¹¹ Macedonian Law on the Civil Servants' Code of Conduct (2008). URL: http://www.rapc.gov.md/file/Code%20of%20Conducat_en.doc (accessed: 30.07.2020).

Рассматриваемые кодексы этики зачастую уделяют значительное внимание проблеме конфликта интересов, который является одной из ключевых проблем государственного управления. При выявлении проблемы предусматриваются ограничения на внешнюю занятость, личные выгоды (в том числе подарки и гостеприимство), а также возможность использования прежних отношений.

Однако эстонский Кодекс напрямую не затрагивает проблему конфликта интересов, отмечая лишь, что «должностное лицо должно избегать создания ситуации, которая вызывает или может вызвать подозрение в отношении его беспристрастности или объективности».

Правила, касающиеся конфликта интересов в Латвии, можно охарактеризовать как попытки побудить публичного служащего надлежащим образом выполнять свои служебные обязанности, не преследуя личных интересов, не оказывая влияния на других должностных лиц с целью получения личной выгоды, используя служебное положение и информацию в интересах общества.

Кодекс разъясняет, что кажущийся конфликт интересов может быть столь же критичным, как и реальный, поскольку он снижает доверие общественности к государственной службе и государственному управлению. Наряду с финансовым в Кодексе упоминается и нефинансовый интерес. В ситуациях реального или кажущегося конфликта интересов служащий обязан проинформировать руководителя о сложившейся ситуации, попытаться предотвратить конфликт интересов, устранить источник такого конфликта.

В польском Кодексе, раскрывающем принцип беспристрастности, упоминается о конфликте интересов: служащему запрещается заниматься какой-либо работой или занятием, которые могут помешать выполнению служебных обязанностей. Публичный служащий должен избегать подозрений в какой-либо связи между публичными и частными интересами, не принимать никаких форм оплаты за публичные высказывания, связанные с должностью или возникшие из семейных, знакомых, трудовых или аффилированных отношений, не может принимать никаких материальных или личных выгод от других лиц, лоббировать использование связей.

Этический Кодекс Чешской Республики описывает понятие частного интереса как любой вид выгоды для себя, своей семьи, родственников, друзей, физических и юридических лиц, с которыми он имеет или имел деловые или политические отношения. Служащий не может требовать или принимать подарки, услуги или любые другие преиму-

щества, которые могут повлиять на его решение в определенных вопросах или испортить его профессиональный подход к определенным вопросам.

Публичные служащие имеют некоторые ограничения, связанные с официальным положением в Болгарии. Они не могут использовать официальную информацию в своих личных интересах, принимать выгоды любого рода, которые могут быть учтены как компрометирующие его личное суждение или честность. Публичные служащие не могут быть вовлечены в финансовую зависимость или другие обязательства с внешними лицами или организациями, которые могут повлиять на выполнение их обязанностей.

В главе о личном поведении подчеркивается, что служащий приобретает и распоряжается своим личным имуществом и имуществом своих семей таким образом, чтобы не возникало никаких подозрений или сомнений в злоупотреблении своим служебным положением.

Македонский Кодекс предусматривает обязанность избегать любого конфликта интересов и ситуации, которая может привести к подозрению в таком конфликте. Отдельная статья раскрывает конфликт финансовых интересов. Запрещается допускать, чтобы личные финансовые интересы вступали в конфликт со статусом служащего. Требуется не допускать отношений сотрудничества с лицами или организациями, которые имеют или имели экономический интерес от решений или деятельности органа, в котором служащий работает в течение последних 3-х лет.

Статус публичных служащих предполагают определенную ответственность. Некоторые кодексы поведения предусматривают четкую ответственность за нарушение кодекса, другие кодексы этики не имеют аналогичных санкций. Этические кодексы призваны ориентировать, но не наказывать служащих и избегать конкретных санкций.

В эстонском, македонском и польском кодексах ничего не говорится об ответственности.

Чешский Кодекс этики публичных служащих содержит отдельную статью об отчетности о ненадлежащей деятельности, которая требует сообщать вышестоящему руководителю или правоохранительным органам о фактах ненадлежащего использования финансовых ресурсов, оборудования и услуг, мошеннической или коррупционной деятельности. Кодекс предусматривает возможность благоразумно отказаться от противоправных действий и сообщить об этом вышестоящему начальнику.

В Кодексе поведения Болгарского государственного служащего упоминается только одна санкция за нарушение правил, изложенных в документе – увольнение с государственной службы. Такая крайняя мера может свидетельствовать о желании регулировать деятельность и в то же время препятствовать несовместимому поведению.

В латвийском Кодексе упоминается обязанность государственного служащего предотвращать незаконные действия или действия, противоречащие указанным принципам, в организации и в государственном управлении. После получения задания, противоречащего принципам этического поведения, государственный служащий обязан проинформировать об этом контролирующее должностное лицо, которое несет ответственность за принятие соответствующего решения. Если государственный служащий в своих действиях не соблюдает принципы поведения государственных служащих, любое лицо или организация вправе обратиться с жалобой к руководителю соответствующего учреждения. В обязанности руководителя учреждения входит рассмотрение жалобы и принятие решения о возбуждении дисциплинарного расследования в отношении данного государственного служащего. Хотя в Кодексе не упоминаются конкретные санкции, дисциплинарная ответственность может быть вопросом внутренних институциональных правил.

Стоит отметить, что одной из причин разработки рассмотренных выше кодексов явилось и желание уйти от коммунистического прошлого к западным ценностям и практикам.

Европейские принципы и идеи управления определены во всех проанализированных кодексах европейских стран бывшего восточного блока. Одна из потенциальных проблем государственного управления – конфликт интересов, была освещена во всех представленных документах.

Говоря о перспективе заимствования положений зарубежных кодексов, важно отметить, что в отечественном Типовом кодексе содержится наибольший из рассмотренных перечней принципов службы. Вместе с тем большинство принципов недостаточно раскрыты (в первую очередь принцип лояльности), а некоторые и вовсе окончательно не сформированы, здесь прослеживается четкая необходимость либо сократить данный перечень на примере Кодекса Чешской Республики, либо сгруппировать их по примеру польского Кодекса.

Расширение смыслового наполнения статей о конфликте интересов кажется разумным, так, в отечественный Типовой кодекс можно добавить некоторые неформальные положения, детально описывающие те

или иные ситуации, связанные с возможным получением муниципальным служащим выгоды в нарушение установленных требований.

Вопрос указания ответственности в своде отечественных правил считаем излишним, вместе с тем, включение узкого перечня санкций помимо предусмотренного статьей 29 «морального осуждения» может служить своего рода напоминанием для муниципального служащего.

Любой кодекс этики и делового поведения должен, прежде всего, не бегло ознакомить муниципального служащего с правилами служебного поведения, а дать ему четкое и грамотное представление об ориентирах в своей деятельности.

Вместе с тем одной из проблем для кодексов делового поведения является именно их реализация и превращение в неотъемлемую часть повседневной деятельности, так как они, по сути, являются неформальными документами. Гибкость кодекса должна стать его основополагающей особенностью. В перспективе развития местного самоуправления следует предусмотреть возможность обновления существующего Типового кодекса, направленного на решение актуальных проблем и задач, стоящих перед профессией муниципального служащего.

Список литературы

1. *Фадеев В.И.* Муниципальная служба в Российской Федерации // Местное самоуправление: современный российский опыт законодательного регулирования. М., 1998. 216 с.
2. *Мезенцева А.А.* Особенности организации государственной службы России и Германии // Студенческие научные исследования. 2015. № 6. URL: <http://student.snauka.ru/2015/06/2490> (дата обращения: 30.07.2020).
3. *Подкопаева Е.Е.* Концепция муниципальной службы в Российской Федерации и в странах Евросоюза (на примере Литовской Республики) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2013. № 2 (15). С. 141-148.
4. *Пронин А.В.* Муниципальная служба Австрии // Международно-правовые чтения. 2012. № 10. С. 149-158.
5. *Москалев А.В.* Муниципальная служба: понятие, признаки, принципы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 2. С. 64-70.

Поступила в редакцию 29.09.2020 г.

Поступила после рецензирования 09.11.2020 г.

Принята к публикации 27.11.2020 г.

Информация об авторе

Городницкий Павел Сергеевич – главный специалист отдела по вопросам потребительского рынка. Администрация поселения Сосенское г. Москвы, г. Москва, п. Коммунарка, поселение Сосенское, Российская Федерация.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3227-5362>, e-mail: gorod2703@yandex.ru

Для цитирования

Городницкий П.С. Институт муниципальной службы на современном этапе: сравнительно-правовой аспект // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 16. С. 463-476. DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-463-476

DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-463-476

MUNICIPAL SERVICE INSTITUTE AT THE PRESENT STAGE: A COMPARATIVE AND LEGAL ASPECT

P.S. Gorodnitskiy

Administration of Sosenskoye Settlement, Moscow

30 Alexandra Monakhova St., Kommunarka village, Sosenskoye settlement,
Moscow 142700, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3227-5362>, e-mail: gorod2703@yandex.ru

Abstract. In the context of the local self-government system dynamic reform in Russia, the role of the municipal official is significantly increasing, the requirements not only for his professional education, skills and abilities, but also for ethics, business behavior and attitude towards service are increasing. In contradistinction from Western countries, where it is customary to consider the general institution of state service, the municipal service in the Russian Federation is clearly separated from the state civil service. In the context of the research, we analyze the approach to the regulating issues of municipal official's ethics and professional conduct of in the European practice of young democracies. We carry out a broad analysis of the codes provisions of official's ethics and conduct in a number of former Eastern bloc countries: Estonia, Latvia, Poland, Czech Republic, Bulgaria, Macedonia. We establish that the domestic and foreign approaches are very similar to each other, and the main goal of adopting the relevant codes is the desire for transparency and the eradication of the communist era foundations. We establish that the domestic and foreign approaches are very similar to each other, and the main goal of adopting the relevant codes is the desire for transparency and the eradication of the communist era foundations. At the present stage, the document requires flexibility and a transition from formal to more informal and understandable for the municipal official.

Keywords: municipal service; public service; municipal official; code of ethics; western countries experience

References

1. Fadeyev V.I. Munitsipal'naya sluzhba v Rossiyskoy Federatsii [Municipal service in the Russian Federation]. *Mestnoye samoupravleniye: sovremennyy rossiysskiy opyt zakonodatel'nogo regulirovaniya* [Local Government: Modern Russian Experience of Legislative Regulation]. Moscow, 1998, 216 p. (In Russian).

2. Mezentseva A.A. Osobennosti organizatsii gosudarstvennoy sluzhby Rossii i Germanii [Features of the organization of the state service of Russia and Germany]. *Studencheskiye nauchnyye issledovaniya – Student Scientific Researches*, 2015, no. 6. (In Russian). Available at: <http://student.snauka.ru/2015/06/2490> (accessed 30.07.2020).
3. Podkopayeva E.E. Kontsepsiya munitsipal'noy sluzhby v Rossiyskoy Federatsii i v stranakh Evrosoyuza (na primere Litovskoy Respubliki) [The concept of municipal service in the Russian Federation and the European Union (on the example of the Lithuanian Republic)]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo – Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, 2013, no. 2 (15), pp. 141-148. (In Russian).
4. Pronin A.V. Munitsipal'naya sluzhba Avstrii [Municipal service of Austria]. *Mezhdunarodno-pravovyye chteniya* [International Law Readings], 2012, no. 10, pp. 149-158. (In Russian).
5. Moskalev A.V. Munitsipal'naya sluzhba: ponyatiye, priznaki, printsipy [Municipal service: concept, characteristics, principles]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskiye nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2012, no. 2, pp. 64-70. (In Russian).

Received 29 September 2020

Reviewed 9 November 2020

Accepted for press 27 November 2020

Information about the author

Gorodnitskiy Pavel Sergeevich – Chief Specialist of the Consumer Market Department. Administration of Sosenskoye Settlement, Kommunarka village, Sosenskoye settlement, Moscow, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3227-5362>, e-mail: gorod2703@yandex.ru

For citation

Gorodnitskiy P.S. Institut munitsipal'noy sluzhby na sovremennom etape: sravnitel'no-pravovoy aspekt [Municipal service Institute at the present stage: a comparative and legal aspect]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2020, vol. 4, no. 16, pp. 463-476. DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-463-476 (In Russian, Abstr. in Engl.)

© Демичев А.А., 2020

DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-477-484

УДК 347.65/68

Шифр научной специальности 12.00.03

НАСЛЕДСТВЕННЫЙ ДОГОВОР В СИСТЕМЕ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

А.А. Демичев

Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации
603950, Российская Федерация, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9779-100X>, e-mail: aadem@bk.ru

Аннотация. С 1 июня 2019 г. в Российской Федерации наряду с наследованием по завещанию и наследованию по закону появилось наследование по наследственному договору. Подчеркнуто, что достаточно длительные сроки, прошедшие от публичного оглашения идеи наследственного договора, ее обсуждения в научном сообществе и на законодательном уровне, не избавили нормы о наследственном договоре от ряда недостатков и дискуссионности. В связи с этим проанализирован ряд дискуссионных проблем, возникших в связи с появлением наследственного договора в системе наследственного права России. Обозначено, что место наследственного договора в системе российского наследственного права до сих пор остается неопределенным. В том числе рассмотрена проблема соотношения наследственного договора и завещания, наследственного договора и договора пожизненного содержания с иждивением. В частности, отмечено, что принципиальная разница между наследственным договором и договором пожизненного содержания с иждивением заключается в том, что право собственности на имущество переходит в момент заключения договора пожизненного содержания с иждивением, а при наследственном договоре – после смерти наследодателя. В качестве дискуссионного обозначен также вопрос о сторонах наследственного договора. На основе анализа законодательства выявлены недостатки правового регулирования отношений, связанных с наследственным договором.

Ключевые слова: наследственное право; наследственный договор; наследование по закону; наследование по завещанию; договор пожизненного содержания с иждивением

До 1 июня 2019 г. в Российской Федерации существовало два основания наследования: по завещанию и по закону. Однако с указанной даты появилось третье основание – наследственный договор. Наслед-

ственный договор не является чем-то необычным для ряда стран, входящих в континентальную правовую семью, но для России он является абсолютной новеллой. Каких-либо аналогов наследственному договору в российской истории не было. Не имелось и доктринального осмысления этого института в российской цивилистике.

Идея введения наследственного договора в нашей стране более-менее активно стала обсуждаться еще с 2013 г. В этом году в Государственную Думу РФ был представлен первый законопроект о введении наследственного договора. Однако практическая реализация этой идеи началась после принятия федерального закона от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации»¹ с 1 июня 2019 г.

Достаточно длительные сроки, прошедшие от публичного оглашения идеи наследственного договора, ее обсуждения в научном сообществе и на законодательном уровне, тем не менее, не избавили нормы о наследственном договоре от ряда недостатков и дискуссионности. Хотя и прошел год с появления наследственного договора в Российской Федерации, отсутствует соответствующая статистика и анализ материалов нотариальной практики. До сих пор не ясно, какое место среди других оснований наследования занимает наследственный договор.

Остановимся на нескольких проблемных моментах, связанных с наследственным договором.

1. Не совсем ясно место наследственного договора в системе российского наследственного права. В статье 1111 ГК РФ² четко устанавливается, что «Наследование осуществляется по завещанию, по наследственному договору и по закону». При этом мы видим, что перечислены не только три самостоятельных основания, но и их приоритетность. Толкуя приведенную норму, можно утверждать, что иерархируя основания наследования, законодатель ставит на первое место завещание, на второе – наследственный договор и на третье место – наследование по закону.

Определенные сомнения в том, какое место занимает наследственный договор в системе наследственного права, вызывает расположение данных норм в ГК РФ. Если бы законодатель выделил в ГК РФ отдель-

¹ О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 19.07.2018 № 217-ФЗ // СЗ РФ. 2018. № 30. Ст. 4552.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2011 № 146-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

ную главу «Наследственный договор», поместив ее между главами 62 «Наследование по завещанию» и 63 «Наследование по закону», все встало бы на свои места и не вызывало бы вопросов. Однако нормы о наследственном договоре помещены в одну единственную статью – статью 1140.1, которая является последней в главе 62. Следует ли это понимать, что наследственный договор является специфическим видом завещания? Каковы соотношения юридической силы завещания и наследственного договора в случае одновременного наличия и того, и другого?

ГК РФ не содержит норм, устанавливающих соотношение юридической силы завещания и наследственного договора. Ответ на этот вопрос может дать только судебная практика, обобщенная на уровне постановления Пленума Верховного суда РФ. Однако для этого нужно, чтобы сама практика наследственного договора имела место.

Частично урегулированным является вопрос о соотношении совместного завещания супругов и наследственного договора. Абзац 3 пункта 5 статьи 1140.1 ГК РФ прямо указывает, что наследственный договор, в котором участвуют супруги, а также лица, которые могут призываться к наследованию за каждым из супругов, «отменяет действие совершенного до заключения этого наследственного договора совместного завещания супругов». В этой ситуации возникает проблема юридической силы совместного завещания супругов, составленного уже после заключения наследственного договора. По нашему мнению, исходя из смысла закона, совместное завещание супругов будет иметь приоритет перед заключенным ранее наследственным договором.

Полагаем, что норму о том, что наследственный договор отменяет заключенное ранее совместное завещание супругов, нельзя использовать по аналогии в отношении единолично составленного завещания. Если законодатель это предполагал, то прямо указал бы на это в законе. Однако он этого не сделал, акцентировав внимание только на совместном завещании супругов.

2. Интересной и весьма актуальной представляется проблема сходства и различия завещания и наследственного договора. Однако этот вопрос в данной статье мы глубоко не затрагиваем, так как он требует самостоятельного изучения. Сейчас отметим лишь несколько принципиальных моментов.

Наследодатель в любой момент по своему усмотрению может отменить завещание. Данное действие не несет для него правовых последствий. Уведомлять кого-либо об отмене завещания он не обязан.

ГК РФ также допускает односторонний отказ наследодателя от наследственного договора. Производится это путем уведомления другой стороны (или сторон) наследственного договора о таком отказе. Данное уведомление подлежит нотариальному удостоверению, а нотариус, удостоверивший уведомление об отказе, обязан в течение трех рабочих дней направить копию соответствующего уведомления сторонам наследственного договора. Принципиальным является то, что, отказываясь от наследственного договора, наследодатель обязан возместить другой его стороне (или сторонам, если их несколько) убытки, которые возникли у нее в связи с исполнением договора.

При наследовании по завещанию необходимо принять наследство в шестимесячный срок после его открытия. Наследственный договор вступает в силу для наследника сразу же после смерти наследодателя, а имущество наследодателя переходит напрямую наследнику на основании наследственного договора. На практике может сложиться ситуация, когда под видом наследственного договора фактически может скрываться обычное завещание. Ведь стороны могут включать в наследственный договор любые условия, не противоречащие закону. Не будет противоречить закону, если на выгодоприобретателя не будет возложено вообще никаких обязанностей или же они будут носить формальный характер, не требовать обязательного исполнения. В этом случае наследство перейдет наследникам не через 6 месяцев после открытия наследства, а сразу же после смерти наследодателя.

3. Некоторое сходство у наследственного договора имеется с договором пожизненного содержания с иждивением. Однако принципиальная разница заключается в том, что право собственности на имущество переходит в момент заключения договора пожизненного содержания с иждивением, а при наследственном договоре – после смерти наследодателя. Сходство заключается в том, что в обоих случаях за предоставление имущества наследодателем при заключении наследственного договора или получателем ренты по договору пожизненного содержания с иждивением контрагенту (до или после смерти в зависимости от вида заключенного договора) наследодатель получает предусмотренные договором имущественные и (или) неимущественные блага, а получатель ренты – пожизненно содержание.

4. Дискуссионным является вопрос о сторонах наследственного договора. Понятно, что одной стороной является наследодатель: либо одно физическое лицо, либо супруги (то есть лица, состоящие в официально зарегистрированном браке в соответствии с требованиями за-

конодательства). Другой стороной или сторонами наследственного договора в соответствии с пунктом 1 и пунктом 5 статьи 1140.1 ГК РФ являются лица, которые могут призываться к наследованию в соответствии со статьей 1116 ГК РФ. Отсюда можно сделать вывод, что наследниками по наследственному договору могут являться не только физические и юридические лица, но и Российская Федерация, и субъекты Российской Федерации, и муниципальные образования, и иностранные государства, и международные организации. Данное утверждение прямо вытекает из отсылочного характера пунктов 1 и 5 статьи 1140.1 ГК РФ к статье 1116 ГК РФ. Однако такая позиция законодателя представляется не совсем проработанной и вызывает недоумение. Действительно, указанные в статье 1116 ГК РФ субъекты могут быть наследниками, однако в интересующем нас случае они должны заключить наследственный договор с наследодателем. Теоретически это возможно, но без разработки необходимой нормативной базы вряд ли осуществимо.

5. Одной из наиболее сложных на практике ситуаций, связанных с наследованием имущества, является наследование при наличии лиц, имеющих в соответствии со статьей 1149 ГК РФ право на обязательную долю в наследстве. Пункт 6 статьи 1140.1 распространяет правило об обязательной доле в наследстве и на наследственный договор. Это касается и права на обязательную долю в наследстве, которое возникло уже после заключения наследственного договора. В этом случае обязательства наследника по наследственному договору уменьшаются пропорционально уменьшению части наследства, причитающейся ему после удовлетворения права на обязательную долю в наследстве.

С одной стороны, государство заботится о социальной защите интересов лиц, которые отнесены к категории имеющих право на обязательную долю в наследстве. Но, с другой стороны, здесь имеется и нарушение принципа свободы договора (пункты 1 и 2 статьи 1 ГК РФ). Волеизъявление сторон договора ограничено здесь интересами третьих лиц, причем лиц, круг которых установлен государством.

6. Абзац 2 пункта 5 статьи 1140.1 ГК РФ устанавливает правило, что наследственный договор, в котором участвуют супруги, утрачивает силу в связи с расторжением брака, смерти одного из супругов, а также в связи с признанием брака недействительным. Данное правило представляется логичным, но остается неурегулированным вопрос о правовых последствиях утраты силы наследственного договора по этим основаниям. Раз наследственный договор утрачивает силу, выгодоприобретатель не должен больше нести имущественные и неимущественные

обязанности в отношении наследодателя, а после смерти наследодателя имущество не будет переходить наследниками в соответствии с наследственным договором. В этой ситуации возникает вопрос, должен ли переживший супруг возмещать убытки выгодоприобретателю, которые он понес к моменту утраты силы наследственного договора в связи с его исполнением.

7. В соответствии с пунктом 12 статьи 1140.1 ГК РФ, заключив наследственный договор, наследодатель полностью сохраняет право совершать любые сделки в отношении своего имущества и любым иным образом распоряжаться им. Это в полной мере касается и имущества, которое должно перейти выгодоприобретателю по наследственному договору. Такой подход законодателя создает возможность обмана со стороны наследодателя в отношении другой стороны договора. Наследодатель не обязан никого информировать о том, как он распорядился своим имуществом. Соответственно к моменту его смерти другая сторона наследственного договора, добросовестно выполняющая его условия, может не знать, что имущество, которое ей полагалось по договору, уже не принадлежит наследодателю и не может быть передано по наследственному договору. Любое же соглашение, запрещающее наследодателю распоряжаться его имуществом при жизни по своему усмотрению и в своих интересах, является ничтожным.

В случае, если выгодоприобретатель узнал при жизни наследодателя, что имущество, которое по условиям наследственного договора должно перейти ему после смерти наследодателя, уже не принадлежит последнему (например, продано или подарено), то он вправе обратиться в суд с требованием о расторжении наследственного договора и о возмещении убытков, которые у него возникли в связи с исполнением наследственного договора.

Завершая статью, резюмируем, что для нас остается главным вопросом: нужен ли вообще наследственный договор как институт наследственного права Российской Федерации? В настоящий момент существует слишком много неясных моментов, связанных с наследственным договором. Кроме того, можно предположить, что данное основание наследования не получит широкого распространения среди населения России.

Поступила в редакцию 02.10.2020 г.

Поступила после рецензирования 14.11.2020 г.

Принята к публикации 27.11.2020 г.

Информация об авторе

Демичев Алексей Андреевич – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Нижний Новгород, Российская Федерация.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9779-100X>, e-mail: aadem@bk.ru

Для цитирования

Демичев А.А. Наследственный договор в системе наследственного права Российской Федерации: дискуссионные проблемы // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 16. С. 477-484. DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-477-484

DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-477-484

INHERITANCE CONTRACT IN THE SYSTEM OF INHERITANCE LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION: CONTROVERSIAL ISSUES

A.A. Demichev

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
3 Ankudinovskoe Hwy., Nizhny Novgorod 603950, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9779-100X>, e-mail: aadem@bk.ru

Abstract. Since June 1, 2019, in the Russian Federation, along with inheritance by will and hereditary succession, inheritance by inheritance contract is appeared. We emphasize that the rather long periods that have passed from the public announcement of the idea of the inheritance contract, its discussion in the scientific community and at the legislative level, did not save the rules on the inheritance contract from a number of shortcomings and controversy. In this regard, we analyze a number of controversial issues that have arisen in connection with the emergence of an inheritance contract in the system of inheritance law in Russia. We indicate that the place of the inheritance contract in the system of Russian inheritance law is still uncertain. Among other things, we consider the problem of the relationship between an inheritance contract and a will, an inheritance contract and a contract of lifelong maintenance with a dependent. In particular, we note that the fundamental difference between an inheritance contract and a life maintenance contract with a dependent is that the ownership of the property passes at the time of the conclusion of a life maintenance contract with a dependent, and in an inheritance contract – after the death of the testator. The issue of the parties to inheritance contract is also discussed. Based on the legislation analysis, we identify shortcomings in the legal regulation of relations related to the inheritance contract.

Keywords: inheritance law; inheritance contract; hereditary succession; inheritance by will; contract of life maintenance of a dependent

Received 2 October 2020

Reviewed 14 November 2020

Accepted for press 27 November 2020

Information about the author

Demichev Alexey Andreyevich – Doctor of Jurisprudence, Candidate of History, Professor, Professor of Civil Law and Procedure Department, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation. Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9779-100X>, e-mail: aadem@bk.ru

For citation

Demichev A.A. Nasledstvennyy dogovor v sisteme nasledstvennogo prava Rossiyskoy Federatsii: diskussionnyye problemy [Inheritance contract in the system of inheritance law of the Russian Federation: controversial issues]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2020, vol. 4, no. 16, pp. 477-484. DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-477-484 (In Russian, Abstr. in Engl.)

DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-485-494

УДК 343.3/.7

Шифр научной специальности 12.00.08

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЯТРОГЕННЫЙ ВРЕД НА ФОНЕ ПАНДЕМИИ COVID-19

Н.А. Огнерубов

Российский государственный университет правосудия

117418, Российская Федерация, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4045-1247>, e-mail: ognerubov_n.a@mail.ru

Аннотация. Ятрогенные преступления мало исследованы в отечественной науке, однако вопросу уголовной ответственности медицинских работников за ятрогенный вред посвящено значительное количество зарубежных исследований. Проанализированы работы множества ученых, в том числе из Австралии, Индии и Италии. Зарубежная теория все больше придерживается идеи смягчения уголовной ответственности медицинских работников за врачебные ошибки. Сделан вывод, что общим основанием привлечения врача к уголовной ответственности в зарубежных странах выступает грубое нарушение общепринятых стандартов оказания медицинской помощи. Вместе с тем пандемия COVID-19 играет немаловажную роль в переосмыслении отечественного подхода к пониманию ответственности за ятрогению и необходимости ее дифференциации. В условиях, когда врачи каждый день получают новые инструкции о надлежащей терапии, а поиск способов лечения новой коронавирусной инфекции все еще связан со множеством ошибок, квалификация ятрогенного преступления должна учитывать особые обстоятельства, снижающие общественную опасность содеянного. В заключении сказано о перспективе использования зарубежной практики по смягчению уголовной ответственности за ятрогению как ориентир для становления новых привилегирующих признаков составов преступлений, связанных с причинением ятрогенного вреда в отечественном уголовном законодательстве.

Ключевые слова: ятрогения; ятрогенный вред; уголовная ответственность

Ятрогенный вред возникает в ходе медицинского вмешательства или лечения и вызван конкретными действиями, а не лежащим в его основе заболеванием или травмой.

Зародившись в начале XX века, подход к пониманию ятрогении прошел несколько стадий своего развития. Так, первоначальное значе-

ние ятрогении заключалось лишь в причинении психологического вреда пациенту необдуманным поведением врача.

Сегодня ятрогения – это широкое понятие, объединяющее не только негативное психологическое воздействие на пациента, но и такие негативные практики, как ошибочная ампутация конечности или возникновение наркотической зависимости вследствие назначенных седативных препаратов. В Международной классификации болезней (МКБ-10) ятрогения рассматривается как «любые нежелательные или неблагоприятные последствия профилактических, диагностических и лечебных вмешательств либо процедур, которые приводят к нарушениям функций организма, ограничению привычной деятельности, инвалидизации или смерти; осложнения медицинских мероприятий, развившееся в результате как ошибочных, так и правильных действий врача»¹.

Вместе с тем ятрогения – это довольно молодое явление в отечественной науке, поэтому вопрос об уголовной ответственности за ятрогенный вред не имеет единого ответа ни у отечественных исследователей права, ни у специалистов в сфере медицины. Обстановка неопределенности привела к тому, что в российской судебной практике квалификация ятрогенных действий медицинских работников при оказании помощи считается одной из самых сложных, а сами судебные дела становятся крайне затянутыми.

В западной теории и судебной практике ятрогении зачастую пересекаются с такими категориями, как медицинская халатность и грубая медицинская небрежность.

Так, в Австралии подход к уголовной ответственности за ятрогенное причинение вреда, а именно ятрогенной смерти, претерпевает значительное переосмысление. По мнению Д. Картера, подход к причинению ятрогенной смерти как к непредумышленному убийству по преступной небрежности, возникший из реальной практики, подвергся значительной критике в трудах австралийских ученых за последние годы [1, р. 140]. В работах, посвященных области безопасности пациентов, говорится, что причинение ятрогенной смерти не должно преследоваться в судебном порядке, а уголовное преследование лишь способствует тому ущербу, который намеревается устранить.

Первый аргумент, выдвинутый против уголовного преследования за ятрогенный вред, говорит, что оно снижает прозрачность во врачебной деятельности и препятствует качественному развитию практики

¹ Международная классификация болезней МКБ-10 (Адаптированный вариант в трех частях). Доступ из СПС КонсультантПлюс.

оказания медицинской помощи. Врачи под угрозой уголовного преследования боятся сообщать о допущенных врачебных ошибках, что не дает накапливать опыт о негативных практиках для их дальнейшего изучения и предупреждения еще на стадии подготовки специалистов в области медицины.

Второй аргумент говорит о том, что уголовное преследование за ятрогенный вред является несправедливым. Здравоохранение понимается как сложная, адаптивная и социально-техническая система, как постоянно развивающееся знание о качестве и безопасности, сопряженное с реальными рисками, и «ни один врач не может избежать или предотвратить юридически значимый ятрогенный вред» [1, р. 141].

Поддерживая позицию австралийских ученых, А. Мерри, отмечает, что тот факт, что естественный риск ятрогенного вреда выступает аргументом против карательного юридического ответа на него, не является аргументом в пользу терпимости к медицинским ошибкам [2, р. 267]. Если признать, что многие ошибки являются следствием предрасполагающих факторов в системе здравоохранения, то кажется очевидным, что наказание врачей, которые их совершают, вряд ли предотвратит их повторение. Тот факт, что пациенту нанесен ужасный вред, сам по себе не может быть поводом для того, чтобы наказать кого-то, но это, безусловно, является поводом для того, чтобы предпринять все возможные действия к предупреждению подобных случаев.

По мнению А. Мерри, уголовное преследование практикующих врачей, которые не имеют значительного влияния или полномочий, например, младших врачей за халатность, просто создает почву для повторения тех же ошибок и является бессмысленным [2, р. 270].

В Италии еще с 2012 г. появляются первые правовые основы ограничения уголовной ответственности, возникающей в результате совершения медицинской ошибки. Так, предусмотрена декриминализация небрежности врача при условии, что при осуществлении своей деятельности он следовал руководящим принципам и надлежащей медицинской практике, одобренной научным сообществом. Отмечается, что работники здравоохранения, которые при осуществлении своей деятельности придерживаются руководящих принципов и надлежащей практики, не несут ответственности за преступную халатность, а судья должен учитывать, что врач хоть и причинил вред пациенту, тем не менее, следовал положениям руководящих принципов. Такое нововведение в законодательстве ведет к ограничению «оборонительной» медицинской практики, считают М. Кассини и Г. Риччи, благоприятствуя

хорошим отношениям между врачом и пациентом, безопасности пациента и качественному медицинскому обслуживанию [3, p. 69].

В ОАЭ существует отдельный Закон о медицинской ответственности, который предусматривает наказание медицинского работника только вследствие грубой халатности. Однако определение медицинской халатности в документе не дается – это является прерогативой Комитета ОАЭ по медицинской ответственности. Закон лишь определяет медицинскую ошибку, как «ошибку, совершенную специалистом по следующим причинам: невежество по отношению к проблеме, о которой он должен был знать; несоблюдение профессиональных и медицинских стандартов; неспособность проявлять должную медицинскую осмотрительность; неосмотрительность в разумных и осторожных действиях» [4].

В Индии Верховный суд постановил, что для установления уголовной ответственности врача уровень небрежности должен быть настолько высоким, что его можно назвать грубой небрежностью или безрассудством, а не просто отсутствием необходимого внимания и осторожности. Любой неосторожный поступок медицинского работника нельзя назвать преступным. Преступным он будет только в том случае, если «врач вследствие грубой неосведомленности или грубой халатности проявляет вопиющее отсутствие компетентности или бездействие, а также безразличие к безопасности своих пациентов» [5]. Если смерть пациента наступила лишь в результате ошибки в диагнозе или несчастного случая, то уголовной ответственности за это не должно быть. Непреднамеренность или какое-либо желание обеспечить надлежащий уход и осторожность могут породить гражданскую ответственность, но не уголовную. Было высказано мнение о том, что, если бы не этот подход, риски в медицинской профессии, включающие гражданскую ответственность, необоснованно распространялись бы и на уголовную ответственность, в результате чего пошатнулось бы взаимное доверие между врачом и пациентом [5].

В Великобритании большую роль в вопросах уголовной ответственности врача за ятрогенный вред сыграл прецедент – дело «Р. Против Адомако» 1995 г. палата лордов установила, что для того, чтобы быть осужденным за непредумышленное убийство по грубой небрежности, врач должен был нарушить свой долг по уходу за больным, приведший к смерти, а нарушение стандартов по оказанию медицинской помощи должно быть «настолько грубым, что это оправдывает уголовное преследование» [6].

В случае доктора Адомако он более четырех минут не замечал, что трубка, подающая пациенту кислород, отключилась, а один из экспертов обвинения охарактеризовал такое нарушение как «ужасное» и сказал, что любой компетентный анестезиолог должен был распознать полное отсоединение трубки в течение 15 секунд [6].

В США подход к вопросу об уголовной ответственности за ятрогенный вред схож с британским. Однако предполагается, что уголовное преследование медицинской халатности недопустимо, но грубое отклонение врача от стандартов оказания медицинской помощи должно быть уголовно наказуемо. Главным вызовом здесь выступает вопрос разграничения этих понятий – халатности и грубого пренебрежения стандартами [7].

Кроме того, на фоне пандемии COVID-19 в западной теории продолжает развиваться идея значительного смягчения ответственности за ятрогенный вред.

В исследовании Р. Бхатии и Т. Синдхуи отмечается, что меры по профилактике коронавирусной инфекции COVID-19 могут привести к ятрогенному вреду. Так, длительное ношение маски и перчаток может привести к крапивнице, дерматиту, ссадинам и обострению ранее существовавших дерматозов. Однако на фоне пандемии такой вред считается оправданным, вызванным применением «надлежащей практики» и не должен порождать никакой ответственности [8].

Поэтому значительное внимание уделяется вопросам использования непроверенных практик при лечении коронавирусной инфекции. В первые недели вспышки инфекции в западном мире врачи не всегда придерживались устоявшихся надлежащих практик и использовали непроверенные методы лечения. Риск применения непроверенной терапии являлся неопределенным, поэтому врачи были вынуждены действовать на балансе между вредом и пользой.

Без применения непроверенной терапии можно было бы избежать таких неблагоприятных последствий, как пневмония, связанная с искусственной вентиляцией легких, гемодинамические нарушения, а также побочные эффекты седации и иммобилизации [9]. Однако в ситуации глобальной пандемии, когда врачи каждый день получают новые инструкции о надлежащей терапии, нельзя говорить о какой-либо ответственности. Сам поиск способов лечения новой коронавирусной инфекции все еще связан со множеством неизбежных ошибок, но уголовное преследование врачей лишь еще более подорвет национальные системы здравоохранения.

Отличительной чертой уголовного преследования за ятрогенный вред в зарубежных странах выступает то, что однозначным основанием для такого преследования является грубая небрежность (*negligence*), включающая пренебрежение стандартами оказания медицинской помощи. Медицинская халатность (*malpractice*) не рассматривается как уголовная категория, выступая лишь как основание гражданской ответственности.

Подобный подход объясняется тем, что грубая небрежность представляется как нарушение общепринятых стандартов обслуживания медицинским работником, причинившее вред пациенту, а медицинская халатность объясняется как предотвратимая и непреднамеренная ошибка.

Мы не можем обойти стороной и не упомянуть доктринально утвердившееся мнение в российском юридическом сообществе, говорящее о факте отсутствия на сегодняшний день однозначного и точного ответа на вопрос о месте законодательства о здравоохранении в системе права, а также его обособленности, что, безусловно, порождает ряд препятствий для построения эффективного правового регулирования этой сферы общественных отношений [10, с. 441].

Вместе с тем категория ятрогенных преступлений до сих пор не нашла четкого отражения в отечественном уголовном праве, а подход к ответственности медицинских работников за ятрогенное причинение вреда не претерпевает изменений, свойственных зарубежной практике.

Однако отечественные работы, посвященные теме уголовной ответственности медицинских работников, все чаще затрагивают вопрос объективного подхода к квалификации ятрогенного деяния.

Так, Н.Б. Хлыстова говорит, что «следственно-судебная практика свидетельствует о том, что уголовная ответственность в процессе оказания медицинской помощи не наступает в случаях, если медицинским работником адекватно и в полной мере выполнены все действия, однако, наступил неблагоприятный исход при лечении» [11, с. 107].

Кроме того, К.И. Богомолова и К.И. Хамзатович справедливо отмечают, что «правоохранительным органам необходимо максимально исключать вероятность необоснованных обвинений при неблагоприятном исходе лечения, если профессиональные обязанности медицинского работника были добросовестно и грамотно выполнены в полном объеме, а сотрудники правоохранительных органов должны справедливо реагировать как на нарушения прав пациента, так и обоснованно в соответствии с законом обеспечивать защиту медицинских работников» [12, с. 183].

На наш взгляд, сегодня существует острая необходимость в четком понимании, как квалифицировать общественно опасные последствия, к которым привел ятрогенный вред. Очевидно, что в условиях пандемии и режима повышенной готовности вероятность причинения ятрогенного вреда значительно возрастает. Логичным также видится необходимость учитывать не только возросшую степень профессионального риска, но и степень накопленных знаний, а также соблюдение надлежащей практики в области профилактики и лечения конкретного заболевания, такого как COVID-19, при квалификации ятрогенного деяния.

Это позволит дифференцировать подход к уголовной ответственности врачей, и в перспективе предполагает включение дополнительного привилегированного состава, сопряженного с вышеперечисленными признаками, в уголовное законодательство.

Таким образом, уголовное преследование за ятрогенное причинение вреда в западной практике следует в исключительных случаях, когда имеет место грубое и безрассудное отступление от стандартов оказания медицинской помощи.

Отечественный подход к пониманию уголовной ответственности за ятрогенный вред напротив, предусматривает куда более широкий перечень оснований. Причинение тяжкого ятрогенного вреда или ятрогенной смерти вследствие ошибки прямо предполагает уголовную ответственность медицинского работника, однако, при условиях, значительно снижающих общественную опасность содеянного, должно подвергаться особой квалификации.

Так, в ситуации глобальной пандемии нельзя однозначно говорить о степени общественной опасности вследствие причиненного ятрогенного вреда. Поэтому предлагаем использовать обширную зарубежную практику смягчения уголовной ответственности врачей для выделения четких привилегирующих признаков составов преступлений, связанных с причинением ятрогенного вреда.

Список литературы

1. *Carter D.J.* Responsibility for iatrogenic death in Australian criminal law // *Journal & Proceedings of the Royal Society of New South Wales*. 2019. Vol. 152. Part 1. P. 140-142.
2. *Merry A.F.* How does the law recognize and deal with medical errors? // *J. R. Soc. Med.* 2009. Vol. 102 (7). P. 265-271.
3. *Casini M., Ricci G.* Proposal for limited criminal liability in high-accuracy endoscopic sinus surgery // *Acta Otorhinolaryngologica Italica: Organo Ufficiale Della Societa Italiana di Otorinolaringologia e Chirurgia Cervico-facciale*. 2017. Vol. 37 (1). P. 65-71.

4. *Elhais H.* What Are the Criminal Liabilities in Medical Negligence? URL: <https://www.mondaq.com/crime/821158/what-are-the-criminal-liabilities-in-medical-negligence> (accessed: 07.10.2020).
5. *Hariharan Nair M.R.* Criminal liability for medical negligence: a drastic change? URL: <https://ijme.in/articles/criminal-liability-for-medical-negligence-a-drastic-change/?galley=html> (accessed: 07.10.2020).
6. *Morse R.* When Will A Doctor's Negligent Acts Or Omissions Attract Criminal Liability? URL: <https://www.mondaq.com/uk/healthcare/189340/when-will-a-doctors-negligent-acts-or-omissions-attract-criminal-liability> (accessed: 07.10.2020).
7. *Fuchsberg A.* When Do Doctor Errors Become Criminal Medical Negligence? URL: <https://www.fuchsberg.com/blog/medical-errors-become-criminal-negligence/> (accessed: 07.10.2020).
8. *Bhatia R., Sindhuja T.* Iatrogenic dermatitis in times of COVID-19: a pandemic within a pandemic. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32495393/> (accessed: 07.10.2020).
9. *Camporesi A.* Protecting children from iatrogenic harm during COVID-19 pandemic URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32568444/> (accessed: 08.10.2020).
10. *Огнерубов Н.А., Зеленукин Р.В.* Административно-правовое регулирование в сфере здравоохранения: перспективы в условиях цифровизации государственного управления и экономики // Тамбовские правовые чтения им. Ф.Н. Плевако: материалы 4 Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. / отв. ред. В.Ю. Стромов. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2020. С. 440-444.
11. *Хлыстова Н.Б.* Система уголовно-правовых санкций за преступления, совершаемые медицинскими работниками в процессе осуществления профессиональной деятельности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2020. № 5 (69). С. 104-111.
12. *Богомолова К.И., Хамзатович К.И.* К вопросу о совершенствовании деятельности правоохранительных органов по выявлению и предупреждению ятрогенных преступлений // Вестник СГЮА. 2020. № 1 (132). С. 178-184.

Поступила в редакцию 26.10.2020 г.

Поступила после рецензирования 17.11.2020 г.

Принята к публикации 27.11.2020 г.

Информация об авторе

Огнерубов Николай Алексеевич – доктор медицинских наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права. Российский государственный университет правосудия, Центральный филиал, г. Воронеж, Российская Федерация.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4045-1247>, e-mail: ognerubov_n.a@mail.ru

Для цитирования

Огнерубов Н.А. К вопросу об уголовной ответственности за ятрогенный вред на фоне пандемии COVID-19 // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 16. С. 485-494. DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-485-494

DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-485-494

ON THE ISSUE OF CRIMINAL LIABILITY FOR IATROGENIC HARM AMID THE COVID-19 PANDEMIC

N.A. Ognerubov

Russian State University of Justice

69 Novocheremushkinskaya St., Moscow 117418, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4045-1247>, e-mail: ognerubov_n.a@mail.ru

Abstract. Iatrogenic crimes have been underinvestigated in domestic science, however, a significant number of foreign studies are devoted to the issue of criminal liability of medical workers for iatrogenic harm. We analyze the work of many scientists, including those from Australia, India and Italy. Foreign theory is increasingly adhering to the idea of mitigating the criminal liability of medical workers for medical errors. We conclude that the general basis for bringing a doctor to criminal responsibility in foreign countries is a gross violation of generally accepted medical care standards. At the same time, the COVID-19 pandemic plays an important role in rethinking the domestic approach to understanding the responsibility for iatrogenesis and the need for its differentiation. In an environment where doctors every day receive new instructions on appropriate therapy, and the search for ways to treat a new coronavirus infection is still associated with many errors, the qualification of an iatrogenic crime must take into account the special circumstances that reduce the social danger of the crime. In conclusion, we talk about the prospect of using foreign practice to mitigate criminal liability for iatrogenesis as a guideline for the formation of new privileged features of the offenses associated with causing iatrogenic harm in domestic criminal law.

Keywords: iatrogenesis; iatrogenic harm; criminal liability

References

1. Carter D.J. Responsibility for iatrogenic death in Australian criminal law. *Journal & Proceedings of the Royal Society of New South Wales*, 2019, vol. 152, pt 1, pp. 140-142.
2. Merry A.F. How does the law recognize and deal with medical errors? *J. R. Soc. Med.*, 2009, vol. 102 (7), pp. 265-271.
3. Casini M., Ricci G. Proposal for limited criminal liability in high-accuracy endoscopic sinus surgery. *Acta Otorhinolaryngologica Italica: Organo Ufficiale Della Societa Italiana di Otorinolaringologia e Chirurgia Cervico-facciale*, 2017, vol. 37 (1), pp. 65-71.
4. Elhais H. *What Are the Criminal Liabilities in Medical Negligence?* Available at: <https://www.mondaq.com/crime/821158/what-are-the-criminal-liabilities-in-medical-negligence> (accessed 07.10.2020).
5. Hariharan Nair M.R. *Criminal liability for medical negligence: a drastic change?* Available at: <https://ijme.in/articles/criminal-liability-for-medical-negligence-a-drastic-change/?galley=html> (accessed 07.10.2020).

6. Morse R. *When Will A Doctor's Negligent Acts Or Omissions Attract Criminal Liability?* Available at: <https://www.mondaq.com/uk/healthcare/189340/when-will-a-doctors-negligent-acts-or-omissions-attract-criminal-liability> (accessed 07.10.2020).
7. Fuchsberg A. *When Do Doctor Errors Become Criminal Medical Negligence?* Available at: <https://www.fuchsberg.com/blog/medical-errors-become-criminal-negligence/> (accessed 07.10.2020).
8. Bhatia R., Sindhuja T. *Iatrogenic dermatitis in times of COVID-19: a pandemic within a pandemic.* Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32495393/> (accessed 07.10.2020).
9. Camporesi A. *Protecting children from iatrogenic harm during COVID-19 pandemic.* Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32568444/> (accessed 08.10.2020).
10. Ognerubov N.A., Zelepukin R.V. Administrativno-pravovoye regulirovaniye v sfere zdravookhraneniya: perspektivy v usloviyakh tsifrovizatsii gosudarstvennogo upravleniya i ekonomiki [Administrative and legal regulation in the healthcare sector: prospects in the context of digitalization of public administration and economy]. *Materialy 4 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Tambovskiy pravovyye chteniya im. F.N. Plevako»: v 2 t.* [Proceedings of the 4rd International Research and Practice Conference “Tambov Legal Readings named after F.N. Plevako”: in 2 vols.]. Tambov, Publishing House “Derzhavinsky”, 2020, pp. 440-444. (In Russian).
11. Khlystova N.B. Sistema ugovovno-pravovykh sanktsiy za prestupleniya, sovershayemye meditsinskimi rabotnikami v protsesse osushchestvleniya professional'noy deyatelnosti [System of criminal legal sanctions for crimes committed by medical workers in the process of implementation of professional activity]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina – Courier of the Kutafin Moscow State Law University*, 2020, no. 5 (69), pp. 104-111. (In Russian).
12. Bogomolova K.I., Khamzatovich K.I. K voprosu o sovershenstvovanii deyatelnosti pravookhranitel'nykh organov po vyyavleniyu i preduprezhdeniyu yatrogennykh prestupleniy [On the issue of improving the activities of law enforcement agencies to detect and prevent iatrogenic crimes]. *Vestnik SGYuA – Bulletin of Saratov State Law Academy*, 2020, no. 1 (132), pp. 178-184. (In Russian).

Received 26 October 2020

Reviewed 17 November 2020

Accepted for press 27 November 2020

Information about the author

Ognerubov Nikolai Alekseyevich – Doctor of Medicine, Candidate of Jurisprudence, Professor, Professor of Criminal Procedure Law Department. Russian State University of Justice, Central Branch, Voronezh, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4045-1247>, e-mail: ognerubov_n.a@mail.ru

For citation

Ognerubov N.A. K voprosu ob ugovovnoy otvetstvennosti za yatrogennyy vred na fone pandemii COVID-19 [On the issue of criminal liability for iatrogenic harm amid the COVID-19 pandemic]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2020, vol. 4, no. 16, pp. 485-494. DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-485-494 (In Russian, Abstr. in Engl.)

DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-495-502

УДК 346.5

Шифр научной специальности 12.00.03

**БАЛАНС ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ
В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В ПЕРИОД ПРИНЯТИЯ МЕР ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ
САНИТАРНО-ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОГО
БЛАГОПОЛУЧИЯ НАСЕЛЕНИЯ**

А.П. Бибаров-Государев^{1,2}

¹Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

²Тамбовское региональное отделение Общероссийской общественной
организации «Ассоциация юристов России»

392008, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Советская, 1816

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1504-0203>, e-mail: bibarov@yandex.ru

Аннотация. Посвящено вопросу определения баланса интересов предпринимательского сообщества, общества и государства. Проведен достаточно подробный анализ причин введенных ограничений, вызванных распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19. Проработаны понятия «публичный интерес» и «частных интересов», исследованы пределы ограничений, которые вправе вводить государство в части регулирования предпринимательской деятельности. Обоснован вывод, что задачи государственного регулирования предпринимательства свидетельствует о том, что государственное регулирование необходимо не только государству, но и самим предпринимателям. И введение ограничений, несмотря на всю их болезненность, было выгодно на долгую перспективу для предпринимателей. Также акцентировано внимание на том, что не всегда эти ограничения соразмерны и адекватны сложившимся условиям. В ходе проведенного исследования сделан вывод, что ограничения должны быть продуманными, понятными и обоснованными, при этом государство должно задуматься о встречных мерах поддержки, так как фактически в сложившейся ситуации предпринимательское сообщество разделило с государством все риски и тяжесть последствий от осложнения санитарно-эпидемиологической ситуации в стране.

Ключевые слова: коронавирусная инфекция; частный интерес; публичный интерес; баланс интересов

В 2020 г. предпринимательскому сообществу, пожалуй, впервые в истории новейшей России пришлось испытать беспрецедентные огра-

ничения в своей деятельности, инициированные государством. Реализация многих принципов предпринимательской деятельности (экономическая свобода и самостоятельность, юридическое равенство различных форм собственности, свобода конкуренции) фактически была свернута на долгие месяцы, а с некоторыми несвойственными ограничениями бизнес сталкивается и до сих пор. Причина таких ограничений известна, как, впрочем, и причина фактического свертывания важнейших конституционных принципов – это значительное ухудшение санитарно-эпидемиологического состояния в стране, вызванное распространением нового типа коронавирусной инфекции, названной учеными COVID-19.

По мнению санитарно-эпидемиологических служб здоровье и жизнь россиян были подвергнуты серьезному риску и опасности, что потребовало от государственных органов конкретных решений. Часть таких решений коснулась фактически деятельности предпринимателей – многие были вынуждены приостановить свою работу, при этом государство обязало предпринимательское сообщество нести и дальше бремя содержания своих работников. Мы не будем касаться вопроса этических и прочих посылов такого решения – это не соотносится с правом, а скорее ближе к политике, но постараемся исследовать правовую основу такого решения и определить не только баланс частных и публичных интересов, но и предложить инструменты восстановления экономической активности предпринимателей.

За время с марта по июнь 2020 г. было принято достаточно много различных нормативных правовых актов, которые предусматривали характер ограничений предпринимательской деятельности. Часть нормативных оснований была принята гораздо раньше и в целом относится к общей ситуации подобного характера. Было бы вполне предсказуемым написать о мерах чрезвычайного характера для столь непростого чрезвычайного положения, но государство для нивелирования всех последствий такого положения пошло на весьма необычные меры – при введении режима повышенной готовности начали вводить достаточно серьезные, не свойственные для него меры.

Режим повышенной готовности предусмотрен в статье 4.1 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» и вводится при угрозе возникновения чрезвычайной ситуации. В Тамбовской области этот режим был введен постановлением администрации Тамбовской области от 17 марта 2020 г. № 193 «О вве-

дении режима повышенной готовности в целях недопущения распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)», которое получил свое развитие в постановлении администрации области от 26 марта 2020 г. № 233 «О дополнительных мерах по снижению рисков распространения новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) на территории Тамбовской области», установившим большинство ограничений для деятельности предпринимателей.

Еще одним важным компонентом нормативного правового обоснования ограничений стала серия президентских указов, первым среди которых был Указ Президента Российской Федерации от 25 марта 2020 г. № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней», предусмотревший обязанность предпринимателей нести бремя содержания своих работников даже в ситуации, когда такие работники не приносят ему никакой прибыли.

Могло ли государство столь кардинально повлиять на работу столь важного для него и для общества предпринимательского сектора? Ответ на вопрос о соблюдении баланса кроется в следующих утверждениях. Публичные интересы – это интересы общества и государства, частные интересы – это интересы конкретных физических и юридических лиц, их групп. Однако, по мнению Л.В. Андреевой, нельзя ставить знак равенства между государственным и публичным интересом, «следует различать деятельность государства как выразителя публичного интереса и деятельность государства как собственника своего имущества» [1]. Это утверждение важно для нас, так как в сложившейся ситуации можно предположить, что государство становится выразителем публичного интереса, когда в своей деятельности выражает и соблюдает интересы своих граждан (общественные интересы), и признанный государством общественный интерес реализуется в нормах права. А вот как разграничить эти пределы, когда, возможно, государство попросту сняло с себя часть обязательств, прикрываясь этими благими мотивами. Пределы защиты общественного интереса формулируются в первую очередь в нормах публичного права в зависимости от различных факторов развития экономики и общества в целом.

Частный интерес опосредствуется частным правом. Понятия «частный интерес» и «частное право» также неразрывно связаны и с понятием «частная собственность». Используя справедливое высказывание Е.А. Суханова о том, что «в нормальном (не политэкономическом) понимании частная собственность обозначает лишь противоположность государственной («публичной») собственности, то есть принадлеж-

ность имущества конкретным физическим или юридическим (частным) лицам» [2], можно сделать вывод, что частные интересы обозначают противоположность публичным интересам. И в подтверждение общего смысла сказанного можно также привести высказывание цивилиста-классика И.А. Покровского о том, что «если публичное право есть система юридической централизации отношений, то гражданское право, наоборот, – система юридической децентрализации. Если публичное право есть область власти и подчинения, то гражданское право – область свободы и частной инициативы» [3, с. 40]. Что произошло в ситуации с распространением новой коронавирусной инфекции в России? Очевидна потребность в защите общественных интересов через вводимые для предпринимателей ограничения, но здесь возникает вопрос: «Может, государство могло с учетом специфики заболевания справиться и без таких ограничений?» Смертность от новой коронавирусной инфекции, по данным Роспотребнадзора, не превышает 1 %¹, система социального и медицинского страхования работает не первый год, из средств налогоплательщиков, в том числе предпринимателей, ежегодно выделяются миллиарды рублей для содержания системы здравоохранения.

При таких аргументах предпринимательское сообщество было крайне раздражено введенными ограничениями, которые помимо всего прочего сопровождалась достаточно серьезной информационной кампанией «Лучше дома», которые уже к моменту введения ограничений негативно сказались на спросе со стороны потребителей. Но, с другой стороны, характер эпидемии был и остается крайне непредсказуемым, что во многом и предопределило поведение органов власти при принятии столь серьезных решений. В обоснование данной позиции и имеющегося у государства права на подобные ограничения следует напомнить, что государственное регулирование предпринимательства необходимо как в целях обеспечения реализации публичных интересов общества и государства, так и для создания наилучших условий для развития предпринимательства. Предпринимательская деятельность Российского государства осуществляется в соответствии с принципами, закрепленными Конституцией Российской Федерации и статьей 1 Гражданского кодекса Российской Федерации. Среди основных задач

¹ Роспотребнадзор объяснил низкую смертность от COVID-19 в РФ ранней диагностикой. URL: <https://стопкоронавирус.пф/news/20200505-1200.html> (дата обращения: 29.05.2020).

государственного регулирования предпринимательства можно выделить следующие группы:

- охрана окружающей среды;
- выравнивание экономического цикла;
- обеспечение нормального уровня занятости населения;
- защита жизни и здоровья граждан;
- поддержка конкуренции на рынке;
- поддержка и развитие малого предпринимательства;
- специальные меры защиты прав предпринимателей и др.

Представленный перечень задач государственного регулирования предпринимательства свидетельствует о том, что государственное регулирование необходимо не только государству, но и самим предпринимателям. И введенные ограничения, несмотря на всю их болезненность, были выгодны для предпринимателей. Другое дело, что не всегда эти ограничения соразмерны и адекватны сложившимся условиям.

Достаточно много критики вызывает решение о приостановлении деятельности предпринимателей, чья деятельность организована в торговых центрах. С открытием рынков, с учетом сохранения работы крупных сетевых гипермаркетов, вопрос о целесообразности таких ограничений вполне логичен, а само ограничение не поддается в этом случае разумному объяснению. В подобных случаях нарушается баланс интересов, причем уже внутри самого предпринимательского общества, так как конкурентные преимущества появились не там, где они должны быть.

Видится справедливым пересмотреть это ограничение, а также ряд других ограничений и инструментов, сопровождающих их, как, например, мер поддержки от государства, которые не смогли получить многие субъекты предпринимательской деятельности по достаточно противоречивым мотивам. Среди прочих отсутствие нужного кода вида экономической деятельности и истечение срочных трудовых договоров, которые никак не зависели от эпидемиологической ситуации. Последнее интерпретируется органами власти как пресловутое сокращение штата на 10 и более процентов, что автоматически лишало многих предпринимателей получить меры поддержки.

В качестве вывода хотелось бы отметить, что интересы каждого из субъектов занимают свое определенное место в общей системе интересов. Граница между сферами частного и публичного интереса подвижна и устанавливается законодателем. Установление границ государственного регулирования экономики составляет проблему сочетания

(обеспечения) баланса публичных и частных интересов в экономической сфере. Следует признать, что закрепленный в Конституции Российской Федерации принцип свободы предпринимательства может быть ограничен законом в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, безопасности, защиты жизни, здоровья, прав, интересов и свобод других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, защиты окружающей среды, охраны культурных ценностей, недопущения злоупотребления доминирующим положением на рынке и недобросовестной конкуренции. К числу таких ограничений относятся различные меры государственного регулирования предпринимательской деятельности. Но при этом такие ограничения должны быть продуманными, понятными и обоснованными, при этом государство должно задуматься о встречных мерах поддержки, так как фактически в сложившейся ситуации предпринимательское сообщество разделило с государством все риски и тяжесть последствий от ослабления санитарно-эпидемиологической ситуации в стране.

Список литературы

1. *Андреева Л.В.* Государственные нужды: гражданско-правовое и бюджетное регулирование // Научные труды. Российская академия юридических наук. М.: Юрист, 2001. Т. 1. С. 40-43.
2. *Суханов Е.А.* Современное развитие частного права в России // Научные труды. Российская академия юридических наук. М.: Юрист, 2001. Т. 1. С. 2-7.
3. *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. 488 с.

Поступила в редакцию 06.10.2020 г.

Поступила после рецензирования 19.11.2020 г.

Принята к публикации 27.11.2020 г.

Информация об авторе

Бибаров-Государев Антон Петрович – доцент кафедры гражданского права Института права и национальной безопасности. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация; исполнительный директор – руководитель аппарата. Тамбовское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», г. Тамбов, Российская Федерация.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1504-0203>, e-mail: bibarov@yandex.ru

Для цитирования

Бибаров-Государев А.П. Баланс частных и публичных интересов в сфере предпринимательской деятельности в период принятия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 16. С. 495-502. DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-495-502

DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-495-502

BALANCE OF PRIVATE AND PUBLIC INTERESTS IN THE FIELD OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY DURING THE PERIOD OF TAKING MEASURES TO ENSURE THE SANITARY AND EPIDEMIOLOGICAL WELFARE OF THE POPULATION

A.P. Bibarov-Gosudarev^{1,2}

¹Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

²Tambov Regional Branch of the All-Russian Public Organization
“Association of Russian Lawyers”

181b Sovetskaya St., Tambov 392008, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1504-0203>, e-mail: bibarov@yandex.ru

Abstract. The work is devoted to the issue of determining the balance of interests of the entrepreneurial community, society and state. We conduct a fairly detailed analysis of the reasons for the restrictions imposed due to the spread of new coronavirus infection COVID-19. We work on the concepts of “public interest” and “private interest”, we investigate the limits of restrictions that the state has the right to impose in terms of entrepreneurial activity regulation. We substantiate the conclusions that the tasks of entrepreneurship’s state regulation indicate that state regulation is necessary not only for the state, but also for entrepreneurs themselves. And the introduction of restrictions, despite all their painfulness, was beneficial in the long term for entrepreneurs. We also emphasize that these restrictions are not always proportionate and adequate to the current conditions. In the course of the study, we conclude that the restrictions should be thoughtful, understandable and justified, while the state should think about counter measures of support, since in fact, in the current situation, the entrepreneurial community shared with the state all the risks and severity of consequences from the complication of the sanitary and epidemiological situation in the country.

Keywords: coronaviral infection; private interest; public interest; balance of interests

References

1. Andreyeva L.V. Gosudarstvennyye nuzhdy: grazhdansko-pravovoye i byudzhethnoye regulirovaniye [State needs: civil and budgetary regulation]. *Nauchnyye trudy. Rossiyskaya akademiya yuridicheskikh nauk* [Scientific Works. Russian Academy of Legal Sciences]. Moscow, Law Publ., 2001, vol. 1, pp. 40-43. (In Russian).
2. Sukhanov E.A. Sovremennoye razvitiye chastnogo prava v Rossii [Modern Development of Private Law in Russia]. *Nauchnyye trudy. Rossiyskaya akademiya yuridicheskikh nauk* [Scientific Works. Russian Academy of Legal Sciences]. Moscow, Law Publ., 2001, vol. 1, pp. 2-7. (In Russian).

3. Pokrovskiy I.A. *Osnovnyye problemy grazhdanskogo prava* [The Main Problems of Civil Law]. Moscow, Statut Publ., 1998, 488 p. (In Russian).

Received 6 October 2020

Reviewed 19 November 2020

Accepted for press 27 November 2020

Information about the author

Bibarov-Gosudarev Anton Petrovich – Associate Professor of Civil Law Department of Law and National Security Institute. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation; Executive Director – Chief of Staff. Tambov Regional Branch of the All-Russian Public Organization “Association of Russian Lawyers”, Tambov, Russian Federation.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1504-0203>, e-mail: bibarov@yandex.ru

For citation

Bibarov-Gosudarev A.P. Balans chastnykh i publichnykh interesov v sfere predprinimatel'skoy deyatelnosti v period prinyatiya mer po obespecheniyu sanitarno-epidemiologicheskogo blagopoluchiya naseleniya [Balance of private and public interests in the field of entrepreneurial activity during the period of taking measures to ensure the sanitary and epidemiological welfare of the population]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2020, vol. 4, no. 16, pp. 495-502. DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-495-502 (In Russian, Abstr. in Engl.)

© Рыженков Н.Н., 2020

DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-503-514

УДК 343.791

Шифр научной специальности 12.00.08

О СООТВЕТСТВИИ ПРЕДПИСАНИЙ СТАТЬИ 185.4 УК РФ ЗАКОНОМЕРНОСТЯМ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Н.Н. Рыженков

Воронежский государственный университет

394018, Российская Федерация, г. Воронеж, пл. Ленина, 10а

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6507-679X>, e-mail: n.n.ryzhenkov@inbox.ru

Аннотация. Рейдерство, наряду с коррупцией, долгое время являлось для отечественного бизнеса одной из наиболее остро стоящих проблем. По непонятным мотивам, в отличие от преступлений коррупционной направленности, получившим должное внимание законодателя и ученых-юристов, преступления, совершаемые на фондовом рынке, после их опрометчивого внедрения, были лишены внимания на протяжении почти десятилетия. При этом наиболее опасные способы рейдерских захватов в настоящее время вообще не подпадают под уголовно-правовые запреты, а существующие запреты, в свою очередь, имеют настолько низкий правовой потенциал, что оставление названной проблемы без внимания вызывает серьезные опасения. Рассмотрены вопросы конструирования и применения статьи 185.4 УК РФ – Воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение прав владельцев ценных бумаг, призванной стать «флагманом» антирейдерского законодательства. Посредством системного анализа предписаний уголовного закона и немногочисленной судебной практики выявлено низкое качество уголовно-правовых запретов, включенных в статью 185.4 УК РФ, установлена и обоснована невозможность причинения ущерба в требуемом размере, доказано отсутствие практической необходимости в соответствующей норме, сформулировано предложение по ее исключению из текста уголовного закона в полном объеме.

Ключевые слова: фондовый рынок; охрана прав владельцев ценных бумаг; антирейдерские меры

Главные участники фондового рынка – собственники ценных бумаг. Именно им принадлежат правомочия по владению, пользованию и распоряжению ценными бумагами. Без качественной правовой защиты этих основных правомочий собственников, а также других – специальных, касающихся возможности владельцев ценных бумаг участвовать в

управлении организацией, невозможно достичь вовлечения в бизнес инвесторов.

Ответственность за воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение прав владельцев ценных бумаг установлена статьей 185.4 УК РФ. Данная статья, наряду со статьями 170.1, 185.5 УК РФ, по замыслу законодателя должны были сформировать так называемое «антирейдерское (*ре́йдерство*, от англ. *raid* – «набег» – *недружественное поглощение предприятия против воли его собственников и/или его руководителя*. В России и Украине считают это силовым действием (<https://ru.wikipedia.org/>). В США под «рейдером» понимают атакующую сторону в процессах слияний и поглощений. В отличие от России, криминального оттенка в этом понятии обычно нет) уголовное законодательство». Отмечалось, что на рынке ценных бумаг в основном существуют только меры гражданско-правовой и административной ответственности, которых явно недостаточно для пресечения правонарушений на российском финансовом рынке, поскольку в результате этих правонарушений причиняется крупный вред или возникают негативные последствия для значительного числа инвесторов и финансового рынка в целом. При этом автор законопроекта в лице Правительства Российской Федерации говорил о недостаточности административно-правового воздействия для пресечения противоправных деяний на рынке ценных бумаг. Особый акцент делался на то, что которые ранее привлекавшиеся к административной ответственности за совершение обозначенных правонарушений лица не прекращают нарушение предписаний закона, делая негативные последствия своих нарушений лишь более ощутимыми для инвесторов.

Таким образом, напрашивается вывод о том, что законодатель, вводя в УК РФ соответствующие нормы, видел перед собой однозначную цель: превенцию правонарушений на фондовом рынке, сопряженных с большим, нежели это охватывается КоАП РФ, вредом. С известной долей иронии можно сказать, что данная цель была достигнута, о чем красноречиво свидетельствует отсутствие судебной практики по данной статье. Поясним: первый и единственный до настоящего времени приговор был вынесен только в 2011 г.¹ (далее представлен подробный анализ указанного приговора), несмотря на то, что статья была введена двумя годами ранее.

¹ Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2011 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.09.2020).

Несмотря на достаточно широкое описание диспозиции статьи, ее содержание представляется существенно более узким: охватывающим исключительно права владельцев эмиссионных ценных бумаг (круг которых фактически можно сузить до акций) и паев паевых инвестиционных фондов. Объективная сторона нормы, содержащейся в данной статье, выражена четырьмя альтернативно возможными формами деяния, потенциальных последствий и причинно-следственной связи между ними, посредством исследования которых можно проиллюстрировать общие закономерности функционирования данной нормы.

Первая из форм преступного деяния – незаконный отказ в созыве или уклонение от созыва общего собрания владельцев ценных бумаг, распространяется на паевые инвестиционные фонды и акционерные общества.

Перечисление вопросов, по которым проводится общее собрание владельцев инвестиционных паев, или общее собрание акционеров имеет первоочередное значение для уяснения причинно-следственной связи между его непроведением и наступлением общественно опасных последствий.

Так, общее собрание владельцев инвестиционных паев проводится по следующим вопросам:

- 1) утверждение изменений и дополнений, которые вносят правила доверительного управления закрытым паевым инвестиционным фондом, связанные с определенными обстоятельствами;
- 2) передачи прав и обязанностей по договору доверительного управления закрытым паевым инвестиционным фондом другой управляющей компании;
- 3) досрочного прекращения или продления срока действия договора доверительного управления этим фондом.

Что касается акционерных обществ, то их высшим коллегиальным органом управления является общее собрание акционеров, которое, по общему правилу, собирается ежегодно. В силу статьи 55 закона «Об акционерных обществах» внеочередное общее собрание акционеров проводится по решению совета директоров (наблюдательного совета) общества на основании его собственной инициативы, требования ревизионной комиссии (ревизора) общества, аудитора общества, а также акционеров (акционера), являющихся владельцами не менее чем 10 % голосующих акций общества на дату предъявления требования. К компетенции общего собрания акционеров относятся вопросы об избрании совета директоров (наблюдательного совета) общества, ревизора (ре-

визионной комиссии), утверждение аудитора, согласие на совершение крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность – при определенных условиях, и т. д.

Если соотнести приведенные положения с изложенными законодателем в диспозиции статьи 185.4 УК РФ криминообразующими признаками, станет очевидна потенциальная неспособность перечисленных действий повлечь указанные законодателем последствия: как, например, непроведение общего собрания владельцев паев паевого инвестиционного фонда по вопросу передачи управления фондом другой управляющей компании может нанести крупный ущерб гражданину, организации или государству? Следует ли считать причинением ущерба или получением дохода экономии средств от передачи прав управления фондом другой управляющей компании? Заметим, что достичь экономии в полтора миллиона рублей при смене управляющей компании в принципе маловероятно, но, тем не менее, считаем, что подобные действия не должны образовывать состава преступления, поскольку провозглашают преступной реализацию правомочий, сосредоточенных в нормах предпринимательского права.

Второй альтернативно названной формой преступного деяния является незаконный отказ регистрировать для участия в общем собрании владельцев ценных бумаг лиц, имеющих право на участие в общем собрании.

Преступное деяние данной формы по отношению к акционерам и владельцам инвестиционных паев заключается в бездействии, то есть в нерегистрации лица для участия в общем собрании, который обладает таковым, а также включен в список. Но само по себе бездействие еще не образует оконченого преступления. Данное бездействие является преступлением, если гражданину, организации или государству нанесен крупный ущерб.

В действительности, между данным нарушением и описанными законодателем последствиями происходит еще несколько фактов, выпавших из сферы уголовно-правового регулирования: во-первых, принятие (в силу несоблюдения процедуры) неправомерного решения по конкретному вопросу повестки дня, затем – реализация этого решения, и только после этого можно переходить к рассмотрению вопроса о причинении вреда или извлечении дохода.

Думается, что действующая уголовная политика формирует агрессивный, по отношению к бизнесу, правопорядок, снижая привлекательность инвестиционной деятельности в стране в целом [1, с. 101].

Он (правопорядок) не учитывает реалий рыночной экономики, не воспринимает мотивов поведения субъектов предпринимательской деятельности, не учитывает ее рискованного характера. Исходя из этого, полагаем, что данную форму объективной стороны необходимо вывести из уголовно-правового регулирования и в полном объеме оставить в сфере частного, корпоративного права.

Третья форма деяния – проведение общего собрания владельцев ценных бумаг при отсутствии необходимого кворума. В отношении общего собрания владельцев инвестиционных паев паевого инвестиционного фонда кворум не установлен, поэтому актуальна данная форма только для общих собраний акционеров.

Общее собрание акционеров правомочно (имеет кворум), если в нем приняли участие акционеры, обладающие в совокупности более чем половиной голосов размещенных голосующих акций общества. При отсутствии кворума для проведения общего собрания акционеров необходимо (возможно – если собрание было внеочередным) проведение повторного общего собрания акционеров с той же повесткой дня. Повторное общее собрание акционеров правомочно, если в нем приняли участие акционеры, обладающие в совокупности не менее чем 30 % голосов размещенных голосующих акций общества.

Как и для других форм деяния, если нет необходимого кворума, проведение общего собрания владельцев ценных бумаг – преступление. Преступление, совершенное в данной форме, признается оконченным в случае извлечения виновным дохода в крупном размере или с момента наступления общественно вредных последствий в виде причинения крупного ущерба гражданам, организациям или государству, чего, как представляется, сложно добиться посредством совершения указанного деяния.

Наконец, в качестве четвертой формы преступного деяния законодатель называет «иное воспрепятствование осуществлению (незаконное ограничение) прав владельцев эмиссионных ценных бумаг либо инвестиционных паев паевых инвестиционных фондов».

Казалось бы, такая формулировка порождает расширительное толкование уголовно-правовой нормы, но такое впечатление не соответствует действительности: поскольку действующее корпоративное законодательство содержит исчерпывающий перечень прав владельцев ценных бумаг, то и исследуемая норма имеет строго очерченные границы.

Так, к воспрепятствованию прав владельцев акций следует относить отказ от конвертации привилегированных акций в обыкновенные

по требованию их владельцев, невыплату дивидендов, невыдачу части имущества после ликвидации и т. д. Важно отметить, что при данной форме преступного деяния извлечение дохода или наступление последствий в виде крупного ущерба вполне возможны.

Невзирая на практическую обоснованность, формулировка запрета не лишена недостатков. Первый выражается в чрезмерной конкретизации противоправных деяний, что приводит к сужению действия статьи.

Как полагает В.И. Добровольский, «ответственность, предусмотренная статьей 185.4 УК РФ, касается только нарушений в части созыва и проведения собраний акционеров» [2, с. 54]. Однако в акционерных обществах немалая часть ключевых для деятельности общества решений (например, избрание единоличного исполнительного органа, предоставление согласий на совершение сделок) может быть принята советом директоров, однако, их действия фактически выпадают из-под области действия статьи 185.4 УК РФ.

Второй существенный недостаток связан с размером вреда (дохода) как криминообразующим признаком. Как отмечалось ранее, не всякое деяние из тех, что перечислены законодателем, имеет реальную потенциальную возможность нанести гражданам, организации, государству вред в размере полутора миллионов рублей. Как максимум, отдельные деяния могут стать предпосылками к получению дохода в том же размере, так как их результат – принятие определенного административного решения, реализуемого (или не находящего реализации) посредством ряда иных решений и действий уполномоченного на их принятие/совершение менеджмента. Сам собой напрашивается вывод о том, что при должном уровне защиты наличие прямой причинно-следственной связи между указанными законодателем в диспозиции исследуемой статьи деяниями и наступлением негативных имущественных последствий – почти недоказуемо. Особое значение приведенные замечания имеют для формы деяния, описанной как незаконный отказ в регистрации для участия в общем собрании владельцев ценных бумаг.

Сразу по нескольким причинам представляется некорректной формулировка такой разновидности воспрепятствования осуществлению прав владельцев ценных бумаг, как «проведение общего собрания владельцев ценных бумаг в отсутствие необходимого кворума». Во-первых, кворум устанавливается только для акционерных обществ, в то время как в паевых инвестиционных фондах допускается принятие решения путем заочного голосования. Во-вторых, представляется оче-

видным, что в отсутствие необходимого кворума любое решение общего собрания акционеров не может считаться принятым. Необходимо оговориться, что внесение в протокол общего собрания не соответствующей действительности информации о наличии кворума является предпосылкой к рассмотрению вопроса о наличии в таком деянии самостоятельного состава преступления, предусмотренного статьей 185.5 УК РФ.

Единственный случай, который объективно может создать предпосылку к наступлению имущественного ущерба, – отказ или уклонение от созыва общего собрания владельцев ценных бумаг. С одной стороны, если общее собрание не созывается, то, как и в предыдущем случае, не принимается и решение, но стоит сделать оговорку о том, что существует ряд решений, на принятие которых уполномочен совет директоров (например, решение о предоставлении согласия на совершение крупной сделки в случае, если ее цена составляет от 25 до 50 % балансовой стоимости активов общества). Однако, если, например, акционер, обладающий 10 % или более акций общества, считает совершение такой сделки нецелесообразным, он вправе потребовать проведения общего собрания акционеров, включив в его повестку дня вопрос о предоставлении согласия (отзыве предоставленного советом директоров согласия) на совершение такой сделки. Полагаем, что в таком случае члены, проигнорировавшие требование акционера о созыве общего собрания, либо отказавшие ему в этом, выполняют объективную сторону преступления, предусмотренного статьей 184.4 УК РФ. Однако насколько их действиями будет обусловлено причинение вреда в указанном законодателем размере – вопрос, на который невозможно найти однозначного ответа.

Представляется необходимым проиллюстрировать приведенные позиции единственным, упомянутым в начале, случаем из судебной практики, в качестве которого предлагаем рассмотреть уголовное дело № 1-231/201.

Приговором Советского районного суда г. Орска Оренбургской области от 16 августа 2011 г.² Гражданин Л. был осужден по части 1 статьи 185.4 УК РФ, поскольку «исполняя функции единоличного исполнительного органа ОАО «Орский элеватор», ограничил права основного акционера (М.) общества ОАО «Объединенная зерновая ком-

² Приговор Советского районного суда г. Орска Оренбургской области от 16.08.2011 по уголовному делу № 1-231/2011. Доступ из СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 21.09.2020).

пания». М. владел 51 % голосующих акций, в то время как Л., желая получить контрольный пакет акций ОАО «Орский элеватор», организовал дополнительную эмиссию своих акций без участия ОАО «Объединенная зерновая компания». Для этого, используя подконтрольные лица, подсудимый организовал заседание совета директоров, по итогам которого без уведомления в установленном законом порядке и без участия основного акционера было принято решение о проведении внеочередного общего собрания акционеров по вопросу о дополнительной эмиссии акций ОАО «Орский элеватор». На собрании присутствовали акционеры, которые владели 48,58 % голосующих акций, что привело к отсутствию кворума, вследствие чего собрание было признано несостоявшимся. Л. осознавая, что для проведения повторного собрания необходимый кворум будет составлять уже 30 % голосующих акций, вновь организовал заседание совета директоров по тому же вопросу, о чем, как и в предыдущем случае, М. не был надлежащим образом уведомлен. Повторное собрание акционеров с участием акционеров, которые владеют 48,58 % голосующих акций, приняло решение о дополнительном выпуске 284025 акций номинальной стоимостью 1 рубль каждая. При регистрации решения о дополнительном выпуске акций ФСФР настаивает на необходимости уведомления акционеров о возможности приобретения ими дополнительных акций в количестве, которое пропорционально количеству акций, принадлежащих им. Л. выполнил требования ФСФР и по почте направил уведомление о дополнительной эмиссии акций в ОАО «Объединенная зерновая компания». Компания получила эту информацию и немедленно инициировала процесс судебной защиты своих корпоративных прав. Для выкупа дополнительно размещаемых акций Л. предоставил лояльным акционерам средства на сумму 25 млн руб. в виде займов, вследствие чего они выкупили дополнительные акции пропорционально количеству акций, принадлежавших им. Из приговора следует, что в результате данных действий доля ОАО «Объединенная зерновая компания» в уставном капитале ОАО «Орский элеватор» уменьшилась с 51 до 8,5 %. Названному акционеру тем самым был причинен ущерб на сумму 16,8 млн руб.»³

Таким образом, причинение ущерба ОАО «Объединенная зерновая компания» констатировано в момент увеличения доли в уставном капитале лояльных подсудимому акционеров. Имея в виду, что измене-

³ Приговор Советского районного суда г. Орска Оренбургской области от 16.08.2011 по уголовному делу № 1-231/2011. Доступ из СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 21.09.2020).

ние долей владения в уставном капитале общества являлось временным явлением, а контроль в обществе мог быть полностью восстановлен, в том числе путем реализации преимущественного права ОАО «Объединенная зерновая компания» по выкупу дополнительных акций либо судебной защитой нарушенных прав, вывод о причинении ущерба основному акционеру был преждевременным. Размывание доли ОАО «Объединенная зерновая компания» фактически не состоялось, арбитражный суд по иску основного акционера признал недействительными решения органов управления «Орский элеватор» и дополнительную эмиссию акций.⁴ В приговоре в части квалификации содеянного конкретная форма вменяемого подсудимому воспрепятствования не указана, а дословно воспроизведена диспозиция части 1 статьи 185.4 УК РФ.

Наличие в данном приговоре суда по данному делу множественных внутренних противоречий наряду с его единичным характером подтверждает, что отечественный правоприменитель пока не готов воспринимать и правильно интерпретировать конструкции, созданные законодателем при конструировании статьи 185.4 УК РФ, что как нельзя лучше демонстрирует ее нежизнеспособность.

Для преодоления этого недостатка требуется не только изменение в определенной мере правосознания применителя, но и изменение содержания диспозиции, но изменение продуманное, пропущенное через осознание событий, которые реально могут произойти, а потому подлежат запрету под угрозой наказания. В противном случае (то есть в действующей редакции) норма остается мертвой.

Прежде чем отвечать на вопрос о необходимости в отечественном уголовном праве «атнирейдерских» норм как таковых, необходимо разрешить проблему общественной опасности деяний, сопряженных с правоотношениями данной сферы. Согласно устоявшегося в науке мнения, таковая «проявляется в таких показателях, как характер, потенциальная ценность и социальная уязвимость охраняемых общественных отношений, социальная непереносимость деяния, интенсивность посягательства, его последствия [3–6]. То, что в результате поведения лиц, признаваемого правонарушением, владельцы ценных бумаг не могут реализовать предоставленные им права, проявляется вредоносность деяния, противоправность, но не общественная опасность» [1, с. 104].

⁴ Решение Арбитражного суда Оренбургской области от 30.10.2010 по делу № А47-6786/2010. Доступ из СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 21.09.2020).

Исходя из того, что уровень развития отечественной экономики пока еще только стремится к тому, чем характеризуется экономика США и некоторых других стран, наиболее целесообразным представляется отказ от применения уголовно-правового запрета как метода правового регулирования соответствующих отношений.

Нельзя исключить, что необходимость подобного запрета рано или поздно возникнет, а изыскать альтернативу ему возможным не представится, но устанавливать запрет «на перспективу» не стоит, поскольку на данном этапе проблема относительно успешно решается посредством норм административного и гражданского (в том числе корпоративного) права.

Список литературы

1. *Рябова А.Ю., Савюк Л.К.* Уголовно-правовое регулирование рынка ценных бумаг. М.: Юрлитинформ, 2014. 192 с.
2. *Добровольский В.И.* Ответственность рейдера по российскому законодательству. М.: Волтерс Клувер, 2010. 164 с.
3. *Родыгин А.* Российский рынок слияний и поглощений: этапы, особенности, перспективы // Вопросы экономики. 2009. № 10. С. 29.
4. *Горбань С.И.* Стратегия и тактика поведения корпорации на рынке в условиях слияний и поглощений // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 6. С. 61.
5. *Федров А.Ю.* Рейдерство и корпоративный шантаж (организационно-правовые меры противодействия). М., 2010. С. 245-246.
6. *Лопашенко Н.А.* Рейдерство // Законность. 2007. № 4. С. 7-12.

Поступила в редакцию 25.10.2020 г.

Поступила после рецензирования 23.11.2020 г.

Принята к публикации 27.11.2020 г.

Информация об авторе

Рыженков Николай Николаевич – аспирант, кафедра уголовного права Юридического факультета. Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6507-679X>, e-mail: n.n.ryzhenkov@inbox.ru

Для цитирования

Рыженков Н.Н. О соответствии предписаний статьи 185.4 УК РФ закономерностям корпоративного управления // актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 16. С. 503-514. DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-503-514

DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-503-514

ON THE COMPLIANCE OF THE PROVISIONS OF ARTICLE 185.4 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION WITH THE LAWS OF CORPORATE GOVERNANCE

N.N. Ryzhenkov

Voronezh State University

10a Lenin Sq., Voronezh 394018, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6507-679X>, e-mail: n.n.ryzhenkov@inbox.ru

Abstract. Raiding, along with corruption, has long been one of the most pressing problems for domestic business. For incomprehensible reasons, in contrast to the corruption crimes, which received due attention from the legislator and legal scholars, crimes committed in the stock market, after their reckless introduction, have been deprived of attention for almost a decade. At the same time, the most dangerous methods of raider seizures currently do not fall under criminal law prohibitions at all, and the existing prohibitions, in turn, have such a low legal potential that leaving this problem without attention raises serious concerns. We consider the design and application of Article 185.4 of the Criminal Code of the Russian Federation – Obstruction or illegal restriction of the rights of securities holders, intended to become the “flagship” of anti-raiding legislation. Through a systematic analysis of the prescriptions of the criminal law and a few judicial practice, we identify the low quality of criminal law prohibitions included in Article 185.4 of the Criminal Code of the Russian Federation, we establish and substantiate the impossibility of causing damage in the required amount, we prove the lack of practical need for the relevant norm, we formulate a proposal for its exclusion from the text of the criminal law in full.

Keywords: stock market; protection of rights of securities holders; anti-raiding measures

References

1. Ryabova A.Y., Savyuk L.K. *Ugolovno-pravovoye regulirovaniye rynka tsennykh bumag* [Criminal Law Regulation of the Securities Market]. Moscow, Urlitinform Publ., 2014, 192 p. (In Russian).
2. Dobrovolskiy V.I. *Otvetstvennost' reydera po rossiyskomu zakonodatel'stvu* [Raider's Liability under Russian Law]. Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2010, 164 p. (In Russian).
3. Rodygin A. Rossiyskiy rynek sliyaniy i pogloshcheniy: etapy, osobennosti, perspektivy [Russian market of mergers and acquisitions: stages, features and prospects]. *Voprosy ekonomiki – Issues of Economics*, 2009, no. 10, p. 29. (In Russian).
4. Gorban S.I. Strategiya i taktika povedeniya korporatsii na rynke v usloviyakh sliyaniy i pogloshcheniy [The strategy and tactics of the corporation's behavior in the market in the context of mergers and acquisitions]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Ros-*

- sii* – *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2009, no. 6, pp. 61. (In Russian).
5. Fedrov A.Y. *Reyderstvo i korporativnyy shantazh (organizatsionno-pravovyye mery protivodeystviya)* [Raiding and Corporate Blackmail (Organizational and Legal Countermeasures)]. Moscow, 2010, pp. 245-246. (In Russian).
 6. Lopashenko N.A. *Reyderstvo* [Raiding]. *Zakonnost'* [Legitimacy], 2007, no. 4, pp. 7-12. (In Russian).

Received 25 October 2020

Reviewed 23 November 2020

Accepted for press 27 November 2020

Information about the author

Ryzhenkov Nikolay Nikolayevich – Post-Graduate Student, Criminal Law Department of Law Faculty. Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6507-679X>, e-mail: n.n.ryzhenkov@inbox.ru

For citation

Ryzhenkov N.N. O sootvetstvii predpisaniy stat'i 185.4 UK RF zakonomernostyam korporativnogo upravleniya [On the compliance of the provisions of Article 185.4 of the Criminal Code of the Russian Federation with the laws of corporate governance]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2020, vol. 4, no. 16, pp. 503-514. DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-503-514 (In Russian, Abstr. in Engl.)

DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-515-522

УДК 347.9

Шифр научной специальности 12.00.15

ПРИНЦИПЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА РОССИИ: ПОЗИТИВИСТСКИЙ ПОДХОД

В.А. Илюхина

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний

390000, Российская Федерация, г. Рязань, ул. Сенная, 1

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7049-4593>, e-mail: eva3011@bk.ru

Аннотация. На основе позитивистского подхода к пониманию принципов права уточнена классификация принципов российского гражданского процессуального права. Под принципами гражданского процессуального права Российской Федерации понимаются базовые положения отрасли гражданского процессуального права, закрепленные в Конституции Российской Федерации и (или) Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации. В зависимости от источника закрепления выделены три вида нормативно закрепленных принципов гражданского процессуального права: 1) конституционные принципы гражданского процессуального права, продублированные в ГПК РФ; 2) конституционные принципы гражданского процессуального права, не продублированные в ГПК РФ; 3) отраслевые принципы гражданского процессуального права, нашедшие отражение в ГПК РФ. К первой группе отнесены 12 принципов, ко второй – 7 принципов, к третьей – 2 принципа. В отличие от ранее предлагавшегося подхода к принципам гражданского процессуального права в классификации, приведенной автором, количество принципов, входящих в первую и вторую группы, расширено. В частности, в первую группу введены принцип законности, принцип гарантированности охраны прав и свобод человека и гражданина, принцип уважения чести и достоинства личности, принцип свободы и неприкосновенности личности, принцип тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, принцип неприкосновенности жилища, принцип свободы от обязанности давать показания, а также принцип осуществления правосудия только судом. Выдвинута позиция о том, что некоторые нормативно закрепленные положения ГПК не являются исходными, основополагающими идеями гражданского процессуального права.

Ключевые слова: принципы гражданского процессуального права; позитивистское правопонимание; классификация принципов гражданского процессуального права

Принципы гражданского процессуального права в течение многих десятилетий активно изучаются учеными. Как и проблема принципов права в целом, проблема принципов гражданского процессуального права по-прежнему остается дискуссионной и продолжает вызывать интерес исследователей. В настоящее время наиболее оптимальным и отражающим правовые реалии нам представляется позитивистское понимание принципов права [1]. В соответствии с этим подходом принципами права являются только нормативно закрепленные исходные, базовые, основополагающие идеи, которые лежат в основе всего правового регулирования или отдельной отрасли права.

Таким образом, под принципами гражданского процессуального права следует понимать базовые, исходные, основные положения данной отрасли, закрепленные в Конституции РФ и (или) ГПК РФ.

Наряду с собственно принципами гражданского процессуального права, определяющей особенностью которых является нормативная закрепленность, некоторые ученые называют ряд других «принципов» гражданского процессуального права, которые не закреплены непосредственно в ГПК РФ и (или) Конституции РФ, а выводятся посредством анализа, толкования отдельных нормативных правовых актов, их совокупности, иных источников права и правоприменительной практики. Такие «принципы» можно назвать доктринальными принципами права (в интересующем нас случае – гражданского процессуального права). При этом их главной сущностной особенностью является то, что они не обладают таким качеством, как императивность. К доктринальным принципам права можно отнести, например, принцип объективной истины [2], принцип процессуальной активности суда [3], принцип судебной специализации [4], принцип диспозитивности [5], принцип концентрации доказательств [6] и др.

Позитивистский подход к классификации принципов гражданского процессуального права нашел четкое выражение в работах А.А. Демичева [7]. Если сама по себе предложенная названным автором классификация принципов гражданского процессуального права представляется удачной, практически ориентированной и соответствующей правовой действительности, то выделение некоторых принципов является, на наш взгляд, дискуссионным (об этом пойдет речь позже).

Исходя из такого критерия, как источник закрепления, можно выделить следующие виды принципов гражданского процессуального права:

- 1) конституционные принципы, продублированные в ГПК РФ;

- 2) конституционные принципы, не продублированные в ГПК РФ;
- 3) отраслевые принципы, закрепленные в ГПК РФ.

Вопрос о правомерности такого выделения снимается частью 1 статьи 15 Конституции РФ, закрепляющей положение, что «Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации»¹. Это означает, что основополагающие идеи, закрепленные в Конституции РФ, являются не чем иным, как принципами российского права. Следовательно, прямой необходимости в дублировании положений конституционного акта в отраслевом законодательстве нет. Однако, учитывая специфику современного правосознания населения России, а также уровень развития юридической техники, такой повтор конституционных норм в гражданском процессуальном и ином отраслевом законодательстве представляется логичным и целесообразным. По нашему мнению, конструкция закрепления принципов права в различных отраслях, включая гражданское процессуальное, должна содержать в качестве важного элемента и конституционные принципы, которые реализуются конкретным отраслевым законодательством.

Следует отметить, что, формулируя нормы Конституции РФ, законодатель никак не указал положения, которые, по его мнению, являются принципами права. Это, несомненно, дает повод для дискуссии по поводу выделения определенной нормативно закрепленной в Конституции РФ идеи, а также относительно названия того или иного принципа. При этом акцентируем внимание на том, что дискуссионными являются названия и формулировки отдельных принципов, но не их сущность, которая четко отражена в Конституции РФ.

Другим проблемным моментом при выделении принципов гражданского процессуального права является неудачная конструкция их закрепления в ГПК РФ. Дело в том, что в ГПК РФ нет раздела, главы или статьи, в названии которых использовалось бы слово «принцип». Тем не менее, ряд основополагающих идей отрасли гражданского процессуального права нашел закрепление в статьях, расположенных в первом разделе ГПК РФ «Общие положения» в главе 1 «Основные положения»². При анализе указанной главы с целью выделения принци-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. 2020. № 144.

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

пов права определенное неудобство вызывает то, что в ее тексте термин «принцип» не использован. Это неудобство касается, в первую очередь, наименования принципов, но не понимания их сущности.

Учитывая все отмеченное выше, классификация принципов российского гражданского процессуального права будет иметь следующий вид.

I. Конституционные принципы, не продублированные в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации от 14 ноября 2002 г.:

- 1) принцип законности (статья 15 Конституции РФ);
- 2) принцип гарантированности охраны прав и свобод человека и гражданина (статьи 17, 18, часть 1 статьи 45 Конституции РФ);
- 3) принцип уважения чести и достоинства личности (статья 21 Конституции РФ);
- 4) принцип свободы и неприкосновенности личности (статья 22 Конституции РФ);
- 5) принцип неприкосновенности частной жизни (статья 23 Конституции РФ);
- 6) принцип тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (часть 2 статьи 23 Конституции РФ);
- 7) принцип неприкосновенности жилища (статья 25 Конституции РФ);
- 8) принцип защиты прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом (часть 2 статьи 45 Конституции РФ);
- 9) принцип гарантированности судебной защиты прав и свобод (статья 46 Конституции РФ);
- 10) принцип гарантированности права на получение квалифицированной юридической помощи (статья 48 Конституции РФ);
- 11) принцип свободы от обязанности давать показания (статья 51 Конституции РФ);
- 12) принцип осуществления правосудия только судом (статья 124 Конституции РФ).

II. Конституционные принципы, продублированные в ГПК РФ:

- 1) принцип осуществления правосудия только судом (часть 1 статьи 118 Конституции РФ, статья 5 ГПК РФ);
- 2) принцип равенства всех перед законом и судом (часть 1 статьи 19 Конституции РФ, статья 6 ГПК РФ);

3) принцип независимости судей (часть 1 статьи 120 Конституции РФ, статья 8 ГПК РФ);

4) принцип государственного языка судопроизводства (статья 68 Конституции РФ, статья 9 ГПК РФ);

5) принцип гласности судебного разбирательства (часть 1 статьи 123 Конституции РФ, статья 10 ГПК РФ);

6) принцип осуществления правосудия на основе состязательности и равноправия сторон (часть 3 статьи 123 Конституции РФ, статья 12 ГПК РФ);

7) принцип недопущения использования доказательств, полученных с нарушением федерального закона (часть 2 статьи 50 Конституции РФ, статья 55 ГПК РФ).

III. Отраслевые принципы, нашедшие отражение в ГПК РФ:

1) принцип процессуального равенства сторон (статья 12 ГПК РФ);

2) принцип обязательности судебных постановлений (статья 13 ГПК РФ).

В отличие от ранее предлагавшейся А.А. Демичевым классификации принципов гражданского процессуального права в нашей классификации расширено количество принципов, входящих в первую и вторую группы. В первую группу принципов нами дополнительно введены принцип законности, принцип гарантированности охраны прав и свобод человека и гражданина, принцип уважения чести и достоинства личности, принцип свободы и неприкосновенности личности, принцип тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, принцип неприкосновенности жилища, принцип свободы от обязанности давать показания, а также принцип осуществления правосудия только судом. При этом принцип недопущения использования доказательств, полученных с нарушением федерального закона, отнесенный названным автором к первой группе, перемещен нами во вторую группу в силу того, что данный конституционный принцип нашел определенное дублирование в статье 55 ГПК РФ.

Что касается собственно отраслевых принципов гражданского процессуального права, то, по нашему мнению, их не четыре, как у А.А. Демичева [8], а только два: принцип процессуального равенства сторон и принцип обязательности судебных постановлений. Нормативно закрепленные в части 4 статьи 1 и части 3 статьи 11 ГПК РФ положения о применении аналогии закона и аналогии права и в статье 7 ГПК РФ о единоличном и коллегиальном рассмотрении дел, по нашему мнению, не являются исходными, основополагающими идеями

гражданского процессуального права, что будет нами аргументировано в другой работе.

Подводя итоги проведенного исследования, акцентируем внимание на следующих моментах. Принципы гражданского процессуального права, основываясь на позитивистском правопонимании, можно разделить на три группы: 1) конституционные принципы, продублированные в ГПК РФ; 2) конституционные принципы, не продублированные в ГПК РФ, и 3) отраслевые принципы, нашедшие отражение в ГПК РФ. При этом в первую группу входят 12 принципов, во вторую – 7, а в третью – 2 принципа.

Список литературы

1. Демичев А.А. Позитивистская классификация принципов современного российского права // Государство и право. 2014. № 5. С. 5-13.
2. Боннер А.Т. Установление обстоятельств гражданских дел. М., 2000. 328 с.
3. Чесовской Е. Принцип процессуальной активности суда в гражданском судопроизводстве // Российская юстиция. 2003. № 8. С. 23-25.
4. Джулаев С.И. Судебная специализация как принцип гражданского процессуального права // Вестник Саратовской государственной академии права. 2006. № 6 (52). С. 62-64.
5. Шананин А.А. Принцип диспозитивности гражданского процессуального права: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. 157 с.
6. Алиев Т.Т., Бахметьев В.Н. Концентрация доказательств как принцип гражданского процессуального права // Современное право. 2013. № 4. С. 93-96.
7. Демичев А.А. Принципы гражданского процессуального права Российской Федерации: проблемы сущности и классификации // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2005. № 10. С. 130-134.
8. Демичев А.А. Позитивистская классификация принципов гражданского процессуального права Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 7. С. 5-10.

Поступила в редакцию 12.10.2020 г.

Поступила после рецензирования 24.11.2020 г.

Принята к публикации 27.11.2020 г.

Информация об авторе

Илюхина Вера Александровна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права, международного и европейского права. Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, г. Рязань, Российская Федерация.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7049-4593>, e-mail: eva3011@bk.ru

Для цитирования

Илюхина В.А. Принципы гражданского процессуального права России: позитивистский подход // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 16. С. 515-522. DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-515-522

DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-515-522

**PRINCIPLES OF RUSSIAN CIVIL PROCEDURE LAW:
POSITIVIST APPROACH**

V.A. Iliukhina

Academy of Law and Management of the Federal Penal Service of Russia
1 Sennaya St., Ryazan 390000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7049-4593>, e-mail: eva3011@bk.ru

Abstract. Based on the positivist approach to consciousness the law principle, the classification of the principles of Russian civil procedure law is clarified. The principles of civil procedural law of the Russian Federation are understood as the basic provisions of the civil procedural law branch, enshrined in the Constitution of the Russian Federation and (or) the Civil Procedure Code of the Russian Federation. Depending on the source of consolidation, there are three types of normative principles of civil procedure law: 1) constitutional principles of civil procedure law, duplicated in the Civil Procedure Code of the Russian Federation; 2) constitutional principles of civil procedure law that are not duplicated in the Civil Procedure Code of the Russian Federation; 3) branch principles of civil procedure law, reflected in the Civil Procedure Code of the Russian Federation. The first group includes 12 principles, the second – 7 principles, and the third – 2 principles. In contrast to the previously proposed approach to the principles of civil procedure law in our classification, the number of principles included in the first and second groups is expanded. In particular, the first group includes the principle of legality, the principle of guaranteed protection of human and civil rights and freedoms, the principle of respect for the individual's honor and dignity, the principle of the individual's freedom and inviolability, the principle of secrecy of correspondence, telephone and other conversations, postal, telegraphic and other messages, the principle of home inviolability, the principle of freedom from the obligation to testify, and the principle of administering justice only by the court. We put forward the position that some of the normative provisions of the Code of Civil Procedure are not the initial, fundamental ideas of civil procedure law.

Keywords: civil procedure law principles; positivist legal consciousness; classification of civil procedure law principles

References

1. Demichev A.A. Pozitivistskaya klassifikatsiya printsipov sovremennogo rossiyskogo prava [Positivist classification of principles of modern Russian law]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*, 2014, no. 5, pp. 5-13. (In Russian).
2. Bonner A.T. *Ustanovleniye obstoyatel'stv grazhdanskikh del* [Establishing the Circumstances of Civil Cases]. Moscow, 2000, 328 p. (In Russian).
3. Chesovskoy E. Printsip protsessual'noy aktivnosti suda v grazhdanskom sudoproizvodstve [The principle of procedural activity of the court in civil proceedings]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*, 2003, no. 8, pp. 23-25. (In Russian).
4. Dzhulayev S.I. Sudebnaya spetsializatsiya kak printsip grazhdanskogo protsessual'nogo prava [Judicial specialization as a principle of a civil procedural law]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy akademii prava – Bulletin of Saratov State Law Academy*, 2006, no. 6 (52), pp. 62-64. (In Russian).
5. Shananin A.A. *Printsip dispozitivnosti grazhdanskogo protsessual'nogo prava: dis. ... kand. yurid. nauk* [Dispositive Principle of Civil Procedural Law. Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 1999, 157 p. (In Russian).
6. Aliyev T.T., Bakhmetyev V.N. Kontsentratsiya dokazatel'stv kak printsip grazhdanskogo protsessual'nogo prava [Concentration of proofs as a principle of civil procedural law]. *Sovremennoye pravo – Modern Law*, 2013, no. 4, pp. 93-96. (In Russian).
7. Demichev A.A. Printsipy grazhdanskogo protsessual'nogo prava Rossiyskoy Federatsii: problemy sushchnosti i klassifikatsii [Principles of civil procedural law of the Russian Federation: problems of essence and classification]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta – Bulletin of the Saratov State Social and Economic University*, 2005, no. 10, pp. 130-134. (In Russian).
8. Demichev A.A. Pozitivistskaya klassifikatsiya printsipov grazhdanskogo protsessual'nogo prava Rossiyskoy Federatsii [Positivist classification of the principles of civil procedural law of the Russian Federation]. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess – Arbitrazh and Civil Procedure*, 2005, no. 7, pp. 5-10. (In Russian).

Received 12 October 2020

Reviewed 24 November 2020

Accepted for press 27 November 2020

Information about the author

Iliukhina Vera Aleksanovna – Candidate of Jurisprudence, Associate Professor, Associate Professor of Theory of State and Law, International and European Law Department. Academy of Law and Management of the Federal Penal Service of Russia, Ryazan, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7049-4593>, e-mail: eva3011@bk.ru

For citation

Iliukhina V.A. Printsipy grazhdanskogo protsessual'nogo prava Rossii: pozitivistskiy podkhod [Principles of Russian civil procedure law: positivist approach]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2020, vol. 4, no. 16, pp. 515-522. DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-515-522 (In Russian, Abstr. in Engl.)

DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-523-529

УДК 343

Шифр научной специальности 12.00.15

ЗНАЧЕНИЕ, ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Л.А. Усич

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

410056, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Вольская, 1

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0565-6442>, e-mail: ami.0911@bk.ru

Аннотация. Посвящено выявлению значения апелляционного производства по гражданским делам. Подчеркнуто, что право на судебную защиту является одним из основных прав человека. Для достижения поставленной цели установлены следующие задачи: определить понятие апелляционного производства; охарактеризовать сущность апелляционного производства по гражданским делам. В ходе изучения вопроса были применены методы научного познания, по итогам которых сделаны соответствующие выводы: несмотря на широкое признание апелляционного производства в Российской Федерации, отмечается необходимость повышения эффективности данного института ввиду определенных упущений в законодательстве. В результате определено, что следует понимать под апелляцией – рассмотрение дел, не вступивших в законную силу. В силу чего важность и значимость апелляционного производства, как инструмента обжалования, а также непосредственно исправления судебных ошибок отмечается как нормами отечественного законодательства, так и международными органами по правам человека. Обозначенные пробелы законодательства показали отсутствие четко установленных граней, что создает проблемы определения значения и сущности апелляционного производства как на теоретическом, так и на практическом уровнях. В частности, присутствует полемика по значению апелляционного производства. Вместе с тем в доктрине выделяются два основных элемента, сущности апелляционного производства – это: 1) повторность рассмотрения дела; 2) проверка судебного акта. Но, несмотря на значительную распространенность апелляционного рассмотрения дел в гражданском процессе, вопрос об улучшении эффективности данного института все еще остается актуальным, что приводит к неэффективности гражданского производства в целом.

Ключевые слова: апелляционное производство; гражданское судопроизводство; гражданский процесс

Апелляционное производство являлось ориентиром внимания многих правоведов в российской доктрине и не утрачивало своей значимости со времен дореволюционной России [1, с. 44; 2, с. 31]. На сегодняшний день апелляционное производство является этапом рассмотрения законности и обоснованности судебных актов, которые не вступили в законную силу.

В свою очередь, постановления суда, вступившие в законную силу, не имеют никакого отношения к апелляционному производству, а являются объектом проверки в кассационном порядке, в порядке судебного надзора, в порядке пересмотра постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам.

В связи с этим наиболее близкое к сущности понятие приводится в работе Л.В. Байдаевой: «Апелляция (от лат. *appellatio* – обращение) – процедура по проверке не вступивших в законную силу судебных актов вышестоящим судом, определенная процессуальным законодательством» [3, с. 6].

В науке, в ходе возникающих дискурсов по значению апелляционного производства, авторы часто выделяли среди положительных качеств апелляционного производства, как способа проверки не вступивших в законную силу актов, следующие аспекты:

- более полная гарантия конституционного права на судебную защиту;
- эффективность контроля за деятельностью судов (нижестоящих);
- формирование единообразной судебной практики [4, с. 45-46; 5, с. 358].

Современная доктрина выделяет два основных элемента в качестве сущности апелляционного производства: 1) повторность рассмотрения дела; 2) проверка судебного акта. Тем не менее, несмотря на однозначность в вопросах обозначения главных элементов апелляционного производства, вопросы соотношения данных элементов остаются открытыми и по сей день. Одни ученые отмечают значимость повторности рассмотрения дела [6, с. 140; 7, с. 32], другие выделяют элемент «проверочной инстанции» [8, с. 112-113], есть и те, кто соблюдают баланс между ними [9; 10, с. 59]. Несмотря на споры, никто не отрицает обязательность наличия этих двух элементов, как основополагающую сущность апелляционного производства.

Важность и значимость апелляционного производства как инструмента обжалования, а также непосредственно исправления судебных

ошибок отмечается как Конституционным судом Российской Федерации, так и международными органами по правам человека.

Право на судебную защиту является одним из основных прав человека, которое гарантируется многими международными договорами¹, а также Конституцией Российской Федерации². Защита прав и свобод от несправедливого судебного решения, исправления судебной ошибки является неотъемлемым элементом осуществления установленного права.

Российская Федерация, как социальное государство, где высшей ценностью являются права человека, а главной обязанностью является защиты данных прав, закрепляет апелляционное производство как основной способ проверки не вступивших в силу постановлений.

Тем не менее, Федеральный законодатель отмечает необходимость достижения наибольшего результата с наименьшими усилиями, путем недопущения неоправданного использования средств, что снижает эффективность гражданского судопроизводства. Однако, как отметил Конституционный суд Российской Федерации, необходимо соблюдать ту грань, где соблюдение этих требований выступает средством обеспечения справедливости судебного решения, а не становится самоцелью³.

Кроме того, многие ученые отмечают, что на сегодняшний день Гражданский процессуальный кодекс РФ не отражает в себе достаточно полно все необходимые элементы для определения апелляционного производства, как полностью обособленного явления.

В первую очередь, отсутствует обозначение стадии возбуждения апелляционного производства. Во-вторых, отсутствуют указания относительно подготовки дела к судебному разбирательству. Кроме того, нет четких условий принятия дополнительных доказательств. В-третьих, существует широкое толкование полномочий апелляционного суда. В-четвертых, существуют проблемы относительно соблюдения сроков. Отсутствие четко установленных граней создает проблемы как на тео-

¹ См. например: Международный пакт о гражданских и политических правах от 16.12.1966 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. 4 июля.

³ По делу о проверке конституционности части первой статьи 320, части второй статьи 327 и статьи 328 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданки Е.В. Алейниковой и общества с ограниченной ответственностью «Три К» и запросами Норильского городского суда Красноярского края и Центрального районного суда города Читы: постановление Конституционного суда Российской Федерации от 21.04.2010 № 10-П // СЗ РФ. 2010. № 19. Ст. 2357.

ретическом уровне в определении сущности и значения апелляционного производства, так и на практическом уровне.

Таким образом, проанализировав содержание теоретического и практического материала по вопросу о сущности и значению апелляционного производства по гражданским делам, мы пришли к следующим выводам.

1. Несмотря на столь широкое признание апелляционного производства как единственного инструмента рассмотрения судебных актов, не вступивших в законную силу, вопрос об улучшения эффективности данного института все еще остается актуальным.

2. Отмеченные проблемы гражданско-процессуального законодательства, а также проблемы, обсуждаемы в доктрине, делают понятие апелляционного производства размытым, трудным.

3. Все эти упущения умаляют не только сущность и значение апелляционного производства, но и приводят к неэффективности гражданского производства в целом.

Список литературы

1. *Борисова Е.А.* Апелляция в гражданском (арбитражном) процессе. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Городец, 2008. 221 с.
2. *Смагина Е.С.* Апелляционное производство в гражданском процессе. М.: Юрлитинформ, 2007. 192 с.
3. *Байдаева Л.В.* Реализация полномочий суда апелляционной инстанции в гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 32 с.
4. *Борисова Е.А.* Апелляция в гражданском и арбитражном процессе. М.: Городец, 1997. 160 с.
5. *Лесницкая Л.Ф.* Некоторые проблемы пересмотра судебных постановлений в суде общей юрисдикции. Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов / под ред. Л.Ф. Лесницкой, М.А. Рожковой. М.: Статут, 2008. 512 с.
6. *Борисова Е.А.* Апелляция, кассация, надзор по гражданским делам. М.: Норма; ИНФРА-М, 2013. 320 с.
7. *Борисова Е.А.* Последовательность обжалования судебных актов в арбитражном и гражданском процессах // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 8. С. 29-34.
8. *Трещева Е.А.* Субъекты арбитражного процесса: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 565 с.
9. *Терехова Л.А.* Система пересмотра судебных актов в механизме судебной защиты. М.: Волтерс Клувер, 2007. 320 с.
10. *Смагина Е. С.* Теоретические аспекты апелляционного производства по обжалованию решений и определений мировых судей в российском гражданском процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2005. 210 с.

Поступила в редакцию 10.10.2020 г.

Поступила после рецензирования 12.11.2020 г.

Принята к публикации 27.11.2020 г.

Информация об авторе

Усич Лилия Александровна – магистрант института магистратуры и аспирантуры. ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов, Российская Федерация.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0565-6442>, e-mail: ami.0911@bk.ru

Для цитирования

Усич Л.А. Значение, понятие и сущность апелляционного производства по гражданским делам // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 16. С. 523-529. DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-523-529

DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-523-529

THE VALUE, CONCEPT AND ESSENCE OF APPEAL PROCEEDINGS IN CIVIL CASES

L.A. Usich

Saratov State Law Academy

1 Volskaya St., Saratov 410056, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0565-6442>, e-mail: ami.0911@bk.ru

Abstract. This work is devoted to identifying the significance of the appeal proceedings in civil cases. We emphasize that the right to judicial protection is one of the fundamental human rights. To achieve this goal, we set the following tasks: define the concept of appeal proceedings; characterize the essence of the appeal proceedings in civil cases. In the course of studying the issue, we use the methods of scientific knowledge, based on the results of which the appropriate conclusions are drawn: despite the wide recognition of the appeal proceedings in the Russian Federation, we note the need to improve the efficiency of this institution due to certain omissions in the legislation. As a result, we define what should be understood as an appeal – consideration of cases that have not entered into legal force. By virtue of this, the importance and significance of the appeal proceedings as an appeal tool, as well as the direct correction of judicial errors, is noted both by the norms of domestic legislation and by international human rights bodies. The indicated gaps in the legislation show the absence of clearly defined boundaries, which creates problems in determining the value and essence of the appeal proceedings both at the theoretical and practical levels. In particular, there is a controversy on the appeal proceedings' importance. However, the doctrine identifies two main elements, the essence of the appeal proceedings is: 1) the repetition of the case; 2) verification of the judicial act. Nevertheless, despite the high prevalence of appeals in civil proceedings, the issue of improving the effectiveness of this institution is still relevant, which leads to the inefficiency of civil proceedings in general.

Keywords: appeal proceeding; civil proceedings; civil procedure

References

1. Borisova E.A. *Apellyatsiya v grazhdanskom (arbitrazhnom) protsesse* [Appeal in Civil (Arbitration) Procedure]. Moscow, Gorodets Publ., 2008, 221 p. (In Russian).
2. Smagina E.S. *Apellyatsionnoye proizvodstvo v grazhdanskom protsesse* [Appellate Proceedings in Civil Proceedings]. Moscow, Urlitinform Publ., 2007, 192 p. (In Russian).
3. Baydayeva L.V. *Realizatsiya polnomochiy suda apellyatsionnoy instantsii v grazhdanskom protsesse: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Implementation of the Powers of the Court of Appeal in Civil Proceedings. Cand. jurid. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2019, 32 p. (In Russian).
4. Borisova E.A. *Apellyatsiya v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse* [Appeal in Civil and Arbitration Procedure]. Moscow, Gorodets Publ., 1997, 160 p. (In Russian).
5. Lesnitskaya L.F. *Nekotoryye problemy peresmotra sudebnykh postanovleniy v sude obshchey yurisdiktsii. Problemnyye voprosy grazhdanskogo i arbitrazhnogo protsessov* [Some Problems of the Revision of Court Decisions in a Court of General Jurisdiction. Problematic Issues of Civil and Arbitration Proceedings]. Moscow, Statut Publ., 2008, 512 p. (In Russian).
6. Borisova E.A. *Apellyatsiya, kassatsiya, nadzor po grazhdanskim delam* [Appeal, Cassation, Supervision in Civil Cases]. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2013, 320 p. (In Russian).
7. Borisova E.A. *Posledovatel'nost' obzhalovaniya sudebnykh aktov v arbitrazhnom i grazhdanskom protsessakh* [The sequence for appealing court decisions in arbitration and civil procedure]. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess – Arbitrazh and Civil Procedure*, 2012, no. 8, pp. 29-34. (In Russian).
8. Treshcheva E.A. *Sub'yekty arbitrazhnogo protsessa: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Subjects of the Arbitration Process. Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2009, 565 p. (In Russian).
9. Terekhova L.A. *Sistema peresmotra sudebnykh aktov v mekhanizme sudebnoy zashchity* [The System of Review of Judicial Acts in the Judicial Protection Mechanism]. Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2007, 320 p. (In Russian).
10. Smagina E. S. *Teoreticheskiye aspekty apellyatsionnogo proizvodstva po obzhalovaniyu resheniy i opredeleniy mirovykh sudey v rossiyskom grazhdanskom protsesse: dis. ... kand. yurid. nauk* [Theoretical Aspects of Appeal Proceedings on Appeal Against Decisions and Rulings of Justices of the Peace in Russian Civil Procedure. Cand. jurid. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2005, 210 p. (In Russian).

Received 10 October 2020

Reviewed 12 November 2020

Accepted for press 27 November 2020

Information about the author

Usich Liliya Aleksandrovna – Master's Degree Student of Master's Degree and Postgraduate Education Institute. Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0565-6442>, e-mail: ami.0911@bk.ru

For citation

Usich L.A. Znachenije, ponyatiye i sushchnost' apellyatsionnogo proizvodstva po grazhdanskim delam [The value, concept and essence of appeal proceedings in civil cases]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2020, vol. 4, no. 16, pp. 523-529. DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-523-529 (In Russian, Abstr. in Engl.)

DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-530-540

УДК 347.941

Шифр научной специальности 12.00.15

**ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭЛЕКТРОННЫХ
ТЕКСТОВЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ КАК СРЕДСТВ
ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ,
СВЯЗАННЫХ С ЗАЩИТОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ**

А.А. Жуйкова

Акционерное общество «Газпром газораспределение Тамбов»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Московская, 19д

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3020-4576>, e-mail: zhujkova_anna2012@mail.ru

Аннотация. С учетом правовой природы доказательств проанализированы основные процессуальные особенности средств доказывания, широко применяемых лицами, участвующими в деле, при разрешении гражданских дел, связанных с защитой интеллектуальных прав, таких, как скриншоты материалов, размещенных на сайтах в сети Интернет, электронные сообщения. Сформулированы общие особенности, характеризующие указанные средства доказывания в данной категории споров. Указано, в частности, объективное влияние процессуальных норм, регулирующих правила подсудности интеллектуальных споров, а также материально-правовых норм части 4 Гражданского кодекса Российской Федерации на особенности формирования и предоставления доказательств при защите интеллектуальных прав в суде, средств доказывания. Охарактеризована взаимосвязь понятий электронные документы, письменные доказательства и доказательства, сформированные посредством использования сети Интернет. При применении общенаучных методов сравнительного анализа (в отношении определенных средств доказывания) и дедукции (в отношении анализа специальных норм через призму общих, базовых, основных процессуальных институтов, регулирующих отношения в части правовой природы и особенностей представления доказательств в рассматриваемой категории дел) сформированы основные выводы в части возможных вариантов развития данных процессуальных институтов. Доказана необходимость предложенных изменений с целью последующего оптимального функционирования, действия и применения норм, регулирующих процесс доказывания в данной категории дел, вводится понятие «электронные текстовые доказательства».

Ключевые слова: средства доказывания; особенности доказательств; представление средств доказывания при защите интеллектуальных прав; представление доказательств при защите интеллектуальных прав

Суд, разрешая гражданское дело по существу, выносит решение – определяет фактический материал, положенный в основу судебного акта [1, с. 14]. Судебное решение основывается на доказательствах, которые исследованы в судебном заседании (часть 2 статьи 195 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ))¹.

Высшая судебная инстанция, комментируя нормы ГПК РФ, регулирующие процесс доказывания в гражданском судопроизводстве, разъясняет: обоснованность решения выражается в том, что факты, имеющие значение для дела, подтверждены доказательствами, исследованными судом и отвечающими требованиям закона об относимости и допустимости, а также обстоятельствами, не требующими доказывания².

Таким образом, разрешая дело по существу (вынося решение), суду объективно необходимо выяснить обстоятельства дела, установить в каждом конкретном случае юридические факты, связанные с возникновением, изменением, прекращением правоотношений, и, как следствие, разрешить спор относительно гражданских правоотношений, составляющих предмет решения. Для установления обстоятельств по делу суд использует средства опосредованного познания тех фактов, которые имеют значение по делу. Такими средствами являются доказательства [2, с. 285-286].

Определение законодателем (часть 1 статьи 55 ГПК РФ) доказательств как сведений о фактах, относящихся к делу, полученных в соответствии с требованиями закона, из предусмотренных законодательством средств доказывания, – есть результат научных дискуссий, споров относительно правовой природы доказательств [3, с. 75, 77-79]. Однако, учитывая научную полемику, следует отметить, что исследователями-представителями фундаментальной юридической науки констатировалась взаимосвязь сведений о фактах, имеющих значение для дела, со средствами доказывания, предусмотренными законом, как объективно существующая [4, с. 20-23].

Так, лицами, участвующими в деле, в силу специфики материальных норм, регулирующих правоотношения в сфере интеллектуальных прав, в гражданском процессе может быть представлена информация относительно различных фактов, связанных с рассмотрением дела.

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

² Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 4 (2017) (утв. Президиумом Верховного суда РФ 15.11.2017) // Бюллетень Верховного суда РФ. 2018. № 11.

Приведем примеры, отражающие при этом особенности не столько и не только материально-правовых норм части 4 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), сколько – процессуальных норм, регулирующих правила подсудности данной категории дел.

Нормы Главы 76 части 4 ГК РФ закрепляют, что субъектами прав на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий являются юридические лица³. В этой связи, а также учитывая положения части 1 статьи 34 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ)⁴, соответствующие споры подлежат рассмотрению арбитражными судами, Судом по интеллектуальным правам (далее – СИП). Однако, принимая во внимание положения статей 24, 25 (части 3) ГПК РФ, на практике вопросы о защите прав на принадлежащее истцу средство индивидуализации, запрете использования ответчиком спорного средства индивидуализации, сходного до степени смешения со средством индивидуализации, права на которое принадлежит истцу, рассматриваются и арбитражными судами (например, дело № А41-96174/2017⁵, А03-15367/2018⁶), и судами общей юрисдикции (например, дело № 2-474/19⁷, № 2-4562/17⁸). Как видим, фактические обстоятельства, подлежащие установлению, могут быть несвойственными сути гражданских дел, подлежащих рассмотрению в судах общей юрисдикции по общим правилам.

Оценивая виды средств доказывания, используемых лицами, участвующими в деле (на примере вышеуказанных судебных дел), следует отметить объективно существующую необходимость представления сторонами процесса в подтверждение доводов о наличии/отсутствии степени смешения спорных средств индивидуализации информации, размещенной на соответствующих сайтах в информационно-телекоммуникационной сети (далее – сети Интернет). Данная объективность обусловлена предписаниями норм части 4 ГК РФ, указывающими на

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Российская газета. 2006. № 289.

⁴ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.06.2020) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

⁵ Решение Суда по интеллектуальным правам от 14.07.2020 по делу № СИП-102/2019. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 01.10.2020).

⁶ Решение Арбитражного суда Алтайского края от 19.11.2018 по делу № А03-15367/2018. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 01.10.2020).

⁷ Решение Басманного районного суда г. Москвы от 08.02.2019 по делу № 2-474/19. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 01.10.2020).

⁸ Решение Никулинского районного суда г. Москвы от 02.11.2017 по делу № 2-4562/17. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 01.10.2020).

способы размещения товарного знака (часть 2 статьи 1486 ГК РФ) и на способы использования правообладателем принадлежащего ему коммерческого обозначения (часть 1 статьи 1539 ГК РФ), которые предполагают указание, размещение рассматриваемых объектов интеллектуальных прав в сети Интернет.

Таким образом, в случаях защиты интеллектуальных прав в отношении, например, нерегистрируемого средства индивидуализации – коммерческого обозначения – сторона должна доказать принадлежность интеллектуальных прав в отношении спорного обозначения, в том числе посредством предоставления сведений, доказывающих его использование в сети Интернет.

23 апреля 2019 г. Пленумом Верховного суда Российской Федерации утверждено Постановление № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Постановление № 10 от 23.04.2019)⁹, которым внесена определенность в отношении ряда вопросов процессуального характера при рассмотрении интеллектуальных споров, в том числе относительно конкретизации средств доказывания, расцениваемых судом как допустимые.

Так, правоприменитель разъяснил (абзацы 1 и 2 пункта 55 Постановления № 10 от 23.04.2019), что допустимыми доказательствами являются, в том числе, сделанные и заверенные лицами, участвующими в деле, распечатки материалов, размещенных в информационно-телекоммуникационной сети (скриншот), с указанием адреса интернет-страницы, с которой сделана распечатка, а также точного времени ее получения; такие распечатки подлежат оценке судом при рассмотрении дела наравне с прочими доказательствами¹⁰.

Подчеркнем, что вовлеченность результатов интеллектуальной деятельности в процессе осуществления правообладателями прав по их законному использованию в сети Интернет заложена самими материально-правовыми нормами части 4 ГК РФ.

В этой связи, например, в отношении авторских споров интерес представляют используемые стороной истца доказательства относительно, например, факта заключения авторского договора, согласования размера авторского вознаграждения. Особенностью в рассматриваемых случаях является то, что при предоставлении распечаток элек-

⁹ О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 23.04.2019 № 10 // Российская газета. 2019. № 96.

¹⁰ Там же.

тронных писем (отправление и получение которых возможно при использовании также сети Интернет, полностью обслуживающей электронные почтовые сервисы) следует максимально идентифицировать как отправителя письма (IP-адрес отправителя), так и факт направления письма (ID-сообщение – уникальный идентификатор письма) [5, с. 134, 136].

Таким образом, отмеченная высшей судебной инстанцией в пункте 55 Постановления № 10 от 23 апреля 2019 г. необходимость указания адреса интернет-страницы, с которой сделан скриншот, точного времени его получения – это, по сути, критерии допустимости, зафиксированные правоприменителем в отношении указанных средств доказывания.

Представляется уместным, на наш взгляд, заверение указанных копий страниц сайтов (скриншот), на которое указывает Постановление № 10 от 23 апреля 2019 г., лицами, участвующими в деле, – излишним требованием к процессуальной форме данных средств доказывания. Ведь очевидно, что максимально информативным в части идентификации адресата является адрес и время, фиксируемые источником сведений, при одновременном условии совокупной оценки всех доказательств, представленных в процессе.

Учитывая изложенное, а также нормы-определения электронного сообщения, сайта в сети Интернет, электронного документа, закрепленные Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – ФЗ № 149)¹¹, возможно утверждать о наличии обобщающего признака – это во всех случаях информация, предназначенная для передачи/получения посредством сети Интернет либо содержащаяся в информационной системе, доступ к которой обеспечивается посредством сети Интернет.

Однако существенные коррективы вносит правоприменитель, указывая в Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов»¹² на обязательный признак электронного документа (как и

¹¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 08.06.2020) // Российская газета. 2006. № 165.

¹² О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и

электронного образа документа) – наличие электронной подписи документа.

Таким образом, скриншот страницы сайта в сети Интернет или, как указывалось ранее, распечатку электронного письма возможно было бы считать электронными документами, строго опираясь на определение, данное законодателем в статье 2 ФЗ № 149, тем самым несколько внося определенность в отношении того, как данное средство доказывания соотносится с электронным документом. Однако наличие электронной подписи исключает такую возможность и одновременно позволяет сделать вывод о существовании самостоятельной группы доказательств, полученных с использованием сети Интернет, но без наличия электронной подписи.

Предмет научного интереса традиционно составляют электронные документы как доказательства в судебном процессе. При этом существует ряд исследований, посвященных электронным доказательствам (средствам доказывания), в рамках которых анализируется, в том числе, взаимосвязь электронных доказательств с электронными документами [6, с. 88-103]. Наряду с этим существует мнение, высказываемое практикующими юристами, согласно которому электронная переписка, скриншоты сайтов в сети Интернет, пусть и не поименованы в качестве самостоятельных средств доказывания в ГПК РФ, АПК РФ, но образуют самостоятельные группы доказательств [7; 8]. Отметим только, что отсутствие в профессиональной среде единого подхода к пониманию взаимосвязи электронных документов, письменных и электронных доказательств существует, но одновременно стало поводом для ряда предложений по его устранению.

Так, М.А. Митрофановой предложено, например, заменить формулировку «Письменные доказательства» на «Документальные доказательства», включив в перечень последних электронные доказательства (то есть те доказательства, которые «созданы на электронном носителе, но с возможностью их опосредованного восприятия без технических средств») [9, с. 9-10].

С.П. Ворожбит полагает, что отнесение электронного документа к письменным доказательствам поставлено в зависимость от того, зафиксирована ли информация (мысль), являющаяся доказательством, посредством письменных символов. При этом электронные средства доказывания выделить в самостоятельную группу доказательств, с уче-

том действующих процессуальных норм, по мнению автора, невозможно в силу нарушения в таком случае единства основания классификации [10, с. 24, 39].

Согласно другим выводам исследователей, электронный документ объективно наделен спецификой, в силу чего невозможно полное тождество электронного документа и традиционного письменного оказательства [2, с. 294].

Анализируя особенности процесса доказывания применительно к интеллектуальным спорам, следует согласиться с мнением об обременительном характере требований подтверждения достоверности каждого представленного электронного доказательства при условии применяемого в судебной практике принципа недискриминации электронных сообщений [11, с. 281]. Обратим внимание: именно в силу специфики материально-правовых отношений, урегулированных нормами об интеллектуальных правах, данный подход приобретает исключительную ценность. Составление нотариусом протоколов осмотра сайта, свидетельствование копий страниц сайта в сети Интернет (например, в деле № 2-474/19, № 2-4562/17), заметим, вызывают вопросы практического характера в части увеличения судебных издержек и, в принципе, – возможности получить указанную нотариальную услугу [7].

Итак, какими бы ни были разнообразными технические способы фиксации информации, максимально задействованные при разрешении гражданских дел данной категории, они не изменяют по умолчанию перечень средств доказывания, зафиксированный законодателем.

При очевидной необходимости зафиксировать в статье 55 ГПК РФ перечень средств доказывания открытым, следует, тем не менее, критично оценивать применяемое вновь средство доказывания, при условии, что такая возможность продиктована в режиме реального времени существующим уровнем техники. Критике должны быть подвергнуты попытки безусловно «встроить» такое средство доказывания как новое или иное, не оценив прежде, каким способом зафиксирована информация, подлежит ли она передаче посредством информационных систем или сети Интернет.

Однако и существующий перечень средств доказывания требует, на наш взгляд, корректирования, состоящего в том, чтобы: 1) включить в письменные доказательства понятие электронных текстовых доказательств (изменив тем самым редакцию статьи 71 АПК РФ); 2) определить электронные текстовые доказательства как родовое понятие, объединяющее виды – электронные документы, электронные образы до-

кументов, электронные сообщения, скриншоты сайтов страниц сети Интернет; 3) определить общий критерий допустимости для указанных видов доказательств – указание адреса сайта в сети Интернет, которым предоставлена информация, времени и даты фиксации информации, имеющей доказательственное значение, предоставление в судебном процессе на бумажном носителе – без соблюдения заверения подобной копии как необходимого признака допустимости доказательства.

Полагаем, профессиональным сообществом в процессе практической деятельности будет по достоинству оценено одно лишь указание в законе на наличие особой группы электронных текстовых доказательств, так как внесет определенность относительно их места в системе средств доказывания, суть которых зафиксирована письменными знаками, но посредством программ ЭВМ, информационных систем, обслуживаемых (созданных) в сети Интернет.

Список литературы

1. *Гурвич М.А.* Судебное решение. Теоретические проблемы. М.: Юрид. лит., 1976. 176 с.
2. *Афанасьев С.Ф., Баулин О.В., Лукьянова И.Н. и др.* Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / под ред. М.А. Фокиной. 2-е изд., перераб. и доп.. М.: Статут, 2019. 656 с.
3. *Треушников М.К.* Судебные доказательства. М.: Изд. дом «Городец», 2004. 272 с.
4. *Юдельсон К.С.* Судебные доказательства и практика их использования в советском гражданском процессе. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1956. 251 с.
5. *Алькова М.А.* Особенности доказывания по авторским спорам: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 187 с.
6. *Шкурова П.Д.* Письменные доказательства в гражданском и административном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 227 с.
7. *Кондратьева И.* Новые доказательства: скриншот, видео и аффидевит. URL: <https://pravo.ru/story/212847> (дата обращения: 01.10.2020).
8. *Лядова Ю.* Электронные доказательства в арбитражном процессе. URL: https://zakon.ru/blog/2020/3/23/elektronnye_dokazatelstva_v_arbitrazhnom_processe (дата обращения: 01.10.2020).
9. *Митрофанова М.А.* Электронные доказательства и принцип непосредственности в арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 27 с.
10. *Ворожбит С.П.* Электронные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011. 235 с.
11. *Афанасьев С.Ф., Борисова В.Ф., Зарубина М.Н., Кудрявцева Е.А., Курочкин С.А., Лукьянова И.Н., Некрошус В., Самсонова М.В., Смагина Е.С., Соловых С.Ж., Стрельцова Е.Г., Чайкина А.В., Черных И.И.* Преимущества и риски применения

современных технологий в гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. 2020. Т. 10. № 4. С. 270-294.

Поступила в редакцию 06.10.2020 г.

Поступила после рецензирования 17.11.2020 г.

Принята к публикации 27.11.2020 г.

Информация об авторе

Жуйкова Анна Александровна – юрисконсульт юридического отдела. Акционерное общество «Газпром газораспределение Тамбов», г. Тамбов, Российская Федерация.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3020-4576>, e-mail: zhujkova_anna2012@mail.ru

Для цитирования

Жуйкова А.А. Процессуальные особенности электронных текстовых доказательств как средств доказывания по гражданским делам, связанных с защитой интеллектуальных прав // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 16. С. 530-540. DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-530-540

DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-530-540

PROCEDURAL FEATURES OF ELECTRONIC TEXT EVIDENCE AS SOURCES OF EVIDENCE IN CIVIL CASES RELATED TO THE PROTECTION OF INTELLECTUAL RIGHTS

A.A. Zhuikova

Joint Stock Company “Gazprom Gas Distribution Tambov”

19d Moskovskaya St., Tambov 392000, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3020-4576>, e-mail: zhujkova_anna2012@mail.ru

Abstract. Taking into consideration the legal nature of evidence, we analyze the main procedural features of evidence widely used by persons participating in the case when resolving civil cases related to the protection of intellectual rights, such as screenshots of materials posted on Internet sites, electronic messages. We define the general features that characterize the indicated sources of evidence in this category of disputes. We point out, in particular, the objective influence of the procedural rules governing the rules of jurisdiction over intellectual disputes, as well as the substantive rules of Part 4 of the Civil Code of the Russian Federation, on the features of the development and provide evidence for the protection of intellectual rights in court, sources of evidence. We describe the relationship between the concepts of electronic documents, written evidence, and evidence generated through the use of the Internet. When applying general scientific methods of comparative analysis (in relation to certain sources of evidence) and deduction (in relation

to the analysis of special norms through the prism of general, basic, main procedural institutions that regulate relations in terms of the legal nature and characteristics of the evidence presentation in the category of cases under consideration), we form the main conclusions in terms of possible options for the development of these procedural institutions. We prove the necessity of the proposed changes for the purpose of the subsequent optimal functioning, action and application of the norms governing the evidence process in this category of cases, the concept of “electronic text evidence” is introduced.

Keywords: sources of evidence; features of evidence; presentation of sources of evidence in the protection of intellectual rights; presentation of evidence in the protection of intellectual rights

References

1. Gurvich M.A. *Sudebnoye resheniye. Teoreticheskiye problem* [Judgment. Theoretical Problems]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1976, 176 p. (In Russian).
2. Afanasyev S.F., Baulin O.V., Lukyanova I.N. et al. *Kurs dokazatel'stvennogo prava: Grazhdanskiy protsess. Arbitrazhnyy protsess. Administrativnoye sudoproizvodstvo* [Evidence Course: Civil Procedure. Arbitration Process. Administrative Proceedings]. Moscow, Statut Publ., 2019, 656 p. (In Russian).
3. Treushnikov M.K. *Sudebnyye dokazatel'stva* [Forensic Evidence]. Moscow, “Gorodets” Publishing House, 2004, 272 p. (In Russian).
4. Yudelson K.S. *Sudebnyye dokazatel'stva i praktika ikh ispol'zovaniya v sovetskom grazhdanskom protsesse* [Forensic Evidence and the Practice of Their Use in the Soviet Civil Procedure]. Moscow, State Publishing House of Legal Literature, 1956, 251 p. (In Russian).
5. Alkova M.A. *Osobennosti dokazyvaniya po avtorskim sporam: dis. ... kand. jurid. nauk* [Features of Proof in Copyright Disputes. Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2013, 187 p. (In Russian).
6. Shkurova P.D. *Pis'mennyye dokazatel'stva v grazhdanskom i administrativnom sudoproizvodstve: dis. ... kand. jurid. nauk* [Written Evidence in Civil and Administrative Proceedings. Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2019, 227 p. (In Russian).
7. Kondratyeva I. *Novyye dokazatel'stva: skrinshot, video i affidavit* [New Evidence: Screenshot, Video and Affidavit]. (In Russian). Available at: <https://pravo.ru/story/212847> (accessed 01.10.2020).
8. Lyadova Y. *Elektronnyye dokazatel'stva v arbitrazhnom protsesse* [Electronic Evidence in the Arbitration Process]. (In Russian). Available at: https://zakon.ru/blog/2020/3/23/elektronnyye_dokazatelstva_v_arbitrazhnom_processe (accessed 01.10.2020).
9. Mitrofanova M.A. *Elektronnyye dokazatel'stva i printsip neposredstvennosti v arbitrazhnom protsesse: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Electronic Evidence and the Principle of Immediacy in Arbitration. Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2013, 27 p. (In Russian).
10. Vorozhbit S.P. *Elektronnyye sredstva dokazyvaniya v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse: dis. ... kand. jurid. nauk* [Electronic Means of Evidence in Civil and Arbitration Proceedings. Cand. jurid. sci. diss.]. St. Petersburg, 2011, 235 p. (In Russian).
11. Afanasyev S.F., Borisova V.F., Zarubina M.N., Kudryavtseva E.A., Kurochkin S.A., Lukyanova I.N., Nekroshyus V., Samsonova M.V., Smagina E.S., Solovykh S.Z., Streltsova E.G., Chaykina A.V., Chernykh I.I. *Preimushchestva i riski primeneniya*

sovremennykh tekhnologiy v grazhdanskom protsesse [Benefits and risks of using modern technologies in civil procedure]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa – Herald of Civil Procedure*, 2020, vol. 10, no. 4, pp. 270-294. (In Russian).

Received 6 October 2020

Reviewed 17 November 2020

Accepted for press 27 November 2020

Information about the author

Zhuikova Anna Aleksandrovna – Legal Counsel of Legal Department. Joint Stock Company “Gazprom Gas Distribution Tambov”, Tambov, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3020-4576>, e-mail: zhujkova_anna2012@mail.ru

For citation

Zhuikova A.A. Protsessual'nyye osobennosti elektronnykh tekstovykh dokazatel'stv kak sredstv dokazyvaniya po grazhdanskim delam, svyazannykh s zashchitoy intellektual'nykh prav [Procedural features of electronic text evidence as sources of evidence in civil cases related to the protection of intellectual rights]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2020, vol. 4, no. 16, pp. 530-540. DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-530-540 (In Russian, Abstr. in Engl.)

© Плотникова Т.В., Парамонов А.В., 2020

DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-541-547

УДК 343.97

Шифр научной специальности 12.00.08

ОСОБЕННОСТИ НЕКОТОРЫХ МЕР ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ В РОССИИ В РАМКАХ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

Т.В. Плотникова, А.В. Парамонов

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6436-1209>, e-mail: plotnikova-tmb@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3288-3341>, e-mail: paramonowtmb@mail.ru

Аннотация. В современных сложившихся тяжелых условиях для экономики нашего государства коррупционные преступления представляют собой более высокий уровень опасности. Реформирование деятельности по противодействию коррупции, в целях повышения ее эффективности, является необходимой. Одной из радикальных мер в сфере противодействия коррупции станет отмена презумпции невиновности для коррупционных противоправных деяний. Презумпция невиновности является фундаментальным и несменяемым принципом уголовного законодательства, который закреплен в статье 14 УПК РФ. Нарушение данного принципа невозможно для уголовного производства, но современные обстоятельства требуют своевременных, оперативных, а иногда и радикальных решений. Стоит не пренебрегать мерами «подстраховки» со стороны деятельности правоохранительных органов, так как в противном случае это будет способствовать увеличению доли коррупционных преступлений именно в правоохранительных органах. Содержание пункта 4 статьи 14 УПК РФ является обязательным даже при отмене презумпции невиновности для коррупционных преступлений: «Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях». При этом принцип дифференциации наказания будет реализовываться посредством назначения срока лишения свободы от самого маленького до максимального, в зависимости от тяжести противоправного деяния.

Ключевые слова: противодействие коррупции; национальная безопасность; презумпция невиновности; коррупционные преступления

В современных сложившихся тяжелых условиях для экономики нашего государства коррупционные преступления представляют собой более высокий уровень опасности. Обострил ситуацию и появившейся в 2019 г. COVID-19, который ухудшил международные экономические

процессы, что в ближайшем будущем отразится новым экономическим кризисом и его негативными последствиями. В то же время в условиях распространения инфекции в нашем государстве наблюдается увеличение роста безработицы, снижение количества субъектов экономической деятельности (особо остро ситуация складывается в малом и среднем предпринимательстве), уменьшение платежеспособности населения и т. д.

В настоящее время Россия занимает 136 место в рейтинге стран по индексу восприятия коррупции, соперничая с такими странами, как Иран и Ливан. Этот показатель весьма негативный для такой великой державы, как Россия, что, естественно, подрывает ее международный авторитет, а также способствует нарастанию недовольства к действующей политической власти внутри государства. В настоящий момент у Российской Федерации показатель в 29 баллов, но стоит отметить, что в 2015 г. данный показатель составлял 35 баллов, то есть налицо за 5 лет ухудшение своей позиции на 6 баллов, что свидетельствует об увеличении коррупционных деяний в государстве, а также об неэффективной деятельности государственных органов России в данной сфере [1, с. 76].

В ежегодных отчетах представителей российских силовых ведомств, федеральных органов государственной власти, аудиторских отчетах Счетной палаты РФ содержатся оценки преступлений коррупционной направленности, а также ущерб от коррупции для экономики России. Согласно данным отчета МВД России «Состояние преступности России за январь–декабрь 2019 года» за отчетный год было выявлено 104,9 тыс. преступлений экономической направленности (на 4,1 % меньше по сравнению с 2018 г.), в общем количестве зарегистрированных преступлений их удельный вес составил 5,2 %. Материальный ущерб по таким преступлениям (по оконченным и приостановленным делам) составил 447,2 млрд руб. Кроме того, было выявлено 30,9 тыс. преступлений коррупционной направленности (на 1,6 % больше по сравнению с 2018 г.), из них раскрыто 28,17 тыс. преступлений. В общем объеме преступлений коррупционной направленности 44,7 % преступлений было связано со взяточничеством.

Согласно отчетным материалам МВД России за 8 месяцев 2019 г. ущерб по оконченным делам коррупционной направленности составил 102 млрд руб. Что касается объема бюджетных нарушений со средствами федерального бюджета за 2019 г., то по оценкам руководителя Счетной палаты РФ А.Л. Кудрина за 2019 г. было выявлено нарушений на сумму около 804 млрд руб. (в 2017 г. – 547,2 млрд руб., в 2018 г. –

426,1 млрд руб.), из которых треть преступлений являются уголовными преступлениями. Оценивая масштабы коррупции в России, А.Л. Кудрин отметил, что ущерб от коррупции для экономики России можно измерять триллионами рублей (объем ВВП в 2019 г. составил 109,3 трлн руб.), в том числе по уголовным преступлениям с бюджетными средствами ущерб составляет 2–3 млрд руб. в год.¹

В связи с данными показателями реформирование деятельности по противодействию коррупции, в целях повышения ее эффективности, является необходимой.

Одной из радикальных мер в сфере противодействия коррупции будет отмена презумпции невиновности для коррупционных противоправных деяний. С одной стороны, презумпция невиновности является фундаментальным и несменяемым принципом уголовного законодательства, который закреплен в статье 14 УПК РФ. Нарушение данного принципа невозможно для уголовного производства, но современные обстоятельства требуют своевременных, оперативных, а иногда и радикальных решений.

Данное нововведение будет эффективно только для традиционных коррупционных преступлений, где фигурируют материальные ценности. В частности, на практике правоохранитель довольно часто сталкивается с проблемами выявления схем и доказательств в необоснованном обогащении лица. В данном плане отступление от принципа презумпции невиновности будет означать необходимость подозреваемого доказать свою правоту, правомерность обогащения. Самыми надежными способами осуществления данной деятельности будет официальное декларирование своих доходов и имущества, официальное документирование всех денежных потоков и т. д. Эти действия помогут легализовать имущественные обращения потенциальных коррупционеров и, как следствие, помогут правоохранителю более эффективно выполнять свою деятельность в сфере противодействия коррупции. В то же время стоит не пренебрегать мерами «подстраховки» со стороны деятельности правоохранительных органов, так как в противном случае это будет способствовать увеличению доли коррупционных преступлений именно в правоохранительных органах. Поэтому содержание пункта 4 статьи 14 УПК РФ является обязательным, даже при отмене презумпции невиновности для коррупционных преступлений: «Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях».

¹ Статистические данные МВД РФ. URL: <https://мвд.рф/reports/item/18556721> (дата обращения: 11.05.2020).

Стоит сразу отметить, что в мировой истории данное «нововведение» уже было опробовано в Гонконге в 1974 г., когда коррупцией было пронизано 94 % всего государственного сектора. В 2019 г. Гонконг занял 15 место в рейтинге стран по индексу восприятия коррупции (75 баллов), что свидетельствует об эффективности данного метода.

Другой мерой, посредством которой возможно повышение эффективности противодействия коррупции, является ужесточение наказания. Коррупционными составами противоправных деяний считаются статьи 106, 159, 285, 286, 289, 290, 291, 292, 304 УК РФ и др. Если более подробно анализировать положения данных норм, то можно заметить, что ответственность за противоправные деяния, в рамках дифференциации наказания, представлена довольно обширно – от штрафов, исправительных работ до лишения свободы. На практике мы часто сталкиваемся с общественно резонансными противоправными деяниями (коррупция в особо крупных размерах (миллиарды рублей)), за которые виновные лица несут незначительную ответственность – вплоть до штрафов и домашних арестов. Такое положение не то что не способствует повышению эффективности противодействия коррупции, а наоборот, повышает веру людей в безнаказанность коррупционных преступлений. А для обычных людей служит дополнительным фактом разочарованности в политике государства в данной сфере (некая «политика укрывательства своих коррупционеров»). В то же время за незначительные преступления (например, по статье 158 УК РФ человек украл мешок картошки, так как был голодный) государство максимально реализует юридическую ответственность вплоть до лишения свободы на несколько лет.²

Поэтому имеет смысл пересмотра данной системы наказания за коррупционные преступления – безальтернативное лишение свободы и конфискация имущества. При этом принцип дифференциации наказания будет реализовываться посредством назначения срока лишения свободы от самого маленького до максимального, в зависимости от тяжести противоправного деяния (как, пример, от величины взятки).

Такая ответственность, с одной стороны, будет направлена на снижение негативных последствий путем конфискации и реализации имущества преступника. А с другой стороны, будет отражать социальную справедливость в виде отбывания наказания в местах лишения

² Статистические данные МВД РФ. URL: <https://мвд.рф/anticorr/NPA> (дата обращения: 11.05.2020).

свободы. Такое ужесточение наказания также будет способствовать и психологическому воздействию на потенциальных коррупционеров.

Список литературы

1. Публичные закупки: материалы Всерос. науч.-практ. конф.: проблемы правоприменения / Кафедра предпринимательского права Юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова [и др.]. М.: Юстицинформ, 2013. 214 с.

Поступила в редакцию 11.10.2020 г.

Поступила после рецензирования 19.11.2020 г.

Принята к публикации 27.11.2020 г.

Информация об авторах

Плотникова Татьяна Владиславовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры специальной подготовки и обеспечения национальной безопасности Института права и национальной безопасности. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6436-1209>, e-mail: plotnikova-tmb@mail.ru

Парамонов Андрей Валерьевич – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой специальной подготовки и обеспечения национальной безопасности. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3288-3341>, e-mail: paramonowtmb@mail.ru

Для цитирования

Плотникова Т.В., Парамонов А.В. Особенности некоторых мер по противодействию коррупции в России в рамках безопасности общества и государства // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 16. С. 541-547. DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-541-547

DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-541-547

SPECIFICS OF SOME ANTI-CORRUPTION MEASURES IN RUSSIA WITHIN THE FRAMEWORK OF PUBLIC AND STATE SECURITY

T.V. Plotnikova, A.V. Paramonov

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6436-1209>, e-mail: plotnikova-tmb@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2841-709X>, e-mail: vadimka.va@mail.ru

Abstract. In the current difficult conditions for the economy of our state, corruption crimes represent a higher level of danger. It is necessary to reform anti-corruption activities in order to increase its effectiveness. One of the radical measures in the field of anti-corruption will be the abolition of the presumption of innocence for corrupt illegal acts. The presumption of innocence is a fundamental and irremovable principle of criminal law, which is enshrined in article 14 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Violation of this principle is impossible for criminal proceedings, but modern circumstances require timely, prompt, and sometimes radical solutions. It is worth not to neglect the measures of “insuring” on the part of law enforcement agencies, since otherwise it will increase the share of corruption crimes in law enforcement agencies. The content of paragraph 4 of article 14 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is mandatory even if the presumption of innocence for corruption crimes is canceled: “A conviction cannot be based on assumptions”. At the same time, the principle of differentiation of punishment will be implemented by assigning the term of imprisonment from the minimum to the maximum, depending on the severity of the illegal act.

Keywords: anti-corruption; national security; presumption of innocence; corruption crimes

References

1. *Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: problemy pravoprimeneniya «Publichnyye zakupki»* [Proceedings of the All-Russian Research and Practical Conference “Public Procurement”]. Moscow, Justicinform Publ., 2013, 214 p.

Received 11 October 2020

Reviewed 19 November 2020

Accepted for press 27 November 2020

Information about the authors

Plotnikova Tatyana Vladislavovna – Candidate of Jurisprudence, Associate Professor, Associate Professor of Special Training and National Security Department of Law and National Security Institute. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6436-1209>, e-mail: plotnikova-tmb@mail.ru

Paramonov Andrey Valerevich – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of Special Training and National Security Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3288-3341>, e-mail: paramonowtmb@mail.ru

For citation

Plotnikova T.V., Paramonov A.V. Osobennosti nekotorykh mer po protivodeystviyu korruptsii v Rossii v ramkakh bezopasnosti obshchestva i gosudarstva [Specifics of some anti-corruption measures in Russia within the framework of public and state security]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2020, vol. 4, no. 16, pp. 541-547. DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16-541-547 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Для цитирования:

Актуальные проблемы государства и права. – 2020. – Т. 4. – № 16. – 140 с. – ISSN 2587-9340. – DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-16

Научно-практический юридический журнал

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW
AKTUELLE FRAGEN DES STAATES UND RECHTS
国家和法律的现实问题

Том 4

№ 16

2020

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-69827 от 18 мая 2017 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».
392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33

Адрес редакции и издателя:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».
Телефон редакции (4752) 72-34-34 (доб. 3117)

Главный редактор: В.Ю. Стромов

Прием статей:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, 181 Б, каб. 209
Институт права и национальной безопасности
Тел.: (4752) 72-34-34 (доб. 3117). **Электронная почта:** lexnauka.tgu@yandex.ru
Веб-сайт: <http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law.html>
<http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng.html>

Редакторы: *Ю.А. Бирюкова, И.В. Ильина, М.А. Сенина*

Редактор английских текстов *В.В. Клочихин*

Компьютерное макетирование *Т.Ю. Молчановой*

Дизайн обложки *Т.О. Прокофьевой*. Администратор сайта *М.И. Филатова*

Подписано в печать 02.12.2020. Выход в свет 14.12.2020

Формат В5 (70×108 1/16). Гарнитура «Times New Roman». Печать на ризографе.

Печ. л. 8,75. Усл. печ. л. 12,25. Тираж 1000 экз. Заказ 20247. Цена свободная.

Распространяется бесплатно и по подписке. Индекс 80661 в каталоге АОА «Роспечать»

Отпечатано с готового оригинал-макета в отделе оперативной печати

Издательского дома «Державинский»

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».
392008, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г. Эл. почта: izdat_tsu09@mail.ru

